

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 11 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Павленков Р.В., к.э.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., доцент; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Андреев А.В., к.ю.н.; Аюпова Г.Ш., к.ю.н.; Бердникова О.П., к.ю.н., доцент; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н.; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Гусев А.В., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н., профессор; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н.; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадына О.В., к.ю.н.; Плетникова М.С., к.ю.н., доцент; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н.; Стельмах В.Ю., к.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н., профессор; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли 12.00.00 – юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 30.03.2022. Формат 60х84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 80 экз. Заказ № 12

Дата выхода в свет 31.03.2022. Свободная цена

BULLETIN № 1 (33) • 2022

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 11, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Pavlenkov R.V., cand. of economics, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Goncharov D.YU., dr. of law, associate professor; Davletov A.A.,

dr. of law, professor; Darmenov A.D., cand. of law, associate professor;

Karasyov A.T., dr. of law, professor; Kodan S.V., dr. of law, professor;

Majorov V.I., dr. of law, professor; Osincev D.V., dr. of law, associate

professor; Savos'kin A.V., dr. of law, associate professor; Semyakin M.N.,

dr. of law, professor; Smykalin A.S., dr. of law, professor; Shaburov A.S.,

dr. of law, professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Andreev A.V., cand. of law; Ayupova G.SH., cand. of law; Berdnikova

O.P., cand. of law, associate professor; Bozrov V.M., dr. of law, professor;

Goloviznin A.V., cand. of law; Gribunov O.P., dr. of law, professor;

Grebenshchikova I.V., cand. of law; Gusev A.V., cand. of law, associate

professor; Degtyarev S.L., cand. of law, associate professor; Deryugin

R.A., cand. of law; Kazancev A.O., cand. of law, associate professor;

Klimovich YU.S., cand. of law, associate professor; Kokorin D.L., cand. of

law, associate professor; Kurilov S.I., cand. of law; Lappo E.A., cand. of

law; Noskova Yu.B., cand. of law, associate professor; Orlov K.A., cand.

of law, associate professor; Peresadina O.V., cand. of law; Pletnikova

M.S., cand. of law, associate professor; Rodevich V.Ch., cand. of law,

associate professor; Sazon K.D., cand. of law, associate professor;

Sergeev D.N., cand. of law; Stelmakh V.Yu., cand. of law, associate

professor; Tat'yanina L.G., dr. of law, professor; SHnarbaev B.K., dr.

of law, associate professor; Schetinina N.V., cand. of law, associate

professor; Kharlamova A.A., cand. of law, associate professor

Executive Secretary Kudoyarova G.R.

Editor Bebikh I.B.

Translator Guzikova V.V.

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere of legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru>
ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on March 30, 2022. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0.
Uch.-ed. L. 18.0 Edition 80 copies. Order No. 12
Date of publication on March 31, 2022. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2022

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства	
<i>Власова С.В., Миллер В.Ю.</i> К вопросу о смене доктрины правового регулирования противодействия преступлениям в сфере экономики	5
<i>Градский В.Е.</i> Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации	10
<i>Зеленина О.А.</i> Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства в свете принципа презумпции невиновности	15
<i>Количенко А.А.</i> Отличительные признаки и основания для классификации электронных доказательств в уголовном процессе	19
<i>Кудряшова Е.С.</i> О некоторых вопросах функционирования института приостановления предварительного расследования	24
<i>Миронова А.В.</i> Организационная деятельность органа дознания по сообщению об угоне транспортного средства	30
<i>Назаров М.В.</i> Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в целях возбуждения и расследования уголовных дел о дистанционных кражах и мошенничествах	35
<i>Никулина А.В., Сергеев А.Б.</i> Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие, содержание, признаки	40
<i>Плетникова М.С., Гарипов Т.И.</i> Очная ставка в современном уголовном процессе	47
<i>Рудакова С.В.</i> Следователь и его право обжалования	53
<i>Сафонова А.А.</i> Некоторые проблемы вступления защитника в уголовное дело	59
<i>Солодовник В.В.</i> Особенности применения упрощенной формы уголовного судопроизводства, связанной с назначением судебного штрафа	64
<i>Стельмах В.Ю.</i> Двойная ответственность за одно преступление: проблемы и спорные вопросы	70
<i>Ткачева Н.В.</i> Механизм реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела в производстве суда первой инстанции	75
<i>Шкаплеров Ю.П.</i> Дознание согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи	81
Вопросы криминалистики	
<i>Оракбаев А.Б.</i> О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации	88
<i>Хамидуллин Р.С.</i> Обеспечение национальной безопасности путем противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	93
<i>Шруб М.П.</i> Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как криминалистическая категория: системно-структурный анализ понятия	99
Основные тенденции государственно-правового развития	
<i>Гусев А.В., Савоскин А.В., Галицков В.А.</i> Значение решений Суда Евразийского экономического союза для правового пространства стран-участниц и национальных судов	106
<i>Кожевников О.А.</i> Конституционализация нормативной основы местного самоуправления: тенденции и неопределенные перспективы	112
<i>Морозова А.С.</i> Об особенностях конституционно-правового статуса федеральной территории: обзор правовых позиций и юридической практики	119
<i>Столярова З.Н.</i> Административное законодательство в сфере миграции: новые тренды	124
<i>Хлебунова С.А.</i> Трудовые правоотношения в условиях цифровизации правовых и организационных миграционных механизмов	130
<i>Шурманов Е.А., Овчаренко П.А.</i> Всесоюзный спортивный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» и организационно-правовой статус добровольных спортивных организаций в СССР в 30-е годы	135
Проблемы теории права	
<i>Кротова Е.Н.</i> Общетеоретическая характеристика субъективных элементов состава неправомерного деяния	140
<i>Хрони Н.Н.</i> Приоритетная юридическая обязанность личности: исторический аспект	147
Уголовное право и уголовная политика	
<i>Агеев А.С.</i> К вопросу об объекте незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции	154
<i>Ермакова О.В.</i> Недостатки законодательной регламентации деяния и признаков потерпевшего в преступлениях против половой свободы и неприкосновенности	160
<i>Ефарова М.Н.</i> Уголовно-правовая характеристика действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств	164
<i>Малышев К.С.</i> Некоторые вопросы законодательной регламентации норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности	168

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Уральского юридического института МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Contents

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation

<i>Vlasova S.V., Miller V.Yu.</i> On the issue of changing the doctrine of the legal organization of combating crimes in the economy	5
<i>Gradsky V.E.</i> Mediator as a criminal proceedings participant in the Russian Federation	10
<i>Zelenina O.A.</i> Procedural status of a participant in criminal proceedings in the light of the principle of presumption of innocence	15
<i>Kolichenko A.A.</i> Distinguishing features and grounds for classification of electronic evidence in criminal proceedings	19
<i>Kudryashova E.S.</i> On some issues of the functioning of the institution of suspension of the preliminary investigation	24
<i>Mironova A.V.</i> Organizational activity of the body of inquiry on the report of the theft of a vehicle	30
<i>Nazarov M.V.</i> Problems of using the results of operational-search activities for the purpose of initiating and investigating criminal cases about remote theft and fraud	35
<i>Nikulina A.V., Sergeev A.B.</i> Abuse of law in criminal proceedings: concept, content, signs	40
<i>Pletnikova M.S., Garipov T.I.</i> Face-to-face in modern criminal proceedings	47
<i>Rudakova S.V.</i> The investigator and his right of appeal	53
<i>Safonova A.A.</i> Some problems of the defender's introduction in the criminal case	59
<i>Solodovnik V.V.</i> Features of the application of a simplified form of criminal proceedings related to the imposition of a court fine	64
<i>Stelmakh V.Yu.</i> Double responsibility for one crime: problems and controversial issues	70
<i>Tkacheva N.V.</i> Mechanism of implementation of the function of consideration and resolution of a criminal case in the proceedings of the court of first instance	75
<i>Shkaplerov Y.P.</i> Preliminary investigation according to the statute of criminal legal procedure of Russian empire	81

Questions of criminalistics

<i>Orakbaev A.B.</i> On some issues of crime investigation using virtualization tools	88
<i>Khamidullin R.S.</i> Ensuring national security by countering crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances committed using information and telecommunication technologies	93
<i>Shrub M.P.</i> Crimes in the field of sexual exploitation as forensic category: system and structural analysis of the notion	99

The main trends of state and legal development

<i>Gusev A.V., Savoskin A.V., Galitskov V.A.</i> The significance of the decisions of the Court of the Eurasian Economic Union for the legal space of the participating countries and national courts	106
<i>Kozhevnikov O.A.</i> Constitutionalization of the regulatory framework of local self-government: trends and uncertain prospects	112
<i>Morozova A.S.</i> On the peculiarities of the constitutional and legal status of the Federal Territory: a review of legal positions and legal practice.....	119
<i>Stolyarova Z.N.</i> Administrative legislation in the field of migration: new trends	124
<i>Khlebunova S.A.</i> Labor relations in the context of digitalization of legal and organizational migration mechanisms.....	130
<i>Shurmanov E.A., Ovcharenko P.A.</i> The all-union sports complex «Ready for labor and defense of the USSR» and the organizational and legal status of voluntary sports organizations in the USSR in the 1930s	135

Problems of theory of law

<i>Krotova E.N.</i> General theoretical characteristics of the subjective elements of the unlawful act	140
<i>Khroni N.N.</i> Priority legal duties of the individual: historical aspect	147

Criminal law and criminal policy

<i>Ageev A.S.</i> To the question about the object of illegal retail of alcoholic and alcohol-containing food products	154
<i>Ermakova O.V.</i> Shortcomings of the legislative regulation of the act and signs of the victim in crimes against sexual freedom and inviolability	160
<i>Efarova M.N.</i> Criminal law characteristics of actions that threaten the safe operation of vehicles	164
<i>Malyshev K.S.</i> Some issues of legislative regulation of the norms on responsibility for the dissemination of information that does not correspond to the activity that poses a threat to public safety	168

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343.1

К вопросу о смене доктрины правового регулирования противодействия преступлениям в сфере экономики

Власова Светлана Владимировна¹, Миллер Виктор Юрьевич²
^{1,2} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Автор, ответственный за переписку: Власова Светлана Владимировна, Vlasovasvetla@yandex.ru

Аннотация. Существующий следственный уголовно-процессуальный механизм является продуктом оптимизации советской следственной уголовно-процессуальной модели. Все судебные реформы, проводившиеся за последние два столетия, равно как и все постсоветское правовое строительство, не изменили государственно-правовой организации противодействия преступности в нашей стране, основанной на следственной власти. Происходит только оптимизация правовой модели, закрепленной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, без изменения ее основ: институтов обвинения (привлечения к уголовной ответственности) и доказывания. В статье автор пытается объяснить, что именно на философско-правовом, теоретико-методологическом уровне находится главное препятствие для смены уголовно-процессуальной модели, которая лежит в основе правовой организации противодействия экономической преступности.

Ключевые слова: обвинение, следственная парадигма, уголовно-правовая доктрина, уголовно-процессуальный механизм, диспозитивность

Для цитирования: Власова С. В., Миллер В. Ю. К вопросу о смене доктрины правового регулирования противодействия преступлениям в сфере экономики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 5–9.

Original article

On the issue of changing the doctrine of the legal organization of combating crimes in the economy

Vlasova Svetlana V. ¹, Miller Victor Yu. ²
^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

Corresponding author: Vlasova Svetlana V., Vlasovasvetla@yandex.ru

Abstract. The existing investigative criminal procedural mechanism is a product of the optimization of the Soviet investigative criminal procedural model. All judicial reforms carried out over the past two centuries, as well as all post-Soviet legal construction, have not changed the state-legal organization of combating crime in our country, based on the investigative power. There is only an optimization of the legal model, enshrined in the Code of Criminal Procedure, without changing its foundations: the institutions of accusation (prosecution) and proof. In the article, the author tries to explain that it is at the philosophical-legal, theoretical-methodological level that the main obstacle to changing the criminal procedural model lies, which underlies the legal organization of combating economic crime.

Keywords: accusation, investigative paradigm, criminal law doctrine, criminal procedure mechanism, dispositiveness

For citation: Vlasova S. V., Miller V. Yu. On the issue of changing the doctrine of the legal organization of combating crimes in the economy // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 5–9.

Теория, философия права (уголовно-процессуального) образует парадигму, мировоззренческую основу науки. Основу парадигмы отечественного правоведения составляют нормативизм, юридический позитивизм, для которого научная модель объекта познания помещена в позитивное право. Выработанные теорией права понятия являются подосновой мировоззрения отраслевиков. Будучи, как и все отечественные юридические науки, нормативистской, теория уголовного процесса сформировала следственную парадигму познания своего объекта познания – следственного уголовного процесса¹.

Перестройка правовой организации противодействия преступности в цифровом обществе невозможна без изменения стереотипов правосознания, стандартов правоприменения, формирования новой правовой культуры². Без смены следственной парадигмы на состязательную, на наш взгляд, невозможно найти ответы на вопросы, стоящие перед нами.

В России исторически сложилась следственная парадигма – весь корпус знаний об уголовном процессе, который был во все времена научной рефлек-

сии следственным. Эта следственная традиция, если угодно, идеология, воплотилась в категориальном аппарате, который, в свою очередь, детерминирован позитивным правом. Юридический позитивизм методологически ограничен существующей процессуальной моделью.

Надо заменить концептуальные опоры официальной уголовно-правовой доктрины и создать новые, адекватные новым реалиям, несмотря на всю силу инерции стереотипов³ или даже «архетипов».

При этом будут решаться следующие задачи. Во-первых, это *деконструкция* понятийного каркаса отечественного правоведения, унаследованного с советских времен, который составляет основу и современного юридического мировоззрения – понимания права; в том числе деконструкция центрального понятия «приказного правопонимания» «механизм правового регулирования», при котором постулируется, что государство посредством «нормативно-правовых средств» (закона) осуществляет *регулирующее воздействие* на общественные отношения и их участников (поведение). Общеуниверсальные понятия (включая отраслевые изводы) обеспечивают воспроизводство догматического, этатистского, антигуманного представления о *действии уголовного права* (особенно в сфере защиты собственности от предпринимательских преступлений), на него опирается юридическая практика – правоприменение. Таким образом, первая – негативная составляющая методологической проблемы, подлежащей решению, – сводится к опровержению господствующего учения о государстве и праве, которое лежит в основе представлений российских юристов, как материалистов, так процессуалистов, о том, как устроен

¹ Парадигмальность – естественное состояние науки с определенного момента ее зрелости. Парадигмальной наука становится тогда, когда, во-первых, из деятельности одиночек она превращается во влиятельный социальный институт, реальное средство изменения мира и ведущую производительную силу общества. Во-вторых, возникают некие «принятые большинством» научные методы, методологические подходы в научных исследованиях сложных явлений.

² Мы разделяем мнение о том, что требуется отход от крайностей догматики, формализма и принятие нового постпозитивистского подхода к пониманию правовых явлений, преодоление тем самым изоляции от западной правовой мысли. Российские юристы «должны понять право и его источники по-новому» (См.: Соломон П. Х. Подотчетность судей в посткоммунистических государствах // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М.: «Статут», 2011. С. 103, 104). Ведь сохраняют актуальность слова о том, что «правосудие не стало выразителем “интереса права”, в растерянности и моральной изоляции по инерции ожидая, какому “праву интереса” придется служить» (См.: Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435).

³ По этому поводу наши предшественники писали: «Непредубежденному человеку видна цепкость прошлого во всех сферах государственного строительства, не исключая и судостроительства в широком смысле этого слова. Великая инерция, сильна боязнь нового. Период перестройки, к сожалению, не ознаменовался для правоохранительных органов кардинальными переменами, способными переломить застойные тенденции. Предоставленная произволу судьбы юстиция агонизирует, не пользуясь сочувствием общественности и поддержкой государства» (См.: Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР»).

правовой мир вообще и в той или иной правовой отрасли отдельно, в том числе и в сфере правового противодействия экономической преступности.

Вторая – конструктивная компонента методологической проблемы – включает в себя несколько моментов: во-первых, это разработка авторских концептов, призванных заменить следственные догматы официальной научной доктрины уголовного процесса; во-вторых, это обоснование отказа от следственной правовой организации обвинения и доказывания в уголовно- процессуальном механизме противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности¹.

В сфере экономической деятельности назрело противоречие между экономикой и системой уголовно-правовой охраны экономической деятельности. За последнее время был сформирован особый уголовно-процессуальный механизм применения уголовно-правовых норм в сфере экономики. Он сводится к системе изъятий из общего – публичного уголовно-процессуального стандарта ведения досудебного производства, обеспечивающего личные и имущественные права субъектов предпринимательской деятельности.

Между тем существующий следственный уголовно-процессуальный механизм применения норм уголовного права в сфере экономики является продуктом оптимизации советской следственной уголовно-процессуальной модели. А та, в свою очередь, является наследием того типа процесса, которой сформировался в средние века в Московском государстве. Следственная организация уголовно-правовой охраны соответствует самодержавной, авторитарной форме правления. Все судебные реформы, проводившиеся за последние два столетия, равно как и все постсоветское правовое строительство, не изменили государственно-правовой организации противодействия преступности в нашей стране, основанной на следственной власти. Это касается и последней по счету судебной реформы 1991 г., кульминационным моментом которой стало принятие УПК РФ. Происходит только оптимизация правовой модели, закреплённой в этом кодексе, без изменения ее основ: институтов обвинения (привлечения к уголовной ответственности) и доказывания.

В основании концепции создания особого порядка привлечения к уголовной ответственности

субъектов предпринимательских преступлений лежит иллюзия о возможности работы следственного уголовно-процессуального механизма применения статей УК РФ к субъектам предпринимательской деятельности в режиме ручного управления, минимизация таким путем его негативных эффектов. Между тем они проявления произвола следственной власти и эксцессов в применении уголовно-правовых норм, причина которых в самой следственной системе, включающей главное условие верховенства закона в сфере экономики: независимость суда и равенство сторон в уголовно-правовом споре.

Не менее предпринимателей страдают от экономической преступности и неэффективности уголовно-процессуального механизма, призванного противодействовать ей, физические лица, простые граждане, которые массово становятся жертвами преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых мошенниками под видом предпринимателей. Они не имеют структур, способных сформулировать и вынести на публичное обсуждение свои требования. Полностью завися от официальных властей, они сами не в состоянии защитить своих интересов при совершении в отношении них преступлений в сфере экономической деятельности. Об этом не принято говорить. Однако, судя по данным эмпирических исследований, речь может идти о десятках тысяч лиц, оставшихся без защиты государства, которое реагирует на их заявления постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела.

Для решения глобальной политико-правовой проблемы создания эффективной уголовно-правовой защиты интересов государства, бизнеса, населения и, как показывает практика, *технического*² подхода (по *оптимизации существующей* правовой модели) уже недостаточно. Архаичную следственную модель применения норм уголовного права в сфере экономической деятельности, заточенную только на государственный интерес, юридико-техническими мерами невозможно адаптировать для защиты бизнеса, и самое главное – населения от преступлений в сфере экономической деятельности.

Требуется другой выход из обозначенной проблемной ситуации. Ввиду глобального характера поставленных целей и подлежащих решению задач надо ставить вопрос о выборе одного из имеющихся в философии права подходов к правопониманию.

Уже в самом допущении свободы выбора методологического подхода состоит побег из догматики [1]. Только антидогматика открывает путь настоящей реформы уголовно-процессуальной системы, которая детерминирует правовую организацию применения мер уголовно-правового воздействия в сфере экономики.

² Имеется в виду как юридико-технический, так и «технический» в узком смысле этого термина подход: в виде управленческих решений, использования информационно-коммуникационных технологий.

¹ Перевод процедур (1) обвинения и (2) доказывания из следственных в судебные автор вместе с другими представителями нижегородской школы процессуалистов считает главной мерой по преобразованию государственно-правовой организации разрешения уголовно-правовых споров с применением цифровых коммуникативных технологий (прежде всего и главным образом в сфере экономики). Однако даже помыслить подобное преобразование можно только через формирование междисциплинарных теоретических представлений об основных параметрах организации того, как и кем может осуществляться доказывание, выдвижение обвинения и т. п., что представляется методологической задачей.

На фундаментальном философско-правовом уровне надо попытаться осуществить переход к новому пониманию государства, права, той системы противодействия преступности (главным образом, киберпреступности, экономической преступности, как наиболее характерных для цифрового общества и экономики), которые будут в обозримой перспективе.

Традиционно публично-правовая природа уголовного процесса связывается с публично-правовым предметом уголовно-процессуальной деятельности, который составляет применение норм уголовного права, а те, в свою очередь, имеют дело с общественно опасным явлением – преступлением. Соответственно, тезис о ведущей роли публичного обвинения в правовой основе противодействия преступности вытекает из публично-правовой сущности уголовного права и обязанности государства противодействовать общественно опасным явлениям – преступлениям.

Необходимо сделать некие решительные шаги на уровне методологии. В отечественном правоведении сложилось твердое убеждение об использовании различных методов правового регулирования в разных сферах. В экономической сфере преобладает гражданско-правовое регулирование и диспозитивный метод, а публично-правовой, в том числе в уголовном судопроизводстве, – императивный. Методологическая проблема состоит в определении баланса диспозитивного и императивного методов в организации уголовно-правовой защиты экономики.

О том, как, каким образом соотносятся публичное и диспозитивное начала в отечественном уголовном процессе, велись и ведутся ожесточенные дискуссии [2]. В советской науке диспозитивность несовместима с уголовным процессом [3]. Ситуация изменилась в постсоветское время, когда диспозитивность получила признание процессуалистов [4]. Новый «экономический уголовный процесс» идет вопреки устоявшейся традиции: он насыщен диспозитивным началом. И в этом, кстати, состоит главный довод в пользу его относительной самостоятельности в современной уголовно-процессуальной системе.

Сторонники либеральной позиции, ратующие за смягчение крайностей следственной формы, призывают к усилению частноправовых, диспозитивных механизмов в уголовно-процессуальной системе. Наиболее глубоким и продуманным вариантом такой позиции является «теория конвергенции» [5].

Ядром проблемной ситуации является теоретико-методологическая, даже философская, составляющая. Начинать надо перестройку на теоретическом, парадигмальном уровне, где находится главное препятствие для создания новой уголовно-процессуальной модели правовой организации противодействия экономической преступности. И мы думаем, что традиционными мерами классической школы права эту методологическую задачу не решить.

Надо признать, что в целом необходим переход к *третьему типу правопонимания*, который позволит

пересмотреть базовые положения правоведения о праве, государстве, правовых средствах урегулирования социально-экономических и других конфликтов [6]. Это приводит к необходимости осуществить комплексный пересмотр философских, общетеоретических и отраслевых юридических представлений об «объективном праве» и государстве (как «субъекте» уголовно-правового отношения, права на наказание и т. п.), а также о правоотношениях (материальных и процессуальных), субъектах правоотношений, юридической (уголовной) ответственности, юридических фактах и т. д.

Таковы, на наш взгляд, слагаемые проблемной ситуации, начиная от теоретико-методологических и заканчивая процессуально-технологическими. Усилия в направлении создания оптимального уголовно-процессуального механизма противодействия преступности в сфере экономики будут иметь успех только на новом теоретико-методологическом фундаменте.

Выход из проблемной ситуации видится нам через постулирование того, что процедурность есть сущностная черта права. Процесс составляет основу правовой организации противодействия преступности.

Список источников

1. Гмирко В. П. Реструктуризація вітчизняного кримінального процесу: The attempt of dogmatic Shawshank redemption? Правова позиція. 2018. № 1 (20). С. 21–36.
2. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе: моногр. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. С. 124; Андреева О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: моногр. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 13–15; Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: моногр. / под ред. А. П. Кругликова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 56–70; Рогова О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. С. 9–13.
3. Ленский А. В., Якимович Ю. К. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России. М.: Юрист, 1998. С. 9.
4. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. С. 76–78, 112; Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. проф. А. П. Кругликова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 9, 18–21, 67.
5. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве российской федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012; Он же. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: моногр. / под ред. Зайцева О. А. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 6–11, 36–42; Рарог А. И. Сближение уголовно-правовых систем эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 586; Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 222–236; Власова С. В., Шаутаева

Г. Х. К вопросу о дифференциации форм согласительных процедур в современном уголовном судопроизводстве России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. Т. 25. Вып. 3. С. 104–107; Спиридонов А. П. Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006; Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: теория, технология, практика: моногр. / под ред. Р. Б. Головкина. М.: Центр соврем. образоват. технологий, 2011. С. 54; Шестакова С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 8, 34; Смирнов А. В. Типология уголовного судопроизводства: дис. д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 12, 106, 112; Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 4, 8–11 и др.

6. Власова С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: моногр. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. С. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 45.

References

1. Gmirko V. P. Restructuring of the criminal process of the state: The attempt of dogmatic Shawshank redemption? Legal position. 2018. No. 1 (20). pp. 21–36.

2. Alexandrov A. S. Dispositiveness in the criminal process: monograph. N. Novgorod: NUI MVD RF, 1997, p. 124; Andreeva O. I. Limits of the manifestation of optionality in criminal proceedings: monograph. Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2000, pp. 13–15; Dikarev I. S. Dispositiveness in the criminal process in Russia: monograph. / ed. A. P. Kruglikova. Volgograd: Publishing House of VolGU, 2005, pp. 56–70; Rogova O. I. Limits of the manifestation of dispositiveness in criminal proceedings: author. dis. ... cand. legal Sciences. Tomsk, 1994, pp. 9–13.

3. Lensky A. V., Yakimovich Yu. K. Proceedings on cases of private prosecution in the criminal process of Russia. M.: Lawyer, 1998. S. 9.

4. Alexandrov A. S. Dispositiveness in the criminal process. N. Novgorod: NUI MVD RF, 1997, pp. 76–78, 112; Dikarev I. S. Dispositiveness in the criminal process in Russia / ed. prof. A. P. Kruglikova. Volgograd: Publishing House of VolGU, 2005. S. 9, 18–21, 67.

5. Abshilava G. V. Conciliation procedures in the criminal proceedings of the Russian Federation: dis. ... Dr. jurid. Sciences. M., 2012; He is. Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation: monograph. / ed. Zaitseva O. A. M.: Yurлитinform, 2012. S. 6–11, 36–42; Rarog A. I. Rapprochement of criminal law systems in the era of globalization // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. V. 9. No. 3. S. 586; Korshunov N. M. Convergence of private and public law: problems of theory and practice. M., 2011. S. 222–236; Vlasova S. V., Shautaeva G.

Kh. On the issue of differentiation of forms of conciliation procedures in modern criminal justice in Russia // Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". 2015. V. 25. Issue 3. pp. 104–107; Spiridonov A. P. Criminal Law of the Russian Federation and Legal Globalization: Influence and Correlation: Abstract of the thesis. dis. ... Dr. jurid. Sciences. St. Petersburg, 2006; Tretyakova O. D. Legal convergence: theory, technology, practice: monograph. / ed. R. B. Golovkina. M.: Center modern. educate. Technologies, 2011, p. 54; Shestakova S. D. Genesis of the method of Russian criminal procedure law in the context of convergence and divergence of the Anglo-Saxon and continental legal systems (theoretical and legal research): thesis ... of Dr. Jurid. Sciences. SPb., 2004. S. 8, 34; Smirnov A. V. Typology of criminal proceedings: dis. Dr. jurid. Sciences. M., 2001. S. 12, 106, 112; Smirnov A. V. Models of the criminal process. SPb., 2000. S. 4, 8–11 and others.

6. Vlasova S. V. Theoretical concept of the legal (criminal procedure) organization of combating crime in the economic sphere: monograph. / ed. Dr. jurid. sciences, prof. A. S. Alexandrova. M.: Yurлитinform, 2020. S. 45.

Библиографический список

Соломон П. Х. Подотчетность судей в посткоммунистических государствах / Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М.: «Статут», 2011.

Bibliographic list

Solomon P. H. Accountability of Judges in Post-Communist States / Law and Law Enforcement in Russia: Interdisciplinary Studies / ed. V. V. Volkova. M.: "Statute", 2011.

Информация об авторах

Власова Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Миллер Виктор Юрьевич – кандидат юридических наук

Information about the authors

Vlasova Svetlana V. – Candidate of Law, Associate Professor

Miller Victor Yu. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 23.12.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 23.12.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Научная статья
УДК 343.1

Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации

Градский Владимир Евгеньевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
gradskij-v@mail.ru

Аннотация. В рамках данной статьи проведен анализ статуса медиатора, в частности рассмотрены его права и обязанности, полномочия, место в системе участников уголовного процесса, а также возможность выполнения роли медиатора уже существующими в российской правовой действительности участниками уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: медиация, уголовный процесс, медиатор, иные участники, статус медиатора

Для цитирования: Градский В. Е. Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 10–14.

Original article

Mediator as a criminal proceeding's participant in the Russian Federation

Gradsky Vladimir E.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
gradskij-v@mail.ru

Abstract. Within the framework of this article, an analysis of the status of a mediator has been carried out, in particular, his rights and obligations, powers, place in the system of participants in the criminal process, as well as the possibility of performing the role of a mediator by participants in criminal proceedings already existing in the Russian legal reality are considered.

Keywords: mediation, criminal process, mediator, other participants, mediator status

For citation: Gradsky V. E. Mediator as a criminal proceedings participant in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 10–14.

Введение института медиации в уголовный процесс России, безусловно, повлечет за собой включение процедуры в систему производства по уголовным делам, что подразумевает под собой появление нового участника уголовного судопроизводства – медиатора. А.А. Давлетов видит в этом главное отличие традиционного уголовного судопроизводства от медиации, где основными участниками процесса становятся пострадавший, правонарушитель и медиатор, вместо государства и правонарушителя [1, с. 168–179].

Распространение в России практики медиативного урегулирования юридических споров требует научного осмысления многих вопросов, связанных, в том числе, с процессуальным статусом медиатора,

его местом в системе участников уголовного процесса и с теми субъектами, на которых будут возложены полномочия медиаторов.

Для определения статуса медиатора необходимо выделить основные задачи его деятельности в примирительных процедурах. В части 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закреплено, что медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке решения по существу спора. Исходя из определения,

можно сделать вывод, что российский законодатель считает основной задачей медиатора содействие в поиске решения по делу.

В свою очередь, И. Б. Михайловская пишет, что «институт примирения сторон по сути своей создан с целью восстановления моральных и материальных прав потерпевшего, поэтому основная задача медиатора состоит в удостоверении заглаживания причиненного вреда» [2, с. 144].

На наш взгляд, задачами медиатора являются:

- 1) оказание содействия в выяснении позиций сторон;
- 2) создание условий для диалога;
- 3) организация контакта между участниками конфликтной ситуации;
- 4) выявление взаимного интереса сторон;
- 5) оказание помощи в юридических вопросах;
- 6) определение условий содержания соглашения о примирении сторон.

Из представленных задач вытекает несколько основополагающих функций медиатора, которые он осуществляет при проведении процедуры примирения:

– *регулятивно-связующая*. Медиатор должен организовывать и регулировать процесс переговоров (объявляет перерыв и окончание встречи, проводит переговоры совместно со сторонами или раздельно);

– *информационно-аналитическая*. Медиатор комплетирует и анализирует всю необходимую информацию, а также побуждает стороны к совместному обсуждению произошедшего;

– *эмоционально-психологическая*. Медиатор налаживает процесс коммуникации между сторонами, создает безопасную и доверительную среду для построения фундамента в дальнейших переговорах;

– *оценочная*. Медиатор анализирует проделанную работу, добивается реальной возможности принятия решений и следит за их полноценной реализацией.

К лицу, использующему медиативные приемы в уголовном судопроизводстве, должны применяться особые требования:

- 1) он должен уметь устанавливать контакт с обеими сторонами, разрешать конфликты, возникающие при встречах;
- 2) уметь производить анализ полученной информации и моментально направлять ее в нужное русло;
- 3) обладать достаточным жизненным опытом, который позволит ему видеть ситуацию со всех ракурсов и принимать обоснованные решения;
- 4) знать основы правового регулирования процедуры, основы уголовного судопроизводства и уметь применять законодательство на практике.

Несомненно, примиритель в своей деятельности должен следовать и таким принципам, как беспристрастность, самостоятельность, незаинтересованность, объективность.

Суть деятельности примирителя строится не на тех чувствах, которые стороны ощущают от прошедших событий, а на том, как построить конструктивный

диалог и дать понимание участникам процедуры, к какому решению они хотят прийти в будущем. При этом медиаторы четко ориентированы на результат – соглашение о примирении сторон.

Заслуга медиаторов и в том, что они не управляют процессом переговоров, а как бы контролируют его со стороны, направляя, но не влияя на фактический результат. Многие участники уголовного процесса зачастую не понимают тех последствий, к которым могут привести судебные решения по делу. Одна из задач посредника как раз заключается в объяснении сторонам их общих интересов и потребностей. Он оценивает данный факт как юрист-профессионал, но при этом у него нет цели защитить интересы какой-либо стороны. Поэтому ему проще обострить понимание ответственности участников и прийти к мирному решению конфликта. О.В. Аллахвердова отмечает, что у медиатора, действительно, множество задач и функций, но среди них следует выделить особую – сохранение психологического климата [3, с. 151–159].

Далее рассмотрим те права и обязанности, которые законодатели определяют для лиц, обладающих статусом медиатора.

В статье 15 Федерального закона № 193-ФЗ говорится, что требования к медиатору, порядок проведения процедуры медиации, в том числе права и обязанности сторон при проведении процедуры медиации, утверждаются организацией, осуществляющей примирительную деятельность.

Также данная статья закрепляет, что медиатор не вправе: представлять интересы одной из сторон; оказывать любые виды помощи не в рамках процедуры медиации; осуществлять примирение, если существует прямая или косвенная заинтересованность в исходе дела; делать публичные заявления по данному спору.

Интересен тот факт, что упомянутый федеральный закон не устанавливает четких границ прав и обязанностей для лиц, обладающих статусом медиатора, более того, он отдает это на усмотрение частным организациям. На наш взгляд, в урегулировании статуса медиатора существует объективная необходимость, так как при участии данного лица в уголовном процессе его права и обязанности должны быть полноценно регламентированы для обеспечения безопасности всех участников процедуры.

Ни в одном из анализируемых нами исследований не было выдвинуто обоснованное положение о месте медиатора в системе участников уголовного процесса. Л. А. Александрова утверждает, что медиатора необходимо наделить полномочиями специалиста и закрепить его положение в ст. 58 УПК РФ, так как он обладает специальными знаниями и навыками, необходимыми для проведения процедуры медиации [4, с. 23–30]. Мы согласны с тем, что статус медиатора близок к статусу специалиста ввиду особенностей его деятельности. Однако смешение этих участников уголовного процесса не является обоснованным по причине различий их целеполагания.

На наш взгляд, место нового участника уголовного процесса находится в главе 8 УПК РФ «Иные участники», так как он не относится ни к одной из заинтересованных в исходе дела сторон, а основная цель медиации состоит в содействии в разрешении уголовно-правового конфликта. Аргументом в данном отношении выступает также спектр задач, стоящих перед медиатором: организация контакта между участниками, выявление взаимного интереса и т. д.

Исходя из анализа нормативно-правовых актов, уже существующих в Российской Федерации и регламентирующих деятельность медиаторов, а также на основании изученного опыта зарубежных государств и позиций ученых, мы приходим к промежуточному выводу о том, что основа для уголовно-процессуального статуса медиатора уже сформирована. В связи с чем мы предлагаем закрепить в УПК РФ уголовно-правовой статус медиатора.

Глава 8. Иные участники уголовного процесса

Статья 60.1. Медиатор

1. Медиатор – это беспристрастное лицо, содействующее выработке компромиссного решения по существу уголовного конфликта.

2. Медиатор вправе:

1) с согласия сторон проводить процедуру медиации по уголовным делам о преступлении небольшой и средней тяжести с момента возбуждения уголовного дела и на последующих стадиях уголовного процесса до вступления приговора в законную силу;

2) утверждать соглашение об урегулировании конфликта в порядке медиации для последующей передачи следователю, дознавателю или в суд;

3) получать информацию из уголовного дела, которую следователь, дознаватель или суд предоставляет сторонам медиации, выписывать и копировать необходимые сведения;

4) получать копии уведомлений о подозрении, а также постановлений о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в качестве обвиняемого, о признании лица потерпевшим, вынесенных в отношении участников примирительной процедуры, от следователя, дознавателя или суда;

5) ходатайствовать перед следователем, дознавателем или судом о предоставлении ему материалов и информации, необходимых для организации и проведения примирительной процедуры, а также об оказании содействия в организации и проведении примирительной процедуры; заявлять другие ходатайства в целях обеспечения эффективности примирительной процедуры и исполнения примирительного договора;

6) встречаться с участниками уголовного процесса, являющимися сторонами по уголовному делу, наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности встреч в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;

7) содействовать сторонам в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации;

8) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права;

3. Медиатор обязан:

1) при проведении медиации действовать только с согласия сторон, принимающих участие в процедуре;

2) назначать каждому участнику процедуры медиации время и место встречи;

3) оказывать содействие в формулировании текста медиативного соглашения между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым);

4) до начала медиации разъяснить сторонам, принимающим участие в процедуре, ее цели, а также их права и обязанности;

5) не разглашать сведения, ставшие ему известными в связи с проведением процедуры медиации.

На данном этапе исследования возникает вполне логичный вопрос: кто из современных юристов-профессионалов в Российской Федерации способен взять на себя правовой статус медиатора? Существует множество точек зрения на данный счет. По мнению А. П. Гуськовой и Д. В. Маткиной, в качестве медиаторов могут допускаться судьи. Э. С. Каминский рассматривает прокурора как непосредственного участника процедуры, в некоторых случаях способного самостоятельно проводить примирение [5, с. 25–29]. Т. В. Худойкина видит перспективу развития медиации посредством развития института судебных примирителей [6, с. 188].

Мы, в свою очередь, рассмотрим такого участника судопроизводства, как адвокат. Выбор падает именно на адвокатов из-за универсального характера их деятельности, а также наличия опыта в оказании правовой помощи и соответствующей квалификации. Ни в одной стране не существует прямого запрета для адвокатов работать в статусе медиатора. В Республике Казахстан национальная палата медиаторов состоит из 26 человек, указанных в официальном реестре. Из них 18 человек – юристы, 12 из которых – адвокаты, оставшаяся часть – это психологи, педагоги, инженеры. Из данной статистики можно сделать вывод о том, что половина зарегистрированных медиаторов в стране – это адвокаты.

Перспективой развития процедур примирения в России является обязательное проведение медиации. Как следствие, лицо должно иметь возможность получить помощь в любом уголке нашей страны. Организацией, которая действует на всей территории страны, является только адвокатская организационная структура. Существует мнение, что профессия медиатора вообще не сможет состояться без адвокатов, а исключение их из субъектов медиации нанесет колоссальный ущерб всей правовой системе.

На данный момент законодатель пошел по другому пути, официально разрешив судьям в отставке оказывать помощь в примирительных процедурах, в

частности проводить процедуру медиации по гражданским и административным делам. Такие лица наделены статусом судебных примирителей. Данное положение закреплено в ст. 1 Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и регламентировано Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

В Уральском федеральном округе функционируют 5 официальных медиаторов, все они являются бывшими судьями. Согласно статистике, приводимой Председателем Арбитражного суда Свердловской области С. А. Цветковой, по состоянию на февраль 2020 года ими было заключено 11 медиативных соглашений [7]. На наш взгляд, выбор законодателя вполне оправдан, ведь в таком случае опытный судья использует свои профессиональные навыки. Потенциально такие процедуры в больших масштабах могут снизить нагрузку на всю судебную систему.

Подводя итоги статьи, следует сформулировать следующие выводы:

Медиатор – это участник уголовного процесса, основная цель которого заключается в поиске и установлении баланса законных интересов между лицом, совершившим противоправное деяние, и потерпевшим от преступления.

Введение института медиации в уголовный процесс России, безусловно, повлечет за собой включение процедуры в систему производства по уголовным делам, что подразумевает под собой появление нового участника уголовного судопроизводства – медиатора. Объем полномочий, предоставляемых медиатору, должен позволять ему реализовать функцию примирения сторон.

С учетом исполняемых функций медиатор должен быть отнесен к иным участникам уголовного судопроизводства, так как его законный интерес выражен в обеспечении равновесия между противоположными интересами конфликтующих сторон.

Для выполнения поставленной цели медиатору необходим самостоятельный правовой статус, состоящий из прав, обязанностей, гарантий и ответственности.

Медиатор является связующим звеном между потерпевшим и подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, помогая сторонам наладить процесс взаимодействия, проанализировать всю сложившуюся ситуацию. Важно отметить, что медиатор не выносит и не предлагает обязательные для сторон решения, а лишь содействует созданию благоприятной атмосферы при коммуникации сторон конфликта.

На наш взгляд, процедура медиации является наиболее эффективным способом урегулирования споров в уголовном процессе, ввиду не только юридического подхода к разрешению дела, но и психологического, направленного на всецелое принятие сложившейся ситуации глазами всех участвующих лиц.

Применение медиатором психологических приемов также способствует глубинной работе с каждой из сторон, относительно самоконтроля своих эмоций и концентрации внимания не только на своих проблемах и интересах, но и проблемах и интересах своего оппонента. Основой процедуры медиации является деятельность всех участвующих лиц. Только от желания разобраться в истинной причине, последствиях преступления и путях выхода из конфликта, а также добросовестного отношения, зависит успех примирения сторон.

Список источников

1. Давлетов А. А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 168–179.
2. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). Москва: Проспект, 2003. 144 с.
3. Аллаhverдова О. В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 2–1. С. 151–159.
4. Александрова Л. А., Авдеев В. Н., Панькина И. Ю. Альтернатива уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних обвиняемых // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 23–30.
5. Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 25–29.
6. Худойкина Т. В., Ситкина А. Д. Перспективы развития медиации в связи с введением института судебных примирителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5.
7. Статистические данные о работе «комнаты примирения» в Арбитражном суде Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042> (дата обращения: 15.12.2021).

References

1. Davletov A. A. The problem of the use of mediation in the criminal process of Russia // Russian legal journal. 2014. No. 5. P. 168–179.
2. Mikhailovskaya I. B. Goals, functions and principles of Russian criminal justice (criminal procedural form). Moscow: Prospekt, 2003. 144 p.
3. Allahverdova O. V. Mediation as a socio-psychological phenomenon // Bulletin of St. Petersburg University. 2007. No. 2–1. pp. 151–159.
4. Aleksandrova L.A., Avdeev V.N., Pankina I.Yu. Alternative to criminal prosecution against juvenile accused / L.A. Aleksandrova, // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Ser. Humanities and social sciences. 2021. No. 1. S. 23–30.
5. Kaminsky E. S. Prosecutorial mediation in Russia: are there any prospects? // Russian judge. 2021. No. 3. S. 25–29.

6. Khudoykina T. V., Sitkina A. D. Prospects for the development of mediation in connection with the introduction of the institution of judicial conciliators // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 5.

7. Statistical data on the work of the «reconciliation room» in the Arbitration Court of the Sverdlovsk region [Electronic resource]. URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042> (date of access: 12/15/2021).

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 30.12.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 30.12.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства в свете принципа презумпции невиновности

Зеленина Ольга Александровна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
alizela@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется статус субъекта уголовного процесса через призму положений принципа презумпции невиновности. Отдельное внимание уделяется некоторым аспектам законодательной техники в контексте исследуемого вопроса.

Ключевые слова: процессуальный статус, участник уголовного процесса, принципы уголовного процесса, принцип презумпции невиновности

Для цитирования: Зеленина О. А. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства в свете принципа презумпции невиновности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 15–18.

Original article

Procedural status of a participant in criminal proceedings in the light of the principle of presumption of innocence

Zelenina Olga A.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
alizela@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the status of the subject of criminal proceedings through the prism of the provisions of the principle of presumption of innocence. Special attention is paid to some aspects of legislative technique in the context of the issue under study.

Keywords: procedural status, participant in criminal proceedings, principles of criminal proceedings, the principle of presumption of innocence

For citation: Zelenina O. A. Procedural status of a participant in criminal proceedings in the light of the principle of presumption of innocence // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 15–18.

Принципы любой отрасли права определяют ее правовые основы, характеризуют ее природу, сущность. Их значение масштабно, содержательно и декларативно. Указанное положение в полной мере распространяется и на уголовное судопроизводство. Обратившись к содержанию принципов уголовного судопроизводства, увидим, что в соответствующих статьях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержатся вполне конкретные правила, регламентирующие решения и действия участников уголовно-процессуальных от-

ношений. Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) является одним из принципов, который напрямую определяет природу процессуального статуса уголовно-преследуемого лица.

Термин «презумпция» имеет латинское происхождение – «praesumptio». Его значение заключается в утверждении – «признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное» [1, с. 559].

Указанный принцип широко используется в юриспруденции. Свое первоначальное закрепление он получил в Конституции РФ, устанавливающей, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49). Данное утверждение опровержимо, т. е. предположение о невиновности лица действует до того момента, пока данный факт не будет опровергнут вступившим в законную силу приговором суда.

Содержание данного принципа в большей степени ориентировано на процессуальную деятельность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, поскольку, по сути, налагает запрет на принятие решений, необоснованно предпрещающих процессуальное положение лица как виновное до вступления приговора в законную силу.

Как отмечают в своей статье К. Б. Калиновский и А. В. Смирнов, «презумпция невиновности защищает подозреваемого и обвиняемого, возлагая бремя доказывания виновности на обвинителя, поскольку по своим возможностям сторона защиты, как правило, фактически слабее стороны публичного уголовного преследования, за которой стоит вся организационная и материальная мощь государства. Однако ситуация радикально изменяется в особых случаях, когда сторона защиты объективно находится в несравненно лучшем положении в доказывании, нежели сторона обвинения. Обычно это бывает, когда обвинителю приходится опровергать так называемый отрицательный факт, на который ссылается сторона защиты, особенно если этот факт одновременно является и главным фактом по делу. Известно, что отрицательные факты с трудом поддаются доказыванию с полной достоверностью (*negativa non probantur*). Отрицательный факт можно доказывать лишь тогда, когда он устанавливается с помощью иных, положительных фактов, например, по делам о хранении или ношении огнестрельного оружия — фактом незаконного приобретения оружия у другого лица. Если подобные положительные факты не установлены, виновность лица, ссылающегося на отрицательный главный факт, обычно остается недоказанной» [2].

Для подозреваемого / обвиняемого указанный принцип является в большей степени гарантией, свидетельствующей не столько о конкретных процессуальных правах этого субъекта, сколько о характере его процессуального положения. Суть принципа, изложенного в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, законодатель далее развивает в форме процессуальных выводов: подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения; все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого;

обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Еще в 1978 г. на неукоснительное соблюдение данного конституционного принципа указывал Верховный Суд СССР в постановлении «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» [3]. Фактически в этом постановлении воспроизводилось не только само правило принципа презумпции невиновности, но и следствия, из него вытекающие. Указанное постановление в 2015 г. было отменено и принято новое — «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [4], в котором отсутствует аналогичное требование о строгом соблюдении принципа презумпции невиновности, предъявляемое к должностным лицам, что, несомненно, является, на наш взгляд, существенным упущением. Все же данный принцип имеет прямую корреляцию с правом на защиту, поскольку фактически является одной из форм его реализации в уголовном судопроизводстве.

Редакция ст. 14 УПК РФ далеко не идеальна и содержит некоторые несоответствия и неточности. В частности, в ч. 1 и 3 речь идет об обвиняемом, а положение, изложенное в ч. 2 данной статьи, соотносится с такими субъектами, как подозреваемый, обвиняемый. В ст. 49 Конституции РФ указывается обвиняемый. Конечно же, такое обстоятельство требует устранения законодательных разногласий и приведения в соответствие норм Конституции РФ и отраслевого закона.

Надо помнить, что лицо, вовлеченное в уголовное судопроизводство, прежде чем стать осужденным / оправданным, может «сменить» несколько процессуальных статусов: свидетель (как заподозренный и т. д.), подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный (в том случае, если речь идет об апелляционном / кассационном производстве). И во всех случаях речь идет о лице, в отношении которого ведется уголовное преследование, а лицо, осуществляющее производство по делу, не может игнорировать положение, составляющее принцип презумпции невиновности, невзирая на то, что законодатель в разных вариантах упоминает лишь подозреваемого / обвиняемого.

Кроме того, следует обратить внимание и на нюансы законодательной техники ст. 14 УПК РФ и ст. 49 Конституции РФ. В обеих нормах речь идет об обвиняемом. Но если последовательно придерживаться буквы закона, то следует помнить, что в суде обвиняемый именуется подсудимым, на которого также фактически распространяется правило принципа презумпции невиновности. Все это не способствует однозначности и лаконичности анализируемого принципа и требует законодательного совершенства.

Мы считаем, что нецелесообразно ориентировать правоприменителя на конкретный статус субъекта данного принципа в тексте ст. 14 УПК РФ, поскольку действие этого положения должно распространять-

ся на круг лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство: лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование (ч. 4, 5 ст. 213, ч. 4 ст. 239 УПК РФ); лицо, привлекаемое к уголовной ответственности (ст. 318 ч. 5 п. 4 УПК РФ); лицо, сделавшее добровольное сообщение о совершенном им преступлении (ст. 142 ч. 1 УПК РФ); лицо, к которому применены принудительные меры медицинского характера; лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (п. 5 ч. 2 ст. 133, ч. 4 ст. 354, ч. 1 ст. 358, ч. 3 ст. 376, ч. 1 ст. 401 УПК РФ); лицо, подвергнутое мерам процессуального принуждения (ст. 133 ч. 3 УПК РФ) и т. д.

Все же круг лиц, в отношении которых возникает сомнение в их невиновности, более обширен в сравнении с теми субъектами, процессуальное положение которых охватывается статусом подозреваемого и обвиняемого, но все они имеют право рассчитывать на гарантии, предоставляемые им принципом презумпции невиновности. В данном случае необходимо отталкиваться не от формального терминологического обозначения, а от содержания, которое этот термин в себе несет.

Если мы обратимся к законодательству бывших советских республик, то можем наблюдать следующую ситуацию.

Статья 16 УПК Республики Беларусь использует в тексте данного принципа термин «лицо, обвиняемое в совершении преступления», избегая четкого статусного обозначения «обвиняемый». При этом в ч. 2 этой нормы законодатель употребляет термин «обвиняемый».

Оптимальным видится изложение данной нормы в УПК Республики Казахстан, где законодатель в частях первой и второй не использует статусные обозначения, раскрывая принцип презумпции невиновности: «1. Каждый считается невиновным пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. 2. Никто не обязан доказывать свою невиновность. 3. Неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу. В пользу обвиняемого должны разрешаться и сомнения, возникающие при применении уголовного и уголовно-процессуального законов».

УПК Республики Таджикистан принцип презумпции невиновности излагает в ст. 15 следующим образом: «Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу». Законодатель также конкретизирует субъектов – подозреваемый, обвиняемый, но в части третьей указанной нормы к ним добавляется еще один субъект – подсудимый, что, конечно же, уже расширяет субъектный состав, который может претендовать на соответствующие процессуальные гарантии.

Аналогичным образом излагается содержание принципа презумпции невиновности в Уголовно-

процессуальном кодексе Республики Узбекистан, где правило распространяется на подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

Возникает вопрос: распространяется ли действие принципа презумпции на других участников? Так, все остальные участники в уголовном процессе не относятся к категории уголовно-преследуемых, соответственно, и правом на защиту законодатель их не наделяет, в том числе и всеми сопутствующими процессуальными инструментами для ее осуществления. В этой ситуации эти лица лишаются и гарантий, предоставляемых принципом презумпции невиновности.

На первый взгляд такие гарантии потерпевшему, свидетелю без надобности, однако, в реальной жизни имеют место ситуации, когда у нас не просто свидетель, но свидетель, находящийся в фактическом (не юридическом) состоянии заподозренного, бывают и ситуации, когда потерпевший может изменить свой статус, в том числе на статус преследуемого лица. То есть речь идет о ситуации, когда фактические действия обвинительного характера в отношении лица осуществляются, однако юридическое определение статуса лица как подозреваемого, обвиняемого в уголовном деле не произошло. С точки зрения закона данная категория субъектов не имеет права на гарантии, предоставляемые принципом презумпции невиновности, хотя некоторые механизмы защиты их прав и интересов в приведенных ситуациях законодатель «внедряет» в процессуальные механизмы (например, п. 6 ч. 3 ст. 49 и др.). И хотя указанные дополнения уголовно-процессуального законодательства в настоящее время фрагментарны и исчерпывающие, тем не менее, такая законодательная динамика уже имеет место.

Вновь обратимся к постановлению Пленума Верховного Суда РФ, где в п. 1 имеется перечень лиц, обладающих правом на защиту в уголовном судопроизводстве. В числе таких субъектов указывается «любое иное лицо, право и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса этого лица» [5]. Это уточнение является существенным, ценным и должно находить прямую реализацию в правоприменительной деятельности, невзирая на то, что сам текст уголовно-процессуального закона данное правило в такой редакции не содержит. Поскольку ранее мы утверждали, что принцип презумпции невиновности следует рассматривать как одну из форм реализации права на защиту, соответственно, гарантии принципа презумпции невиновности должны распространяться и на обозначенный в постановлении круг субъектов.

Подводя итог, считаем, что необходимо все же «уходить» от того, чтобы определять круг лиц, на которые он распространяется, рамками статуса определенных участников, поскольку это означает лишь ограничение, сужение и локализацию действия дан-

ной нормы. Считаем, что термины «подозреваемый», «обвиняемый» в статье необходимо заменить на фразу – «лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование», без уточнения процессуального статуса.

Другая сторона этого вопроса также упирается в формулировки, используемые законодателем в ст. 14 УПК РФ. В частности, можно предъявить «терминологические претензии» к утверждению «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана...». Получается, что в отношении невиновного лица осуществляется уголовное преследование. Можно, конечно, апеллировать утверждением, что вместе с термином «невиновный» законодатель использует термин «считается», что не является тождественным термину «является». И, тем не менее, считаем, что использование слова «считается» не делает данную фразу более логичной с точки зрения юридической техники. Следовательно, оценивая статус подозреваемого, обвиняемого как субъекта невиновного, одновременно осуществляет деятельность, охватываемую функцией уголовного преследования, т. е. такие взаимоисключающие субъективные оценки одновременно реализуются у следователя в ходе производства по уголовному делу в отношении одного и того же субъекта.

Предлагаем вообще уйти от терминологического утверждения «обвиняемый считается невиновным», поскольку содержание такого утверждения противоречит само себе. В частности, один из вариантов, который может быть предложен, – «Наличие обвинительных доказательств в уголовном деле не может предрешать судьбу участника, в отношении которого осуществляется уголовное преследование до вступления обвинительного приговора в законную силу». При этом мы намеренно ушли в утверждении от уточнения процессуального статуса субъекта, поскольку, как было ранее отмечено, не следует распространять действие этого принципа исключительно на процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого.

Список источников

1. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. Изд. 5-е. М., 1955. С. 559.
2. Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Презумпции в уголовном процессе // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 68–74.
3. О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту: постановление Пленума Верховного Суда СССР № 5 от 16 июня 1978 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 4. 1978.
4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 30 июня 2015 г. // Российская газета. № 150. 2015.
5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном

судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 30 июня 2015 г.

References

1. Dictionary of foreign words / ed. I. V. Lekhina and F. N. Petrov. Ed. 5th. M., 1955. S. 559.
2. Kalinovskiy K. B., Smirnov A. V. Presumptions in criminal proceedings // Russian justice. 2008. No. 4. S. 68–74.
3. On the practice of application by the courts of laws that provide the accused with the right to defense: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 5 of June 16, 1978 // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. No. 4. 1978.
4. On the practice of application by the courts of legislation ensuring the right to defense in criminal proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 dated June 30, 2015 // Rossiyskaya Gazeta. No. 150. 2015.
5. On the practice of application by courts of legislation ensuring the right to defense in criminal proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 dated June 30, 2015

Информация об авторе

Зеленина Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Zelenina Olga A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Отличительные признаки и основания для классификации электронных доказательств в уголовном процессе

Количенко Артем Андреевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
kolichenkoa@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день в науке уголовного процесса не утихают дискуссии относительно формы, сущности и содержания феномена электронных доказательств. В рамках статьи автор производит попытку выделения отличительных признаков электронных доказательств, которые позволяют заявить о самостоятельности данного вида доказательств наряду с доказательствами, определенными законодателем в части 2 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Также по результатам анализа доктрины уголовного процесса подтверждается довод о том, что на электронные доказательства может распространяться классификация, принятая для традиционных доказательств.

Ключевые слова: доказывание в уголовном процессе, электронные доказательства, признаки, основания для классификации

Для цитирования: Количенко А. А. Отличительные признаки и основания для классификации электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 19–23.

Original article

Distinguishing features and grounds for classification of electronic evidence in criminal proceedings

Kolichenko Artem A.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
kolichenkoa@mail.ru

Abstract. To date, discussions about the form, essence and content of the phenomenon of electronic evidence have not subsided in the science of criminal procedure. Within the framework of this article, the author makes an attempt to identify the distinctive features of electronic evidence, which make it possible to declare the independence of this type of evidence along with the evidence defined by the legislator in Part 2 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Also, according to the results of the analysis of the doctrine of the criminal process, the argument is confirmed that the classification adopted for traditional evidence may apply to electronic evidence.

Keywords: proving in criminal proceedings, electronic evidence, signs, grounds for classification

For citation: Kolichenko A. A. Distinguishing features and grounds for classification of electronic evidence in criminal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 19–23.

«Народ ждет от уголовного судопроизводства не просто посильных правоохранительных услуг, он жаждет антикриминальных чудес. И это не просто наивные народные притязания, навеянные душевными представлениями о неизбежном воздаянии злодеям» [1, с. 311]. Именно с этих строк автор хочет

начать исследование по заявленной проблематике. Так, с нашей точки зрения, свершение указанных М. П. Поляковым антикриминальных чудес зависит от множества факторов, в особенности хотим отметить

действенность уголовно-процессуального инструментария, немаловажное значение в оптимизации и совершенствовании которого зависит от глубокого и всестороннего изучения феномена электронных доказательств, не так давно появившихся в поле зрения ученых, занимающихся исследованием института доказательств и доказывания. Тем самым стоит констатировать особую популярность обозначенной проблематики.

Ученые ставят на повестку дня вопросы определения понятия, признаков, оснований для классификации указанного вида доказательств, а также пытаются прийти к единому мнению в части порядка работы с ними, включая процесс собирания, проверки и оценки доказательств. Безусловно, все это имеет большое значение как в целом для развития уголовно-процессуальной науки, так и в частности для института доказательств и доказывания. Консолидация имеющихся знаний, а также выработка новых доктринальных положений относительно электронных доказательств позволяют «прощупать» их сущность и содержание, в том числе сформировать представление о данном виде доказательств в кругу правоприменителей. Помимо того, это позволит укрепить слабые стороны электронных доказательств, к числу которых, в частности, коллектив авторов учебного пособия под названием «Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве» относит:

- «отсутствие достаточных средств для проверки надежности электронного документа, его подлинности;
- сложности с установлением юридической ценности таких доказательств в результате трудностей из-за незнания процедуры обработки данных и различий в толковании законов в этом отношении;
- уязвимость и легкость, с которой электронными доказательствами можно манипулировать;
- электронные документы являются очень «техническими» доказательствами, которые не понятны судьям и прокурорам, и их трудно объяснить. Работа с ними требует наличия у пользователя определенных знаний и подготовки, отталкивая при этом тех, кто этим не владеет» [2, с. 19].

Прежде чем выводить признаки и выстраивать основания для классификации любого доказательства, следует определиться с его понятием. В силу отсутствия законодательного определения электронных доказательств, мы предлагаем проводить исследование, отталкиваясь от авторской дефиниции электронных доказательств, под которыми предлагается понимать «совокупность информационных объектов в виртуальном пространстве, содержащих в себе электронную информацию, воспроизводимую при помощи программно-технических средств, благодаря которым уполномоченными субъектами уголовного судопроизводства возможно установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе расследования уголовного дела, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [3, с. 139].

Электронные доказательства обладают характерными, отличительными от других видов доказательств, признаками¹, которые определяют их специфику и особую форму в уголовно-процессуальном доказывании. Следует подчеркнуть, что мы не будем пытаться выделить признаки электронных доказательств, исходя из каких-либо технических характеристик, в целом технического аспекта. Таким образом, проведенный нами анализ доктрины уголовного процесса, а также правоприменительной практики дал возможность выделить ряд отличительных признаков электронных доказательств, а именно:

1. Уникальность электронного доказательства – особая процессуальная форма. Данный признак электронных доказательств по праву можно назвать основополагающим. Он позволяет проводить четкое разграничение между исследуемым видом доказательств и источниками получения доказательственных сведений, которые закреплены законодателем в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В свой черед, под формой электронных доказательств следует понимать информацию в электронном виде. Доказательство может быть признано электронным и в силу его местонахождения – виртуального пространства. При этом доказательственное значение в любом случае будет иметь содержание электронной информации. В отличие от вещественных доказательств электронные доказательства не имеют материальной формы, они лишь могут находиться на электронных носителях информации.

2. Возможность при помощи электронных доказательств установления истины по уголовному делу. В рамках данного признака электронных доказательств стоит сказать о том, что рассматриваемый вид доказательств приобретает значение в уголовном процессе лишь в том случае, если он содержит сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения уголовного дела. Важно помнить, что каждое из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, может быть установлено (доказано) лишь при помощи доказательств [4, с. 191]. Электронные доказательства не могут называться доказательствами, если они «не в силах» устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию.

3. Нахождение на электронном носителе информации или информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В данном признаке электронных доказательств речь идет не о любом материальном носителе информации, а о тех, которые могут воспроизводить электронную информацию. К примеру, это могут быть флэш-карты, оптические и жесткие диски, карты памяти и т. п. Отличительной

¹ В толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова термин «признак» определяется как «та сторона в предмете или явлении, по которой его можно узнать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком». И действительно, выделяя признаки электронных доказательств, мы становимся на шаг ближе к тому, чтобы создать целостное представление о данном феномене.

особенностью является то, что между электронной информацией, которая может выступать в качестве электронного доказательства, и электронным носителем информации имеется неразрывная связь.

Если вещественные доказательства – это объект материального мира, то электронные доказательства – это объект виртуального мира (он же цифровой, электронный), при этом единственным связующим звеном между ними является возможность отражения информации о расследуемом событии. Электронные доказательства отличаются своим внешним видом, даже самым фактом существования. Говоря об отличительных признаках электронных доказательств, следует отметить, что они принципиально отличаются характером информации от тех же показателей подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста.

4. Специфичность методов и способов восприятия содержания электронных доказательств субъектом доказывания (может происходить только при использовании программно-технических средств). Здесь важно понимание того, что у электронных доказательств имеется особая процессуальная форма, которая и отличает их от вещественных доказательств и иных документов. В рамках данного признака мы обращаем внимание на виртуальные следы преступлений, исследованием которых в настоящее время активно занимается цифровая криминалистика. У читателя может возникнуть вопрос: что стоит понимать под цифровой криминалистикой? Так, наиболее оптимальным понятием, раскрывающим сущность данного феномена, считаем следующее определение: «Цифровая криминалистика – это частная криминалистическая теория, которая представляет собой системы научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по обнаружению, фиксации, предварительному исследованию, использованию компьютерной информации и средств ее обработки в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [5, с. 25].

Выделяя в качестве отличительной особенности электронных доказательств их существование в виртуальном пространстве, мы хотим подчеркнуть принципиальную особенность цифрового виртуального пространства, которая состоит в том, что взаимодействующие в нем объекты (файлы данных и программ), участвующие в процессе отражения (слепообразования), лишены внешнего строения [6, с. 324]. Помимо того, отдельного внимания в контексте рассуждений на тему существования электронных доказательств в виртуальном пространстве заслуживает аспект существования виртуальных следов преступлений, которые могут быть выражены исключительно в виде электронной информации. Здесь и происходит отграничение следов виртуальных от следов материальных.

Однако в рамках уголовно-процессуального доказывания для нас важен поиск ответа на вопрос: каким

образом субъектом доказывания могут восприниматься виртуальные следы преступлений? По нашему мнению, непосредственно восприниматься они не могут, для их восприятия необходимо использование программно-технических средств. Отражение (она же фиксация) виртуальных следов преступления в электронном поле порождает множество вопросов, на которые представители научного сообщества науки криминалистики и уголовного процесса активно пытаются найти ответы, это необходимо, в первую очередь для того, чтобы построить эффективный механизм избобличения виновных в совершении преступлений лиц и привлечения их к уголовной ответственности.

5. Особый способ создания, изменения и уничтожения электронных доказательств. Здесь стоит обратить внимание, прежде всего, на процесс собирания электронных доказательств. Программно-технические средства скрывают неограниченные возможности для получения доказательственной информации в электронной форме, однако, при этом не стоит забывать о большой вероятности фальсификации подобных доказательств. Если при создании обычного бумажного документа участие человека имеет ярко выраженный окрас, то в электронной среде, при создании такого же аналогичного документа, утрачивается непосредственный контакт между человеком и документом.

Данный признак характерен исключительно для электронных доказательств, это дает нам основания для поиска нового подхода к критериям их оценки, в частности критерия допустимости. Рассуждая по поводу способа передачи сведений, составляющих основу электронных доказательств, следует отметить, что они могут передаваться по информационно-телекоммуникационным сетям и в том числе обрабатываться в информационных системах. Таким образом, сведения, находящиеся на электронных носителях и передаваемые по информационно-телекоммуникационным сетям, подвержены стеганографии, шифрованию или вовсе кодированию посредством специализированных аппаратно-программных комплексов.

Обозначенные нами признаки электронных доказательств касаются как их содержания, так и формы, помимо того, именно данные признаки позволяют нам определить возможный перечень объектов, которые могут быть признаны в качестве электронных доказательств в ходе уголовного судопроизводства, а именно: электронные документы и файлы, электронные сообщения (включая СМС-сообщения из мессенджеров, электронной почты); аудио- и видеозаписи на электронных носителях (включая цифровое фотоизображение, в т. ч. скриншоты), информация с web-страниц и т.п. Наличие определенных признаков, свойственных именно электронным доказательствам, по праву позволяет обособлять данный вид доказательств.

Рассмотрев признаки электронных доказательств, обозначим возможные основания для их классифи-

кации. Как точно в своем исследовании отмечает О. В. Левченко, «доказательства как средства уголовно-процессуального доказывания могут быть различных видов. В этих видах доказательств могут содержаться любые сведения, с помощью которых устанавливаются как обстоятельства предмета доказывания, так и иные обстоятельства, имеющие значение для дела» [7, с. 113]. Автор исследования в рамках вопроса об основаниях для классификации электронных доказательств солидарен с точкой зрения Ю. В. Шелегова и В. Г. Шелегова, утверждающих, что «несмотря на специфику собирания и проверку электронных доказательств, на них должна распространяться классификация, принятая для традиционных доказательств» [8, с. 64]. Так, за основу предлагаем взять классификацию доказательств, предложенную М. С. Строговичем. Ученый в своих трудах предлагает подразделять доказательства на обвинительные и оправдательные, первоначальные и производные, прямые и косвенные [9, с. 372–392].

Таким образом, руководствуясь классификацией доказательств, данной М. С. Строговичем, деление электронных доказательств можно проводить по следующим основаниям:

В зависимости от содержания полученных сведений и установления доказательств по отношению к обвинению. Так, обвинительным электронным доказательством в уголовном процессе может выступать, к примеру, содержание электронных сообщений, в которых прослеживается механизм совершения преступления, указывается место хранения орудия совершения преступления и т. п. Оправдательные же электронные доказательства, наоборот, позволяют подтвердить, к примеру, алиби лица (работник предприятия при прохождении КПП на территорию завода отмечается в электронном журнале учета регистрации входа / выхода, что свидетельствует о его местонахождении на предприятии в определенный промежуток времени).

По источнику сведений о фактах. Если говорить о подразделении электронных доказательств на первоначальные и производные, то к первым может относиться, к примеру, электронная база данных, выступающая в качестве первоисточника, содержащая в себе сведения о совершении незаконных финансовых операций, уникальный сетевой адрес компьютера, с которого было совершено преступление и т. п. Производными электронными доказательствами могут являться всевозможные модели первичных доказательств – копии электронных документов, файлов и т. п.

По отношению к предмету доказывания. Прямые и косвенные электронные доказательства. Если с приведенными выше классификациями электронных доказательств, по нашему мнению, не должно возникать «неудобных» вопросов, то применительно к данной классификации подобные вопросы есть. Так, резонным видится вопрос: могут ли быть электронные доказательства прямыми? Однозначного ответа

у нас нет, однако, мы полагаем, что электронное доказательство в силу своих особенностей и признаков может как непосредственно удостоверить, так и опровергнуть виновность лица. В большинстве случаев рассматриваемые нами доказательства не могут указывать прямо на наличие или отсутствие того или иного факта, при всем этом они чаще всего являются, с нашей точки зрения, именно косвенными доказательствами. В качестве примера косвенных электронных доказательств хотелось бы привести электронный документ, создателем которого является конкретное лицо, что стало понятным из свойств документа, однако по факту документ мог быть создан другим лицом, т. к. доступ к компьютеру был предоставлен широкому кругу лиц и т. п.

Резюмируя вышеобозначенные доводы, автор исследования приходит к выводу, что электронные доказательства можно классифицировать по различным основаниям. Так, к примеру, В. Б. Вехов в своих трудах предлагает классификацию электронных доказательств с технической точки зрения, включая в нее такие объекты, как сетевой адрес, доменное имя, программа для ЭВМ (компьютерная программа) [10, с. 75–78] и т. д. Подобная классификация, несомненно, имеет право на существование, поскольку она позволяет лучше понять сущность самого феномена электронных доказательств.

Рассмотрев отличительные признаки и отдельные основания для классификации электронных доказательств в уголовном процессе, автор исследования предлагает обозначить ряд выводов:

1. Появление в институте доказательств и доказывания феномена электронных доказательств предопределило новый «виток» в развитии уголовно-процессуального права, в частности приблизило идеи об электронном уголовном судопроизводстве ближе к реальности. Систематизация наработанных знаний относительно понятия, признаков и классификации электронных доказательств дает шанс скорейшего получения законодательного регулирования необычайно важного на сегодня процессуального инструментария, который позволит более действенно реализовывать цели и задачи уголовного судопроизводства, закрепленные УПК РФ. Конечно, учитывая определенные объективные и субъективные факторы, электронные доказательства не сразу и не вдруг могут быть закреплены законодателем в уголовно-процессуальной орбите, этому предшествует долгий и скрупулёзный процесс изучения, осознания их значимости и необходимости как в правоприменительной практике, так и в целом в научной доктрине уголовного процесса.

2. На основе проведенного исследования в качестве отличительных признаков электронных доказательств предлагается выделять:

- уникальность электронного доказательства – его особая процессуальная форма;
- возможность при помощи электронных доказательств установления истины по уголовному делу;

– нахождение информации на электронном носителе или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (иными словами, в виртуальном пространстве);

– специфичность методов и способов восприятия содержания электронных доказательств субъектом доказывания (может происходить только при использовании программно-технических средств);

– особый способ создания, изменения и уничтожения электронных доказательств.

3. Классификация электронных доказательств, позволяющая определить содержание уголовно-процессуального порядка собирания, проверки и оценки, может быть произведена по основаниям, классифицирующим традиционные виды доказательств, а именно:

– в зависимости от содержания полученных сведений и установления доказательств по отношению к обвинению;

– по источнику сведений о фактах;

– по отношению к предмету доказывания.

Список источников

1. Поляков М. П. Философские и идеологические аспекты социального предназначения уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 311–312.

2. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.]; отв. ред. С. В. Зуев. М.: Юрайт, 2021. 193 с.

3. Количенко А. А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 136–140.

4. Уголовный процесс России: учеб. / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Тomin. М.: Юрайт-Издат, 2003.

5. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.]; под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М.: Юрайт, 2021.

6. Комов А. В. Понятие и сущность виртуальных следов // Белгородские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 2019. Вып. 5. С. 322–327.

7. Левченко О. В. Классификация доказательств в уголовном процессе // Вестник ОГУ. 2013. № 3 (152). С. 111–114.

8. Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 63–68.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.

10. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: моногр. / под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018.

References

1. Polyakov M. P. Philosophical and ideological aspects of the social purpose of the criminal process // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (53). pp. 311–312.

2. Electronic evidence in criminal proceedings: a textbook for universities / S. V. Zuev [et al.]; resp. ed. S. V. Zuev. Moscow: Yurayt, 2021. 193 p.

3. Kolichenko A. A. Doctrinal approach to the definition of the term "electronic evidence" in criminal proceedings // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (55). pp. 136–140.

4. Criminal process in Russia: textbook. / A. S. Aleksandrov, N. N. Kovtun, M. P. Polyakov, S. P. Serebrova; scientific ed. V. T. Tomin. Moscow: Yurayt-Izdat, 2003.

5. Digital forensics: a textbook for universities / V. B. Vekhov [et al.]; ed. V. B. Vekhova, S. V. Zueva. Moscow: Yurayt, 2021.

6. Komov A. V. The concept and essence of virtual traces // Belgorod forensic readings: Sat. scientific tr. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, 2019. Issue. 5. S. 322–327.

7. Levchenko O. V. Classification of evidence in criminal proceedings // Vestnik OSU. 2013. No. 3 (152). pp. 111–114.

8. Shelegov Yu. V., Shelegov V. G. On the classification of electronic (digital) evidence // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2019. No. 2 (10). pp. 63–68.

9. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process: Basic provisions of the science of the Soviet criminal process. M., 1968. T. 1.

10. Development of information technologies in criminal proceedings: Monograph / ed. S. V. Zueva. M.: Yurilitinform, 2018.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

О некоторых вопросах функционирования института приостановления предварительного расследования

Кудряшова Елена Семеновна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, uvd95@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с решением задач по повышению качества и эффективности предварительного расследования на примере функционирования института приостановления досудебного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, досудебное производство, стандарт качества досудебного уголовного судопроизводства

Для цитирования: Кудряшова Е. С. О некоторых вопросах функционирования института приостановления предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 24–29.

Original article

On some issues of the functioning of the institution of suspension of the preliminary investigation

Kudryashova Elena. S.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, uvd95@yandex.ru

Abstract. The article deals with issues related to solving problems of improving the quality and effectiveness of the preliminary investigation by the example of the functioning of the institute of suspension of pre-trial criminal proceedings.

Keywords: suspension of the preliminary investigation, pre-trial proceedings, quality standard of pre-trial criminal proceedings

For citation: Kudryashova E. S. On some issues of the functioning of the institution of suspension of the preliminary investigation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 24–29.

Эффективность борьбы с преступностью предусматривает постоянное совершенствование форм и методов работы органов предварительного расследования. Несвоевременное привлечение к уголовной ответственности (а порой и непривлечение) лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, затрудняет доступ граждан к правосудию, восстановлению нарушенных прав потерпевших, поэтому необходимо улучшать работу по уголовным делам, производство по которым приостанавливается. Некоторые вопросы правоприменительной практики и правового регулирования института приостановления досудебного производства стали предметом нашего исследования.

Приведем статистические данные, представленные ЕМИСС, раскрывающие некоторые результаты оперативно-служебной деятельности органов предварительного следствия и дознания [1].

Анализ показателей в таблицах 1, 2 позволяет прийти к некоторым выводам. Во-первых, ежегодно снижается количество уголовных дел, принимаемых к производству как следователями, так и дознавателями системы МВД России. Во-вторых, наблюдается существенное снижение количества уголовных дел, ежегодно оканчиваемых производством органами предварительного расследования (направленных в

Таблица 1

Данные о работе дознавателей МВД России

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	1 пол. 2021 г.
Количество уголовных дел, принятых к производству (тыс.)	1 221,8	1 104,6	1 049,1	1 029,9	990,7	478,8
Количество оконченных уголовных дел (тыс.)	517,7	444	412,6	393,9	383,7	198,3
Удельный вес оконченных уголовных дел от числа принятых к производству (%)	42,4	40,2	39,3	38,2	38,7	41,4
Количество приостановленных уголовных дел (тыс.)	494,1	462,3	444,4	430,3	405,4	163,6
Удельный вес приостановленных уголовных дел от числа принятых к производству (%)	40,4	41,9	42,4	41,8	40,9	34,2

Таблица 2

Данные о работе следователей МВД России

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	1 пол. 2021 г.
Количество уголовных дел, принятых к производству (тыс.)	1 506,6	1 446,7	1 412,5	1 458,6	1 517,1	716,5
Количество оконченных уголовных дел (тыс.)	350,9	332,5	320,2	306,9	296,2	151,9
Удельный вес оконченных уголовных дел от числа принятых к производству (%)	23,3	23,0	22,7	21,0	19,5	21,2
Количество приостановленных уголовных дел (тыс.)	874,2	822,9	806,3	856,3	917,3	373,2
Удельный вес приостановленных уголовных дел от числа принятых к производству (%)	58	56,9	57,1	58,7	60,5	52,1

суд и прекращенных). Судя по официальным статистическим данным за 2016–2020 годы, тенденция к снижению количественных показателей для органов предварительного следствия составила в среднем 18%, для органов дознания – 35%. В-третьих, удельный вес приостановленных уголовных дел от числа принятых к производству в подразделениях дознания в целом практически не меняется и составляет около 40%, в то же время по уголовным делам, находящимся в производстве следственных подразделений, этот показатель ежегодно увеличивается (с 56,9% в 2017 году до 60,5% в 2020 году).

Казалось бы, при снижении общей нагрузки по уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного расследования, а также оконченным ими, усилия должностных лиц должны быть направлены в сторону повышения качества досудебного производства: уменьшения количества уголовных дел, возвращенных из прокуратуры и (или) из

суда для производства дополнительного расследования и (или) для пересоставления итогового процессуального документа по делу; снижения количества приостановленных производством и прекращенных уголовных дел по реабилитирующим основаниям.

Тем не менее очередные статистические данные свидетельствуют о стойкой тенденции, характеризующейся довольно низким качеством досудебного производства. Так, удельный вес уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования или для пересоставления итогового процессуального документа от числа направленных прокурору, составляет: в 2019 году следователям ОВД – 6,2%, дознавателям ОВД – 4,3% (в сравнении: в 2016 году следователям – 4,3%, дознавателям – 3,8%). В течение 4-х лет только по этому направлению оперативно-служебной деятельности показатели работы следственных подразделений ухудшились на 44,2%, а органов дознания – на 21,1%.

В связи с довольно большим количеством уголовных дел, ежемесячно приостанавливаемых производством, руководством МВД России принимаются меры ведомственного контроля, направленные на организацию работы взаимодействующих подразделений по раскрытию преступлений, установлению лиц, их совершивших, выполнению следственных и иных процессуальных действий, необходимых для своевременного окончания предварительного расследования. Так, руководители следственных органов, начальники органов и подразделений дознания должны обеспечивать ежедневную проверку знания членами следственно-оперативных групп (далее – СОГ) требований ведомственных нормативных актов; направление на место происшествия дежурной СОГ по каждому заявлению, сообщению о преступлении, за исключением случаев, когда место совершения преступления не установлено; качество, полноту и результативность осмотров мест происшествий; незамедлительное назначение экспертиз или исследований по изъятым следам и объектам, их постановку и проверку по экспертно-криминалистическим и оперативным учетам и т. п. В период расследования уголовных дел со стороны руководителей принимаются меры процессуального ведомственного контроля за своевременностью, качеством и полнотой следственных и иных процессуальных действий, проводимых следователями и дознавателями.

В уголовно-процессуальной сфере проблематике функционирования института приостановления также уделяется немаловажное значение. Поскольку приостановление производства по уголовному делу – «...явление нежелательное с точки зрения решения задач уголовного судопроизводства» [2, с. 28], мы придерживаемся мнения Е.К. Черкасовой, что это вынужденная мера. Приведем наиболее характерные точки зрения по совершенствованию системы оснований приостановления досудебного производства по уголовному делу.

В научных кругах встречаются мнения относительно исключения такого основания, как неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Обоснованием такой позиции считают суждение следующего рода: пока преступление не раскрыто, не установлено лицо, его совершившее, значит, оно не привлечено к уголовной ответственности, следовательно, задачи уголовного судопроизводства не решены, а потому недопустимо даже временно прекращать процессуальную деятельность [2, с. 72]. Совершенно очевидно, что отказ от приостановления уголовных дел по нераскрытым преступлениям неминуемо повлечет за собой накопление в производстве органов предварительного расследования большого количества уголовных дел с длительными сроками расследования, в результате чего ухудшатся количественные и качественные показатели, а главное, будут неминуемо нарушаться права участников уголовного процесса, в первую очередь лиц, потерпевших от преступлений.

М. В. Королев предлагает расширить перечень оснований приостановления производства по делу путем включения следующего обстоятельства: психическое или иное тяжкое заболевание потерпевшего, когда

дальнейшее расследование дела без его участия невозможно [3, с. 9]. Придерживаясь позиции М. В. Королева, анализируя правоприменительную практику приостановления предварительного расследования, Л. В. Кокорева и М. В. Дульцев делают вывод о необходимости вынесения такого решения в случае, когда, наряду с подозреваемым, обвиняемым, потерпевший не может принимать участие в досудебном производстве, что объясняется его временным тяжелым заболеванием, удостоверенным медицинским заключением [4, с. 56–62].

Мы согласимся с данным мнением, так как, действительно, показания потерпевшего способствуют установлению существенных обстоятельств произошедшего; невозможность участия потерпевшего в процессе негативно сказывается на полноте и всесторонности расследования; зачастую от тяжести заболевания зависит правильность квалификации действий подозреваемого (обвиняемого); от мнения потерпевшего может зависеть принятие органом предварительного расследования решения об окончании производства либо направлении уголовного дела в суд, либо его прекращении.

К. А. Сергеев считает необходимым включить в перечень альтернативных оснований приостановления производства по уголовному делу и утрату материалов уголовного дела. В этом случае аргументом выступает необходимость повышения эффективности процедуры восстановления для того, чтобы «освободить максимальное количество сил лица, проводившего производство, для восстановления утраченных материалов уголовного дела» [5, с. 31]. При таких обстоятельствах наряду с В. В. Кальницким и Н. П. Ефремовой мы полагаем, что деятельность органов предварительного расследования по восстановлению утраченного уголовного дела вполне находит свое отражение в главе 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования», так как повторно собираются доказательства, проводятся следственные и иные процессуальные действия [6, с. 25].

Некоторые ученые-процессуалисты видят трансформацию института приостановления предварительного расследования в дополнении статьи 5 УПК РФ еще одной правовой категорией, раскрывающей содержание понятия «отсутствие реальной возможности участия обвиняемого (подозреваемого) в производстве по уголовному делу» [7]; расширении перечня оснований приостановления досудебного производства путем включения нормы, предусматривающей возможность вынесения решения о приостановлении производства в связи с запросом в Конституционный Суд РФ не только суда (по пункту 3 части 1 статьи 238 УК РФ), но и органа предварительного расследования [8, с. 137–138].

Выделим некоторые особенности системы оснований приостановления досудебного производства, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством стран СНГ. Думается, что опыт регламентации рассматриваемого института может быть полезен исследователям для осознания его правовой природы и содержательных характеристик, тем более, что высказываемые предложения российских ученых сходны по некоторым позициям, установленным в нормах уголовно-процессуального законодательства этих стран.

Нормами пункта 3 части 1 статьи 287.1 УПК Республики Молдова установлена возможность приостановления расследования ввиду отказа в лишении лица неприкосновенности или в экстрадиции лица другим государством, если досудебное производство не может быть завершено в отсутствие лица. Кроме того, пункт 5 вышеуказанной нормы предполагает основание, обусловленное началом медиационной процедуры [9]. При этом орган уголовного преследования направляет прокурору свои предложения, а тот, в свою очередь, выносит постановление о приостановлении уголовного преследования. Возобновление производства происходит либо по предложению органа уголовного преследования, либо по инициативе прокурора при необходимости производства отдельных действий, а также в случае отсутствия оснований приостановления. Заметим, что Е. К. Черкасова предлагает приостанавливать уголовные дела, если обвиняемый по соглашению обязуется возместить причиненный вред [2, с. 18].

Отличительными характеристиками, закрепленными в нормах уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь (часть 1 статьи 246) являются: невозможность производства следственных действий, без которых нельзя принять решение об окончании предварительного следствия; обнаружение безвестно исчезнувшего лица [10].

Согласно нормам, указанным в статье 45 УПК Республики Казахстан, предусмотрена возможность приостановления досудебного расследования, если требуется выполнить процессуальные действия по получению правовой помощи; в случае обнаружения безвестно исчезнувшего лица, отсутствия реальной возможности участия подозреваемого, обвиняемого в связи с его экстрадицией либо лишением иммунитета от уголовного преследования [11].

Основание для приостановления, связанное с отсутствием лица, совершившего преступление, по причинам лишения иммунитета или экстрадиции, либо направлением материалов иностранному государству для продолжения уголовного преследования, предусмотрено пунктом 4 части 1 статьи 246 УПК Кыргызской Республики [12].

Современные условия оказывают определенное влияние не только на деятельность органов государственной власти, в том числе, правоохранительных органов, но и на уголовно-процессуальную сферу, в частности, на институт приостановления предвари-

тельного расследования. В связи с этим обоснованным, на наш взгляд, представляется предложение П. И. Михайлова, направленное, по его мнению, на повышение эффективности деятельности системы уголовного судопроизводства, выраженное в дополнении законодательства новым пунктом 5 части 1 статьи 208 УПК РФ: «ввиду сложившихся чрезвычайных условий производство по уголовному делу невозможно» [13, с. 89–93]. К таким чрезвычайным условиям автор относит прежде всего распространение коронавирусной инфекции.

Справедливой и обоснованной представляется нам позиция О. Г. Бондарцевой [14 с. 111–123], в соответствии с которой использование видео-конференц-связи при расследовании уголовных дел вызвано велением времени, стало необходимостью, что подтверждается, например, новой введенной в уголовно-процессуальное законодательство нормой статьи 189.1 УПК РФ, предусматривающей особенности проведения ряда следственных действий с использованием видео-конференц-связи.

По мнению Л. Н. Масленниковой и А. А. Собенина, в России назрела необходимость в трансформации досудебного производства, представляющего собой начальный этап уголовного судопроизводства (с момента регистрации заявления, сообщения о преступлении до направления дела в суд для разрешения уголовно-правового спора о виновности). Согласимся с их позицией, согласно которой должна эффективно функционировать единая электронная система обеспечения доступа граждан к правосудию, в которой правоохранительные органы и иные участники процесса взаимосвязаны между собой. Однако, на наш взгляд, следующее нововведение, которое предлагают эти авторы, касающееся двух процессуальных форм досудебного производства (первая – в отношении неустановленных лиц – так называемое «расследование», вторая – в отношении конкретных лиц – «уголовное преследование» либо «государственное обвинение»), требует значительного и обстоятельного исследования, выработки четкой и структурированной концепции [15 с. 23–27].

По нашему мнению, действующая система оснований приостановления досудебного уголовного судопроизводства в настоящее время в отдельной корректировке не нуждается. Представляется, что следует оптимизировать не нормативное правовое регулирование, а деятельность органов дознания, следствия по возбуждению и расследованию уголовных дел.

Ранее в своем диссертационном исследовании мы довольно глубоко изучили проблематику обеспечения качества дознания и в целом органов предварительного расследования [16]. Разработанный «уголовно-процессуальный стандарт качества дознания», по нашему мнению, может явиться основой для разработки стандарта качества предварительного следствия, должен позволить единообразно применять нормы уголовного и уголовно-процессуального

законодательства при расследовании преступлений. Кроме того, нами сформулирована концепция «уголовно-процессуального стандарта качества доследственной проверки», проводимой органом дознания или дознавателем. По нашему мнению, применение подобных стандартов качества в условиях цифровизации уголовного производства позволит оптимизировать обеспечение прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, унифицировать систему оценки эффективности деятельности лиц, вовлеченных в процесс.

Совершенствование уголовного судопроизводства следует соотносить с применением новых технологий, внедрением информационных систем в деятельность правоохранительных органов, которые должны действовать не изолированно друг от друга, а взаимосвязанно. Думается, что именно «государственная цифровая платформа» может явиться основой для организации и функционирования правовых стандартов.

Список источников

1. ЕМИСС: данные Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] / Информация о следственной работе и дознании. URL: <http://www.fedstat.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Черкасова Е. К. Приостановление производства по уголовному делу: моногр. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017. 103 с.
3. Королев М. В. Приостановление предварительного следствия в связи с психическим или иным тяжким заболеванием обвиняемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 24 с.
4. Кокорева Л. В., Дульцев М. В. Проблемы правоприменительной практики по приостановлению производства по уголовному делу // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 56–62.
5. Сергеев К. А. Приостановление предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 33 с.
6. Кальницкий В. В., Ефремова Н. П. Восстановление утраченных уголовных дел. Москва: Спарк, 2000. 89 с.
7. Антонов И. О., Верин А. Ю., Клюкова М. Е., Шагиева Р. В. Трансформация института приостановления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 113–116.
8. Кочетова А. В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 28 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 11.01.2022).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 11.01.2022).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 11.01.2022).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 11.01.2022).

13. Михайлов П. И. Приостановление предварительного следствия по уголовному делу в чрезвычайных условиях на примере пандемии коронавируса (COVID-19) // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47). С. 89–93.

14. Бондарцева О. Г. Дистанционное участие обвиняемого (подозреваемого) на стадии предварительного расследования как альтернатива приостановлению производства по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10. С. 111–123.

15. Масленикова Л. Н., Собенин А. А. Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию органами расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2020. № 8. С. 23–27.

16. Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 262 с.

References

1. EMISS: data of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation [Electronic resource] / Information on investigative work and inquiry. URL: <http://www.fedstat.ru> (date of access: 01/20/2022).
2. Cherkasova E.K. Suspension of criminal proceedings: monograph. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 103 p.
3. Korolev M. V. Suspension of the preliminary investigation due to mental or other serious illness of the accused: author. dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2000. 24 p.
4. Kokoreva L. V., Dultsev M. V. Problems of law enforcement practice to suspend proceedings in a criminal case // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (52). pp. 56–62.
5. Sergeev K. A. Suspension of the preliminary investigation: author. dis. ... cand. legal Sciences. Ekaterinburg, 2002. 33 p.
6. Kalnitsky VV, Efremova NP Restoration of lost criminal cases. Moscow: Spark, 2000. 89 p.
7. Antonov I. O., Verin A. Yu., Klyukova M. E., Shagieva R. V. Transformation of the institution of suspension of proceedings in a criminal case at the stage of preliminary investigation. 2018. No. 4 (51). pp. 113–116.

8. Kochetova A. V. Topical issues of the institution of suspension of proceedings in a criminal case: author. dis. ... cand. legal Sciences. Chelyabinsk, 2006. 28 p.

9. Code of Criminal Procedure of the Republic of Moldova [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (date of access: 01/11/2022).

10. Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (date of access: 01/11/2022).

11. Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (date of access: 01/11/2022).

12. Code of Criminal Procedure of the Kyrgyz Republic [Electronic resource] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (date of access: 01/11/2022).

13. Mikhailov P. I. Suspension of the preliminary investigation of a criminal case in emergency conditions on the example of the coronavirus pandemic (COVID-19) // Eurasian Advocacy. 2020. No. 4 (47). pp. 89–93.

14. Bondartseva O. G. Remote participation of the accused (suspect) at the stage of preliminary investigation as an alternative to the suspension of criminal proceedings // Actual problems of Russian law. 2021. V. 16. No. 10. S. 111–123.

15. Maslennikova L. N., Sobenin A. A. Actual problems of ensuring access to justice by the investigation bodies at the initial stage of criminal proceedings // Russian investigator. 2020. No. 8. S. 23–27.

16. Kudryashova E. S. Ensuring the quality of inquiry in criminal proceedings: dis. ... cand. legal Sciences. Nizhny Novgorod, 2020. 262 p.

Библиографический список

Павлик М. Ю., Шепелева О. Р. О совершенствовании уголовно-процессуальных норм, регулирующих основания приостановления предварительного следствия // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). С. 137–138.

Bibliographic list

Pavlik M. Yu., Shepeleva O. R. On the improvement of criminal procedure norms governing the grounds for suspension of the preliminary investigation // Leningrad Journal of Law. 2015. No. 3 (41). pp. 137–138.

Информация об авторе

Кудряшова Елена Семеновна – кандидат юридических наук

Information about the author

Kudryashova Elena. S. – Candidate of law

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Научная статья
УДК 343.1

Организационная деятельность органа дознания по сообщению об угоне транспортного средства

Миронова Анна Валентиновна
Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва,
Россия, mir.av@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа правоприменительной практики представлены особенности деятельности органа дознания при получении сообщения об угоне транспортного средства и на начальном этапе предварительного расследования.

Ключевые слова: угон, транспортное средство, версия, следственные ситуации

Для цитирования: Миронова А. В. Организационная деятельность органа дознания по сообщению об угоне транспортного средства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 30–34.

Original article

Organizational activity of the body of inquiry on the report of the theft of a vehicle

Mironova Anna V.
Moscow regional branch of Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya .
Kikotya, Moscow, Russia, mir.av@mail.ru

Abstract. In the article, based on the analysis of law enforcement practice, presents the features of the activity of the body of inquiry when receiving a message about the theft of a vehicle and at the initial stage of the preliminary investigation.

Keywords: theft, vehicle, version, investigative situations

For citation: Mironova A. V. Organizational activity of the body of inquiry on the report of the theft of a vehicle // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 30–34.

В последние годы набирают рост преступления, связанные с мошенничествами с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, о чем свидетельствует статистика органов внутренних дел. Вместе с тем кражи и угоны транспортных средств (в основном автомобилей) по-прежнему остаются распространенным явлением, которое порой нарушает не только право собственности, но и общественную безопасность [2, с. 69]. В 2021 году в России зарегистрировано 14 887 угонов транспортных средств [1], поэтому необходимо продолжать работу по выявлению и обобщению опыта в раскрытии и расследования таких преступлений. Только в результате организованных и профессиональных действий сотрудников органа дознания возможна результативная борьба с преступлениями данного вида.

Угон транспортного средства, предусмотренный ст. 166 УК РФ, имеет некоторые сходства с иными преступными посягательствами, например такими, как кража, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение имущества (ст. 158, 167, 168 УК РФ). В настоящей статье рассмотрим некоторые особенности организации деятельности органа внутренних дел как органа дознания, а также дознавателя, осуществляющих организационные и процессуальные действия на первоначальном этапе производства дознания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 166 УК РФ.

В ходе проверки сообщения о преступлении и проведения предварительного расследования орган дознания должен установить и зафиксировать ряд

© Миронова А. В., 2022

обстоятельств, которые позволяют правильно квалифицировать деяние как угон транспортного средства.

В определении преступления в ст. 166 УК РФ делается акцент на том, что угон совершается без цели хищения, то есть без намерения присвоить транспортное средство [5]. Обычной целью при совершении угона является кратковременное использование транспортного средства, в основном для удовлетворения интереса в процессе вождения [7, с. 37–38], для достижения определенного пункта назначения.

Установление способа проникновения в транспортное средство и последующих действий угонщика позволяет правильно определить его мотив и умысел. Неправомерное завладение транспортным средством может происходить путем непосредственного проникновения в автомобиль либо в результате нейтрализации (отключения, преодоления) действия противоугонных устройств, систем, комплексов или физического перемещения транспортного средства в другое место.

Невнимательность потерпевшего, а зачастую и безразличное отношение к противоугонным мерам способствуют совершению рассматриваемых преступлений. В отличие от кражи транспортного средства, угон чаще совершается спонтанно, без предварительной подготовки. Угон транспортных средств из специального помещения для его хранения – скорее исключение, чем закономерность. Неправомерное завладение транспортным средством в условиях, когда для него требуются дополнительные усилия, связанные с преодолением преграды (взломом запорных устройств), чаще свидетельствует о целенаправленности действий преступника, а не о внезапно возникшем умысле. Такие действия характерны именно для хищения транспортного средства, а не для угона, хотя и последний не всегда можно исключать.

Для своевременного раскрытия и расследования угонов транспортных средств требуется рассмотрение возможных в таких случаях типичных следственных ситуаций [3, с. 115–117].

Конкретная следственная ситуация в наибольшей степени зависит от содержания первичных сведений о преступлении. Поэтому одним из основных факторов, определяющих содержание складывающейся ситуации, выступают источники получения сообщения о событии преступления.

Чаще всего информация об угоне поступает в орган дознания от потерпевшего, который обращается с заявлением, обнаружив отсутствие транспортного средства на месте, где оно должно находиться.

В правоприменительной практике сведения об угоне транспортного средства чаще всего становятся известны:

- при проверке документов сотрудниками дорожно-патрульной службы у лица, управляющего транспортным средством (при нарушении правил дорожного движения или совершении дорожно-транспортного происшествия);

- от очевидцев, наблюдавших «подозрительные» действия угонщиков по проникновению в салон транспортного средства;

- от лиц, обнаруживших брошенное транспортное средство (с разбитыми стеклами или иными повреждениями, незапертым).

Дознаватель при проведении проверки сообщения об угоне может рассматривать несколько версий, определяемых выявленными следами на месте происшествия или сведениями, полученными от заявителя, очевидцев.

Первая версия может определять деяние как кражу, а не угон транспортного средства, о чем могут косвенно указывать время, место, способ совершения и другие сведения о деянии.

Вторая версия может быть связана с совершением угона транспортного средства, что обусловлено получением сведений о наличии свободного доступа к управлению транспортным средством (автомобиль оставлен незапертым, он не был оборудован охранной системой).

К третьей версии отнесем отсутствие деяния как такового: возможно, угона не было, а заявитель не располагает информацией о том, что, например, один из членов семьи без разрешения либо не предупредив владельца воспользовался транспортным средством.

К четвертой версии отнесем инсценировку угона заявителем по известной только ему причине. В основном причиной выступает желание получить страховку или скрыть факт совершения дорожно-транспортного происшествия. Такая версия редко выдвигается.

В данных ситуациях действия сотрудников органов дознания направлены на установление оснований для возбуждения уголовного дела. В ходе доследственной проверки выясняется время, место, способ и другие обстоятельства события преступления [4, с. 240–241]. Для принятия процессуального решения по ст. 145 УПК РФ требуется установить, что конкретно произошло: кража, угон или их инсценировка.

В ситуациях, когда транспортное средство обнаружено, но лицо, совершившее угон, неизвестно; транспортное средство обнаружено, лицо, совершившее угон, известно, выдвигаются следующие версии:

- задержанный является владельцем транспортного средства, документы на которое находятся в другом месте;

- задержанный не имеет права на пользование транспортным средством, но является родственником его владельца;

- задержанный является угонщиком чужого транспортного средства;

- задержанный совершил кражу транспортного средства.

Как правило, задержанные утверждают, что умысла на тайное хищение не имели, взяли машину в целях удовлетворения интереса в вождении.

Обобщив вышесказанное, сложившиеся на первоначальном этапе расследования следственные ситуации можно дифференцировать следующим образом:

- 1) транспортное средство отсутствует на месте его стоянки, и угонщик не обнаружен;
- 2) транспортное средство и лицо, причастное к совершению угона, обнаружены;
- 3) транспортное средство обнаружено, но сведений о лице, причастном к его угону, нет;
- 4) лицо задержано после совершения преступления (угона) при сбыте вещей, принадлежавших потерпевшему и находящимся ранее в угнанном транспортном средстве.

Последовательность и порядок действий дознавателя различаются в зависимости от сложившейся типичной следственной ситуации.

Эффективность расследования зависит от оперативности и организованности действий, использования криминалистических приемов и процессуальных действий по сбору следов и выяснению обстоятельств преступления, сбору и фиксации доказательств.

Оперативный дежурный дежурной части органа внутренних дел при получении и регистрации сообщения о преступлении должен одновременно обеспечить условия для начала доследственной проверки и предварительного расследования. Он должен доложить ответственному от руководства органа внутренних дел либо в его отсутствие ввести в действие план «Перехват», с последующим докладом руководителю.

Осуществляя функции по оперативному управлению силами и средствами органа внутренних дел [6, с. 204–205], оперативный дежурный организует задержание угнанного транспортного средства и лиц, совершивших угон, перекрытие путей их движения, блокирование возможных мест их укрытия, обеспечение охраны места происшествия и места обнаружения (задержания) транспортного средства и преступников силами нарядов дорожно-патрульной службы (далее – ДПС), патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС) и др. Он незамедлительно организует выезд на место происшествия следственно-оперативной группы (СОГ), поддерживая связь с руководителем группы, и при изменении ситуации принимает дополнительные меры (ориентирование подразделений органов внутренних дел об угнанном транспортном средстве, местах его вероятного нахождения, приметах и иных признаках лиц, причастных к совершению преступления).

Специфика преступлений, предусмотренных ст. 166 УК РФ, состоит в том, что угонщик сравнительно недолгое время использует транспортное средство, и следы его пребывания в нем могут быть утрачены. Таким образом, для органа предварительного расследования главной задачей является незамедлительное раскрытие преступления по «горячим следам», изъятие и фиксация исчерпывающего объема следов, имеющих доказательственное значение.

Для обеспечения дальнейшего предварительного расследования уже в течение первых суток работы СОГ важно установить механизм угона, полные сведения об угнанном транспортном средстве и его владельце, установить личность угонщика и место его нахождения.

Следует проверить возможную связь между пострадавшим и угонщиком, которая может состоять в сговоре для совершения мошенничества.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель уполномочен давать органу дознания письменные поручения, которые обязательны для исполнения. Поручение дознавателя может содержать задание оперуполномоченному уголовного розыска о проведении оперативно-розыскных мероприятий и розыскных мероприятий или иному сотруднику органа внутренних дел в объеме выполняемых им полномочий.

В рамках расследуемого уголовного дела об угоне транспортного средства дознавателю в зависимости от ситуации целесообразно давать поручения:

- об осмотре постоянно действующих и стихийно возникших стоянок транспортных средств;
- об ориентировке внештатных сотрудников полиции, работников организаций жилищно-коммунального хозяйства на установление места нахождения разыскиваемого транспортного средства и лиц, причастных к его угону;
- о проверке станций технического обслуживания; индивидуальных предпринимателей, занимающихся ремонтом транспортных средств, скупкой и продажей запасных частей; мест разборки подержанных транспортных средств на предмет обнаружения угнанного транспортного средства либо его деталей;
- об информировании охранных предприятий, сотрудники которых несут службу возле мест возможного нахождения подозреваемых (гостиниц, магазинов, автозаправочных станций), о приметах угнанного транспортного средства;
- о проверке показаний владельца транспортного средства путем опроса его родственников и знакомых на предмет обнаружения признаков дачи ложных показаний об обстоятельствах угона транспортного средства или о ложном сообщении об угоне.

При получении дополнительной информации в ходе предварительного расследования дознаватель вправе направить в орган дознания повторные поручения, детализирующие первоначальные сведения.

Должностное лицо, уполномоченное осуществлять оперативно-розыскную деятельность, входящее в состав СОГ, взаимодействует со всеми членами группы, участвует в выдвижении версий, составлении плана проверки сообщения о преступлении (предварительного расследования), в выдвижении следственных версий, проверяет по оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим учетам сведения о лицах, которые могут быть причастны к совершению угона транспортного средства (в том числе ранее судимые).

Район поисков не ограничивается территорией совершения преступления. Если с момента угона транспортного средства прошло не более одного часа, то оценивается возможность введения плана поисково-заградительных мероприятий.

Осмотр обнаруженного транспортного средства позволяет значительно расширить объем информации, имеющей значение для расследования, в том числе о цели, субъекте преступления.

Даже при обнаружении и задержании лица, причастного к совершению угона, следует тщательно подготовить доказательственную базу, поскольку задержанный заявляет, что не знает о том, что вещи – из похищенного транспортного средства, утверждает, что он их либо нашел, либо его попросил знакомый продать принадлежащие последнему предметы или вещи.

Необходимыми доказательствами в такой ситуации являются следы пальцев рук, обуви, биологические следы, микрочастицы, оставленные на месте происшествия, которые подлежат идентификации с образцами, полученными у задержанного. Дознавателем проводится оценка имеющихся в уголовном деле доказательств, их сопоставление со сведениями и доказательствами, полученными в ходе процессуальных действий с участниками уголовного судопроизводства.

Взаимодействие дознавателя с должностными лицами и подразделениями органов внутренних дел играет важную роль на разных этапах досудебного производства. Первый этап взаимодействия происходит в рамках работы СОГ на месте происшествия. Второй этап включает совместные и согласованные действия по проверке сообщения о преступлении после возвращения с места происшествия и далее – в процессе производства дознания. Дознаватель обязан оставаться руководителем и координатором деятельности всех сотрудников, участвующих в розыске транспортного средства и угонщиков (если уголовное дело осталось в его производстве).

Дознаватель разрабатывает план проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий, согласовывая его с представителями подразделений, задействованных в выполнении данного плана.

Координация деятельности исполнителей запланированных мероприятий может осуществляться путем вынесения постановлений о производстве следственных действий и поручений об их выполнении, а также проведения других необходимых мероприятий (ч. 1.1 ст. 41 УПК РФ).

В случае принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу осуществляется взаимодействие дознавателя с оперативными сотрудниками по вопросам установления (или розыска) лиц, причастных к совершению преступления.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552>.
2. Бадамшин И. Д., Козун А. В. Отдельные аспекты квалификации ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» относительно его конструкции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 67–71.
3. Виноградов А. А. Криминалистические особенности признаков элементов механизма угона и кражи автомобиля // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 114–124.
4. Макогон И. В. Алгоритмы следственных действий и поисковых мероприятий на первоначальном этапе расследования преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы международной научно-практической интернет-конференции, Иркутск, 16–30 апреля 2012 г. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 239–245.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (дата обращения: 12.02.2022).
6. Хоזהев П. Б. К вопросу о деятельности дежурных частей ОВД как основного элемента оперативного управления в системе МВД России // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 203–205.
7. Яни П. С. Квалификация угона // Законность. 2017. № 8. С. 36–41.

References

1. The state of crime in Russia for January - December 2021 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552>.
2. Badamshin I. D., Kozun A. V. Separate aspects of qualification Art. 166 of the Criminal Code of the Russian Federation «Unlawful possession of a car or other vehicle without the purpose of theft» regarding its design // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (80). pp. 67–71.
3. Vinogradov A. A. Forensic features of the signs of the elements of the mechanism of theft and theft of a car // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (53). pp. 114–124.
4. Makogon I. V. Algorithms of investigative actions and search activities at the initial stage of the investigation of crimes // Criminal procedure and forensic readings: materials of the international scientific and practical Internet conference, Irkutsk, April 16–30, 2012. Irkutsk: BSUEP Publishing House, 2012. P. 239–245.

5. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2008 No. 25 (as amended on May 24, 2016) "On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their unlawful possession without purpose of theft" [Electronic resource] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (date of access: 12.02.2022).

6. Khozaev P. B. On the issue of the activities of duty units of the internal affairs department as the main element of operational management in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Gaps in Russian legislation. 2016. No. 7. S. 203–205.

7. Jani P. S. Qualification of theft // Legitimacy. 2017. No. 8. S. 36–41.

Библиографический список

1. Досудебное производство: курс лекций / А. В. Миронова, О. Н. Лаврова, Л. В. Кокорева [и др.]. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2017.

2. Миронов В. Л., Темнышов А. А. Использование телекоммуникационных технологий в деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. Старотеряево-Саратов, 2016.

Bibliographic list

1. Pre-trial proceedings: a course of lectures / A. V. Mironova, O. N. Lavrova, L. V. Kokoreva [and others]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. V. Ya. Kikotya, 2017.

2. Mironov V. L., Temnyshov A. A. The use of telecommunication technologies in the activities of internal affairs bodies: textbook. allowance. Staroteryayevo-Saratov, 2016.

Информация об авторе

Миронова Анна Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Mironova Anna V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в целях возбуждения и расследования уголовных дел о дистанционных кражах и мошенничествах

Назаров Михаил Владимирович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
michaelnaz@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются правовые позиции высшей судебной инстанции, выраженные в ряде постановлений Пленума, разъясняющих порядок рассмотрения уголовных дел по имущественным преступлениям. Рассмотрены проблемы, с которыми по состоянию на конец 2021 – начало 2022 года столкнулся правоприменитель. Определено место и значение результатов оперативно-розыскной деятельности, предоставляемых оперативными подразделениями органов дознания с целью раскрытия и расследования дистанционных мошеннических действий, краж с банковских счетов.

Ключевые слова: орган дознания, оперативные подразделения, результаты ОРД, предварительное расследование, доказательства, дистанционные мошеннические действия

Для цитирования: Назаров М. В. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в целях возбуждения и расследования уголовных дел о дистанционных кражах и мошенничествах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 35–39.

Original article

Problems of using the results of operational-search activities for the purpose of initiating and investigating criminal cases about remote theft and fraud

Nazarov Mikhail V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
michaelnaz@mail.ru

Abstract. The article analyzes the legal position of the highest court, explaining the procedure for considering criminal cases on property crimes. Problems were considered, with this, as of the end of 2021 – the beginning of 2022, the law enforcement officer faced. The place and significance of the results of operational – search activities, provided by operational divisions of the bodies of inquiry, in order to uncover the investigation of remote fraudulent actions, thefts from bank accounts, has been determined.

Keywords: the body of inquiry, operational units, the results of the ORD, preliminary investigation, evidence, remote fraudulent actions

For citation: Nazarov M. V. Problems of using the results of operational-search activities for the purpose of initiating and investigating criminal cases about remote theft and fraud // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 35–39.

В настоящее время роль и значение результатов оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в доказывании по уголовным делам недооценена научным сообществом, а также отдельными правоприменителями из числа работников надзорных и судебных инстанций. Причиной тому выступает «оторванность» науки от практики, а также разноплановый характер задач, стоящих перед «звеньями» уголовного судопроизводства. Не имея в производстве материалов проверок по сообщениям о преступлениях, уголовных дел, подразумевающих «груз» ответственности за принятие процессуальных решений, ученый-правовед в полном объеме не сможет оценить доказательственное значение полученных в ходе ОРМ сведений. Так же и сотрудники надзорных инстанций, и судьи, в своей практической деятельности сталкивающиеся со сформированной органами дознания и предварительного расследования позицией по конкретному уголовному делу (готовым результатом процессуального труда), не всегда объективно оценивают исходные позиции, позволившие довести его до этапа рассмотрения по существу. Как ни странно, но именно уголовные дела, возбужденные по предоставленным результатам оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), оказываются наиболее перспективными. В связи с этим процессуальная деятельность по использованию в доказывании результатов ОРД представляет существенный научный интерес. И.Н. Сорокин справедливо отмечает: «Согласно УПК РФ (ст. 85) доказывание состоит в сборе, проверке и оценке доказательств в целях установления: события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновности лица в совершении преступления, форм его вины и мотивов; обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого; характера и размера вреда, причиненного преступлением; обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих и отягчающих наказание; наконец, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Установление такой совокупности фактов и обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела при помощи доказательств, по существу, невозможно без проведения ОРМ и использования результатов ОРД» [1]. Статистика совершаемых преступлений указывает на их постоянное усложнение, информатизацию, что обуславливает необходимость использования ресурсов ОРД для целей возбуждения, доказывания по уголовным делам.

Преступления против собственности всегда являлись наиболее распространенными. В течение последних лет количество дистанционных мошеннических действий, краж с банковских счетов неумолимо растет. Согласно статистическим данным МВД России в январе – сентябре 2021 года зарегистрировано 403 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации,

что на 11,0 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 23,6 % в январе – сентябре 2020 года до 26,5 %. Больше половины таких преступлений (56,6 %) относятся к категориям тяжких и особо тяжких (228,1 тыс.; +23,5 %), две трети (67,6 %) совершаются с использованием сети «Интернет» (272,3 тыс.; +29,8 %), более трети (40,5 %) – средств мобильной связи (163,2 тыс.; +5,2 %) [2].

Противодействие указанным деяниям осложнено пробелами в правовом регулировании использования на территории России ресурсов IP, VoIP, SIP-телефонии, допустимостью наличия любого количества банковских счетов для граждан и организаций, а также не поддающимся исчислению обилием мобильных приложений, торговых площадок, ставших плодотворной почвой для обмана доверчивых граждан. Данные факты в очередной раз приводят к выводу, поддерживаемому узким кругом ученых-процессуалистов, согласно которому познавательные возможности ОРМ не уступают, а в чем-то превосходят аналогичные возможности следственных действий [3, с. 18]. Однако с 2017 года по настоящее время сотрудники оперативных подразделений органов дознания, специализирующиеся на раскрытии имущественных преступлений, вынуждены преодолевать трудности, обусловленные не только перечисленными выше факторами, но и правовыми позициями Верховного Суда РФ. На первый взгляд, данный тезис парадоксален. Однако после изучения отдельных положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 [4], от 30 ноября 2017 г. № 48 [5], от 29 июня 2021 г. № 22 [6] становится очевидна его обоснованность. Оперативными сотрудниками, собирающими и формирующими результаты ОРД с целью установления события преступления, а также лиц, причастных к нему, проводится комплекс ОРМ, среди которых «наведение справок» по банковским и иным счетам. Именно находящиеся на них денежные средства являются предметом преступного посягательства, также с помощью подконтрольных реквизитов осуществляется «вывод» и «обналичивание» похищенного. Непосредственно банковский счет, а точнее место его открытия, выступает камнем преткновения в вопросе передачи результатов ОРД в органы предварительного расследования. С сожалением отметим, что должностные лица последних в связи с огромной производственной нагрузкой, а также растущим «кадровым голодом» зачастую исходят не из тех целей и задач, которые возлагает на них уголовно-процессуальный закон, а из позиций экономии имеющихся в распоряжении ресурсов. Другими словами, стремятся найти основания, по которым представится возможным избавить себя от принятия итоговых процессуальных решений, производства по уголовным делам. Если до 2017 года найти формальный повод для отказа в производстве по материалу проверки, уголовному делу, которые не-

обходимо производить в связи с предоставленными результатами ОРД, для следователей (дознателей) являлось вопросом проблематичным, то вышедшее в указанный период времени дополнение к постановлению Пленума «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» открыло нескончаемую череду перенаправлений материалов (результатов ОРД) от одного органа предварительного расследования другому. Дело в том, что превратно-му толкованию подверглись положения, изложенные в пункте 5: «Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечания к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб». В правоприменительной практике вышеуказанное истолковывалось таким образом, что место открытия банковского счета соответствует месту производства предварительного расследования. Хотя, на наш взгляд, рекомендации высшей судебной инстанции посвящались разъяснению момента окончания преступления, т. е. выполнения его объективной стороны, позволяя разграничить приготовление и покушение на совершение. Вследствие вышеизложенного, органами предварительного расследования и суда стали приниматься промежуточные процессуальные решения, не имеющие своей целью противодействие уголовно наказуемым деяниям, изболечение лиц их совершивших, а устремленные на перенаправление материалов проверок по сообщениям о преступлениях (результатов ОРД) в иные территориальные подразделения, обслуживающие места нахождения отделений банковских организаций, где открывался конкретный счет. К примеру, следователем Режевского отдела СУ СК России по Свердловской области, которому поручалась проверка по результатам ОРД, содержащим материалы о совершении жителем данного населенного пункта преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ [7], в отношении организации, представительство которой также находится в Свердловской области, предпринималась попытка перенаправить оперативно-служебные документы в город Тверь, поскольку счет юридического лица, пострадавшего от совершения преступления, открыт именно в том населенном пункте. Иррациональность подобного решения более чем очевидна, с учетом нахождения виновного лица и заявителя в одном и том же населенном пункте, что и орган предварительного расследования. Схожих прецедентов не счесть.

Несмотря на то, что вышеуказанные рекомендации высшей судебной инстанции существенно осложнили деятельность по раскрытию и расследованию дистанционных мошеннических действий, краж с

банковских карт, до июня 2021 года преодолеть неоднозначное толкование представлялось возможным, органы дознания и предварительного расследования приходили к компромиссу. И без того осложненную практическими и правовыми проблемами деятельность по борьбе с рассматриваемыми видами хищений усугубили новые разъяснения Пленума Верховного Суда, выраженные в постановлении от 29 июня 2021 г. № 22. В настоящее время оно содержит пункты, фактически придавшие абсолютную легальность установлению места производства предварительного расследования, рассмотрения уголовного дела судом в рамках дел о хищениях денежных средств с банковских счетов относительно места нахождения отделений кредитно-финансовых организаций, где таковые открывались. Речь идет о следующих разъяснениях:

«25². Кражу, ответственность за которую предусмотрена пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ, следует считать оконченной с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Местом окончания такой кражи является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета.

25³. Территориальную подсудность уголовного дела о краже денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств судам следует определять с учетом места совершения преступления, а также других указанных в законе обстоятельств (части 1–3 и 51 статьи 32 УПК РФ). Если не все участники производства по такому делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела, а также в иных случаях, указанных в части 4 статьи 32 и в статье 35 УПК РФ, территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена».

Исходя из перечисленного и руководствуясь положениями части 2 статьи 152 УПК РФ [8], а именно: «Если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом месте, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления», сегодня следователи, имея более весомые правовые основания, уже на постоянной основе осуществляют передачу по подследственности полученных результатов ОРД в случае, если счет потерпевшего находится в ином населенном пункте. Отметим, что в большинстве оперативных подразделений органов дознания, специализирующихся на раскрытии имущественных преступлений, работа построена по принципу розыска лиц, совершающих преступления на территории обслуживания. Если в ходе оперативно-розыскных мероприятий выявляются факты, указывающие на нахождение преступника в ином населенном пункте, происходит обмен сведениями с коллегами из соот-

ветствующих органов. При этом необоснованному забвению подвергаются иные части ст. 152 УПК РФ, позволяющие производить предварительное расследование по месту совершения деяния, нахождения обвиняемого или большинства свидетелей и т. д. И это несмотря на то, что сам по себе уголовно-процессуальный закон имеет большую юридическую силу, нежели разъяснения Пленума Верховного Суда.

Кроме того, в правоприменительной практике возникают спорные ситуации в связи с раскрытием и расследованием совершенных мошенничеств, краж с банковских счетов. Наряду с упомянутыми документами Верховного Суда действует постановление Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В нем содержится диаметрально противоположное, но столь же неординарное по своему содержанию толкование положений уголовного закона: «5. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению». Должностными лицами органов предварительного расследования, прокуратуры, в случае совершения дистанционных мошеннических действий, изложенное толкуется в фокусе определения места производства предварительного расследования по делам о хищениях путем обмана, в зависимости от места открытия счета уголовно преследуемого лица, на который поступили похищенные средства. Таким образом, результаты ОРД необходимо предоставлять в тот орган, который своей территориальной подследственностью охватывает отделение банковской организации, в рамках которой открывался счет, используемый для получения похищенного. На этот раз привязка происходит не к счету потерпевшего, а, напротив, к счету уголовно преследуемого лица.

Не вдаваясь в тот факт, что происходит постоянная путаница по поводу необходимости применения одного из двух вариантов отождествления мест открытия банковских счетов с местами производства предварительного расследования, добавим, что существующее положение дел усложняет итоговую деятельность должностных лиц оперативных подразделений органов дознания по предоставлению материалов следователю; также складываются ситуации, когда усмеляется гарантированное Конституцией России [9], УПК РФ право на защиту, доступ к правосудию, разумный срок судопроизводства граждан (организаций), пострадавших от совершения в отношении них бесконтактных краж, мошенничеств. На наш взгляд, подобное недопустимо. Полагаем, что местами производства предварительного расследования и, соответственно, предоставления результатов ОРД (материалов проверок по сообщениям о преступлениях)

должны альтернативно и равнозначно по отношению друг к другу являться те, что располагаются по месту фактического нахождения изобличаемого лица либо пострадавшего от преступления. При этом необходимо в той или иной нормативной форме закрепить обязанность должностных лиц органов предварительного расследования, при соблюдении указанных условий, принимать итоговое процессуальное решение по поступившим материалам о совершенных кражах, мошенничествах. Поскольку частные случаи, каковыми являются отдельные виды преступлений, не должны становиться предметом регулирования УПК РФ, разумно скорректировать в обозначенной нами части отдельные постановления Пленумов Верховного Суда РФ либо издать ведомственные приказы, т. к. в обозримом будущем анализируемые виды преступлений продолжат оставаться одними из самых часто совершаемых.

Список источников

1. Сорокин И. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. № 12. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14362.htm>.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/26421097/> (дата обращения: 01.11.2021).
3. Кальницкий В. В. Следственные действия: учеб. пособие. Омск, 2001.
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 20.09.2021).
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 20.09.2021).
6. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 22. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (дата обращения: 20.09.2021).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 01.10.2021).
8. Уголовно-процессуальный кодекс от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 01.09.2021).
9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с

учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2839 (дата обращения: 11.10.2021).

References

1. Sorokin I. N. Use of the results of operational-search activity in criminal proceedings [Electronic resource] // Concept. 2014. No. 12. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14362.htm>.
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - September 2021 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.rf/reports/item/26421097/> (date of access: 11/01/2021).
3. Kalnitsky VV Investigative actions: textbook. allowance. Omsk, 2001.
4. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery [Electronic resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (date of access: 20.09.2021).
5. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement [Electronic resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (date of access: 20.09.2021).
6. On amendments to certain resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases [Electronic resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2021 No. 22. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (date of access: 09/20/2021).
7. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (date of access: 01.10.2021).
8. Code of Criminal Procedure of December 18, 2001 No. 174-FZ. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (date of access: 09/01/2021).
9. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2839 (date of access: 10/11/2021).

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие, содержание, признаки

Никулина Александра Владимировна¹, Сергеев Андрей Борисович²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ uptotheair96@gmail.com

² Sergeev_ab@bk.ru

Аннотация. В настоящее время отсутствует единая теоретическая база, которая бы давала ясное представление о содержании категории «злоупотребление правом», исключала противоречивость содержания, обеспечивала бы единую практику ее использования в конкретных юридических делах.

Основным методологическим средством исследования явился системно-структурный метод. Он позволил исследовать категорию в её системной целостности, установить структурный состав, более точно определить механизм реализации процессуальных полномочий субъектов, обладающих государственно-властными полномочиями. В статье определяются составляющие понятия (злоупотребление правом) и устанавливается соотношение категорий «полномочия», «правомочия». Определяются обстоятельства, указывающие на степень (существенность) вреда от злоупотребления правом. Решаются задачи определения видов, форм проявления злоупотребления правом, выработки критериев их разграничения. Формулируются выводы, рекомендации, имеющие теоретическую и практическую значимость, содержащие элементы новизны.

Ключевые слова: злоупотребление правом, правомочия, существенный вред

Для цитирования: Никулина А. В., Сергеев А. Б. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие, содержание, признаки // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 40–46.

Original article

Abuse of law in criminal proceedings: concept, content, signs

Nikulina Alexandra V.¹, Sergeev Andrey B.²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ uptotheair96@gmail.com

² Sergeev_ab@bk.ru

Abstract. At the present time there is no unified theoretical framework that would give a clear idea of the content of the category «abuse of law», exclude the inconsistency of the content, would provide a unified practice of its use in specific legal cases.

The main methodological means of research was the system-structural method. It allowed us to examine the category in its systemic integrity, to establish its structural composition, to more accurately determine the mechanism for the implementation of the procedural powers of subjects with state authority. The article defines the abuse of rights included in the concept and establishes the ratio of the categories of «powers», «powers». The circumstances indicating the degree (materiality) of harm from abuse of law are determined. The tasks of determining the types and forms of abuse of law, developing criteria for their differentiation are being solved. Conclusions and recommendations are formulated that have theoretical and practical significance and contain elements of novelty.

Keywords: abuse of rights, entitlements, substantial harm

For citation: Nikulina A. V., Sergeev A. B. Abuse of law in criminal proceedings: concept, content, signs // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 40–46.

В теории уголовно-правовых отраслей (уголовного и уголовно-процессуального права) продолжает сохраняться требующая разрешения научная проблема института злоупотребления правом. Вызвана она нерешённостью вопроса отграничения злоупотребления правом должностными лицами от злоупотребления правом лицами, не обладающими государственно-властными полномочиями. Практическая значимость решения этой проблемы становится очевидной: а) когда возникает необходимость определить характер и вид наступивших негативных последствий вследствие злоупотребления правом участниками уголовного процесса, б) при решении вопроса об ответственности лица за допущенное злоупотребление правом.

В перечне задач, решение которых предопределяет решение названной проблемы, находится до настоящего времени остающийся без ясного ответа вопрос: корректно ли считать, что должностные лица злоупотребляют именно правами, а не должностными полномочиями в уголовном процессе? Названному направлению научной деятельности уделяет внимание широкий круг исследователей. О. А. Кожевников, А. И. Куртяк исследуют вопросы полномочий прокурора при осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью с позиции их оптимальности и исключения ситуаций, когда надзор приведёт в ограничению возможностей оперативных служб, направленных на обеспечение интересов государства [1, с. 58–63; 2, с. 152–157], А. Б. Диваев, рассматривает комплекс вопросов злоупотребления правом субъектами расследования; соотношение категорий «правомерное поведение», «правонарушение», «злоупотребление». О. И. Даровских исследует критерии их (категорий) разграничения; обращает внимание на отсутствие закрепления в праве названной категории, выявляет причины такого положения, в том числе сохраняющую неопределённость правовых норм, возможность их различного толкования [3].

Отдельные исследователи для более глубокого уяснения отличий в видах злоупотреблений (злоупотребление правом и злоупотребление должностными полномочиями) приводят следующий пример-аргументацию. Так как должностное лицо участвует в судопроизводстве в рамках должностных обязанностей, то и «права» у него те, которые принадлежат ему в соответствии с его статусом, их даже нельзя назвать правами, а только полномочиями. Но если данное лицо будет выступать в суде в другом статусе (к примеру, гражданский ответчик), оно пользуется правами лица, участвующего в уголовном деле. На основе данного суждения формулируется вывод: таким образом, при злоупотреблении правом четко видно, в каких случаях происходит злоупотребление правом, а в каких – злоупотребление должностными полномочиями.

Изложенное приводит к выводу: в настоящий период отсутствует единая теоретическая база, которая бы давала ясное представление о содержании на-

званных категорий, исключала противоречивость их содержания, обеспечивала бы единую практику их использования в конкретных юридических делах.

Разрешение проблем, вызванных пробелами в знаниях о злоупотреблении правом в уголовном судопроизводстве, лежит в плоскости последовательного решения задач. Такими задачами являются:

- выработка понимания содержания категории злоупотребление правом;
- определение видов, форм проявления названной категории;
- выработка критериев их разграничения.

В свою очередь, эффективное решение этих задач во многом зависит от правильного формирования методологической основы исследования (средств получения информации о фактах проявления злоупотребления процессуальными правами участников судопроизводства; средств их интерпретации, обработки); приёмов анализа, синтеза, обобщения, формулирования выводов, предложений, рекомендаций. В данном исследовании использовался системно-структурный метод изучения категории в её системной целостности на основе следующих положений теории права.

В теории права правовой статус субъекта права классифицирован на виды: общий, специальный и индивидуальный.

Общий правовой статус раскрывается через категории:

1) «субъективное право» лица – законом установленная мера возможного поведения в направлении реализации личного (законного) интереса (общедозволительный тип правового регулирования). Элементный состав права определяют:

- а) право пользования, то есть право на собственные действия по достижению законного интереса;
- б) право требования, то есть право на исполнение своих обязанностей другой стороной правоотношений;
- в) право притязания, то есть право обратиться в компетентный орган (к должностному государственному лицу за защитой в ситуации нарушения своего права) [4].

2) «юридические обязанности» лица – законом определённая мера должного (требуемого государством) поведения в интересах общества. Недостаточная точность соблюдения лицом (субъектом права) этой меры (несоответствие ей) подразумевает принуждение лица к точному следованию юридическим предписанием¹.

¹ Так, на свидетеля возложена обязанность – по вызову являться к следователю (ч. 6 ст. 56). На выполнение этой обязанности (должного поведения) влечет применение к нему государственно-властного принуждения – привода (принудительного доставления, ч. 1 ст. 113 УПК РФ). Субъективное право свидетеля – вольность выбора сообщить сведения в отношении себя, супруга и других близких лиц или отказаться от реализации этого права и др.

Специальный статус субъекта права юристами воспринимается как «должностной» статус лица, государственного служащего, осуществляющего профессиональную служебную деятельность на должностях государственной службы Российской Федерации [5]. В уголовном судопроизводстве должностной (специальный) статус лица определяется наличием у него (лица) государственно-властных полномочий [6, с. 81–86]. Именно полномочия государственно-властного (публичного) характера отличают должностной (специальный) статус от общего правового статуса (наличие субъективных прав и юридических обязанностей), являясь дополнительной характеристикой (признаком) субъекта права. Названное обстоятельство позволяет Н. С. Железняку, Н. Ю. Тетеряткиной, Ю. В. Леонтьевой отстаивать мнение, что категория «полномочие» имеет собственное содержание. Это содержание определяет «промежуточное» положение – между субъективными правами и юридическими обязанностями (С. 100) [7, с. 99–104]. Указанные авторы обращают внимание на то, что собственное содержание не исключает, а наоборот, подразумевает отдельные признаки общего статуса.

С данным суждением можно согласиться. Специфика субъективного права должностного лица заключается в двух видах возможностей. Первый вид заключается в перечне возможных действий (по своему субъективному усмотрению) выбрать то, которое: а) определено законом, б) наиболее эффективно позволяет реализовать интерес государственный. Второй вид касается возможности (по своему субъективному усмотрению) с учётом складывающейся правовой ситуации выбрать способ (форму) и порядок применения (воздержания от применения) публичной (государственной) власти.

Отличия статуса государственного служащего от статуса лица, не являющегося представителем государственной службы, в более обобщенном виде можно представить в следующем.

1. В части реализации субъективных прав государственным служащим отличия заключаются:

- а) в направленности своего права – действует в интересах общества, государства,
- б) в средствах реализации права – право использовать средства публичной власти.

2. В части реализации юридических обязанностей государственным служащим отличия заключаются в объекте воздействия – субъекты права, не наделённые властными полномочиями и недобросовестно выполняющие свои юридические обязанности. Юридические обязанности субъекта права–должностного лица заключаются в требовании применить предоставленные властные полномочия к другим участникам правоотношений (не наделённым государственной властью), которые не выполнили свои предписанные как обязательные действия (выполнили не в полной мере; умышленно или по халатности и пр.).

Если определять соотношение категории «полномочия» и категории «правомочия», то изложенные

выше суждения позволяют сформулировать более общий вывод: «полномочия» и «правомочия» – это не совпадающие полностью понятия. Их отождествление (синонимизирование) будет означать ошибку по следующим причинам:

1) правомочиями обладают обе категории участников правоотношений (должностные и иные лица). Правомочия принадлежат как лицу, не наделённому властными полномочиями (наличие права, например, требовать обеспечить ему законом закреплённые права), так и государственному служащему (право использовать свои властные полномочия в рамках, предоставленных законом).

Содержание пункта первого можно положить в обоснование следующего утверждения:

2) правомочия – это элемент субъективного права лиц обеих категорий (обладающих властными полномочиями и не обладающих властными полномочиями).

Изложенное не противоречит, более того, согласуется с мнением специалистов: «Полномочие – это предусмотренная законом возможность должностного лица применять публичную власть либо действовать иным образом для исполнения своей юридической обязанности в интересах общества, государства» [7, с. 99–104].

В уголовном процессе представителями публичной власти являются следователь, дознаватель, их руководители, прокурор, суд [8, с. 8–12]. Каждому участнику определено свое направление в отправлении правосудия – обвинение, обвинительно-надзорная деятельность, разрешение уголовного дела. Являясь представителем публичной власти, каждый субъект права обладает установленным уголовно-процессуальным законом правовым статусом (ст. 29, 37–41 УПК РФ). Правовую специфику каждому статусу (субъектам публичной власти) придают только им принадлежащие:

- а) целевая направленность их процессуальной деятельности (обвинение, надзор, разрешение уголовного дела), закрепившей публичные интересы государства в сфере уголовно-процессуального права;
- б) правовые средства решения задач раскрытия и расследования преступления – следственные и иные процессуальные действия;
- в) процессуальные средства организации и обеспечения расследования – меры уголовно-процессуального принуждения.

Как представляется, логическая последовательность наших суждений позволяют сформулировать утверждение: *предоставление* должностным лицам правоотношений: особых правовых средств решения публичных задач и *возможность использовать* эти средства в организации и управлении обществом охватываются понятием (образуют) «полномочия» субъектов, обладающих государственно-властными полномочиями. Одна же возможность применения этих средств (при наличии соответствующих основания и условий) охватывается категорией «правомочия».

В предметном «преломлении» к правовой сфере уголовного судопроизводства определение процессуальных полномочий субъектов расследования предлагаем формулировать следующим образом: процессуальные *полномочия* субъектов расследования (следователя, дознавателя, их руководителей), прокурора, суда формируют (образуют) закреплённая законом система процессуальных средств расследования преступления, средств организации (упорядочения) уголовно-процессуальных отношений по разрешению уголовно-правового конфликта, а также *правомочия* использовать эти средства в целях обеспечения частного и публичного интересов, определяющих назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [9]. Объединённая в динамике реализация должностными лицами своих правомочий по использованию предусмотренных законом процессуальных средств по обнаружению, раскрытию, расследованию и разрешению уголовного дела характеризуется правовой категорией «механизм реализации процессуальных полномочий» субъектами.

Осуществлённый методологический подход позволяет дать более правильный ответ на вопрос, могут ли должностные лица злоупотреблять именно правами, а не должностными полномочиями в уголовном процессе.

А. Б. Диваев в своей научной работе излагает свою позицию по вопросу различия между «злоупотреблением правом» и «злоупотреблением должностными полномочиями», приводя следующие доводы. Он рассуждает так: «во-первых, в отличие от субъективного права, полномочие не подразумевает *свободы воли* носителя права при его использовании. Полномочием нельзя распорядиться по своему желанию. Это обстоятельство связано с публично-правовым характером должностных полномочий, которым его носитель не только вправе, но и обязан воспользоваться при наличии предусмотренных законом оснований для этого. По сути, полномочие – это *и право, и обязанность одновременно*».

Если соотнести данное высказывание с уголовно-процессуальной сферой правоотношений, то высказывание следует оценить как не вполне соответствующее действительности. В качестве аргумента-опровержения озвученной А. Б. Диваевым позиции достаточно проанализировать субъективное право такого участника уголовного процесса, не наделённого властными функциями, как, например, свидетеля. Не сложно обнаружить, что его «свобода воли» как носителя права ограничена этим же правом (как и у должностного лица). В соответствии с п. 1 ч. 6 ст. 56 УПК РФ лицо (свидетель) имеет право не свидетельствовать против себя самого, близких лиц и родственников. «Свобода воли» (свидетельствовать – не свидетельствовать) существенно ограничена перечнем лиц, в отношении которых у свидетеля есть право выбора. Сказанное относится к супругу, супруге, родителям, детям, усыновителям, усыновленным, родным братьям и сестрам, дедушке, бабушке, вну-

кам. В отношении других лиц свидетелю закон не предоставляет такую «свободу воли». Названный пример и другие подобные опровергают утверждение, что только должностному лицу свойственно «и право, и обязанность одновременно».

Также вызывает сомнение в правильности следующее выражение исследователя: «Полномочием нельзя распорядиться по своему желанию». выше Изложенное выше положение, что отличие субъективного права должностного лица от права иного участника правоотношений отличается только специфическими правовыми средствами реализации права должностным лицом. В уголовном судопроизводстве к таковым среди остальных отнесены, например, меры пресечения. Чтобы обеспечить достижение благополучного завершения расследования с учётом складывающихся следственных ситуаций следователю (как субъекту правоотношений) предоставлено право самому выбрать одну из мер, перечисленных законом: подписку о невыезде, залог, поручительство и пр.

Названные примеры подтверждают, что в уголовном судопроизводстве субъективными правами и юридическими обязанностями обладают оба вида субъектов (владеющие властными полномочиями и властными полномочиями не владеющие). Отличие в правовой природе обуславливает принадлежность к государственным органам.

Изложенное позволяет говорить о некорректности следующего вопроса: могут ли должностные лица злоупотреблять именно правами, а не должностными полномочиями в уголовном процессе? Злоупотребление должностными полномочиями есть не что иное, как злоупотребление должностным субъектом субъективным правом, законом ему предоставленным. Субъективные полномочия и субъективные права отличаются только указанными выше статусными различиями лиц – их носителей.

Сформулированная нами правовая позиция не позволяет признать точными суждения:

– «полномочие у должностного лица – это сочетание права и обязанности, то есть оно не может называться ни правом, ни обязанностью»,

– «злоупотребление полномочием – это всегда нарушение предписанной законом обязанности».

С позиции точности, чтобы оценить последнее утверждение, нужно яснее понимать содержание категории «злоупотребление полномочиями (правами)».

Злоупотребление правами субъектами – не представителями государства (должностными лицами) Верховный Суд Российской Федерации оценивает таким критерием, как «причинение ущерба интересам других участников процесса» (п. 18). Если субъект права применяет закреплённое за ним право, реализация этого права приводит (является причиной) к нарушению субъективного права другого участника, то в таком случае, указывает Суд, имеет место злоупотребление правом. Верховный Суд такое положение назвал «недобросовестным использованием этих правомочий» (там же). Названный критерий следует

признать точным в отграничении добросовестного пользования субъектом правом от недобросовестного. Недобросовестное применение права в конкретной правовой ситуации позволяет суду не признавать такое право, считать его ничтожным для данного случая (п. 18) [10].

С учётом позиции Верховного Суда можно отметить в двух моментах допущенную неточность определения «злоупотребления правом», сформулированного А. Б. Диваевым. «Злоупотребление правом» он определяет как «вид правового поведения участника уголовного судопроизводства, не обладающего властными полномочиями, состоящий в использовании предоставленных ему законом процессуальных возможностей (прав в целях реализации его *незаконного* интереса)....». Первая неточность заключается в ошибочном утверждении, что целью реализации процессуальных возможностей (прав) является *незаконный* интерес. В действительности интерес законный, т. е. предусмотренный законом (или ему не противоречащий). Во-вторых, это касается использования процессуальных возможностей в ущерб интересам других участников. В названном случае «процессуальные возможности» теряют качество права, становятся ничтожными.

Злоупотребление правом субъектом – носителем государственно-властных полномочий и субъектом, таковым не являющимся, при всем своем совпадении по вредоносности (ограничение прав и законных интересов других участников судопроизводства) имеет существенные различия. Различия проявляются при оценке наносимого тем или иным субъектом злоупотреблением права вреда. При злоупотреблении правом субъектом, представляющим государственный (публичный) интерес в уголовном процессе, вред наносится более существенный, чем если злоупотребление правом осуществляет лицо, не обладающее должностными полномочиями. Существенность вреда от злоупотребления правом лиц, обладающих государственно-властными полномочиями образуют три направления его проявления. Вред наносится:

- непосредственно участникам процесса, отстаивающим свои интересы на основе закона, но не получающим желаемого результата по причине использования «во зло» [11] правомерного (входят в его компетенцию) применения права, но в целях, противоречащих задачам уголовного судопроизводства;
- процессуальной деятельности органов досудебного производства: следствия, дознания, прокуратуры, обеспечивающих реализацию целей и задач правосудия;
- в целом реализации судебной власти, функции отправления правосудия [12].

Следует согласиться, что:

- злоупотребление полномочием – это всегда нарушение предписанной законом обязанности, а следовательно, правонарушение,
- злоупотребить субъективным правом лицом, не наделённым государственно-властными полно-

мочиями, возможно, исключительно в форме активного поведения носителя права. Если право им не используется, то и злоупотребление невозможно» [13, с. 35–42].

В рамках методологического подхода к исследованию поднятых проблем и поставленных задач можно отнести как содержащие элементы новизны, имеющие теоретическую и практическую значимость, следующие результаты.

1. Уточнённые типичные отличия статуса государственного служащего от статуса лица, не являющегося носителем государственной службы – в части реализации субъективных прав.

2. Установленное содержание и соотношение категории «полномочия» и категории «правомочия». Аргументированно утверждение: правомочия – это элемент субъективного права лиц обеих категорий (обладающих властными полномочиями и не обладающих властными полномочиями).

3. Выявленная правовая специфика уголовно-процессуального статуса субъекта публичной власти: а) целевая направленность его процессуальной деятельности (обвинение, надзор, разрешение уголовного дела), закрепившей публичные интересы государства в сфере уголовно-процессуального права; б) правовые средства решения задач раскрытия и расследования преступления – следственные и иные процессуальные действия; в) процессуальные средства организации и обеспечения расследования – меры уголовно-процессуального принуждения.

4. Представленное авторское понятие «полномочия субъектов, обладающих государственно-властными полномочиями».

Полномочия образуют *предоставленные* должностным лицам правоотношений особые правовые средства решения публичных задач и *возможность использовать* эти средства в организации и управлении обществом. Одна же возможность применения этих средств (при наличии соответствующих оснований и условий) охватывается категорией «правомочия».

5. Сформулированное определение «*процессуальные полномочия субъектов расследования*» (следователя, дознавателя, их руководителей), прокурора, суда.

Полномочия субъектов расследования формируют (образуют) закреплённая законом система процессуальных средств расследования преступления, средств организации (упорядочения) уголовно-процессуальных отношений по разрешению уголовно-правового конфликта, а также правомочия использовать эти средства в целях обеспечения частного и публичного интересов, определяющих назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

6. Раскрытое понятие «механизм реализации процессуальных полномочий субъектами», обеспечивающими от имени государства достижение назначения уголовного судопроизводства как объединённая в динамике реализация должностными лицами своих

правомочий по использованию предусмотренных законом процессуальных средств по обнаружению, раскрытию, расследованию и разрешению уголовного дела.

7. Установленные обстоятельства, в своей совокупности определяющиеся как существенный вред от злоупотребления правом лиц, обладающих государственно-властными полномочиями. Такие обстоятельства образуются в результате причинения вреда: непосредственно участникам процесса, отстаивающим свои интересы на основе закона, но не получающим желаемого результата по причине использования «во зло» [11] правомерного (входят в его компетенцию) применения права, но в целях, противоречащих задачам уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Кожевников О. А. Полномочия прокурора в надзоре за законностью оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 С. 58–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36386050> (дата обращения: 12.11.2021).

2. Куртяк А. И. Исследование юридической категории «должностное лицо» как факто повышения качества норм права в оперативно-розыскной сфере [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (89). С. 152–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yuridicheskoy-kategorii-dolzhnostnoe-litso-kak-faktor-povysheniya-kachestva-norm-prava-v-operativno-rozysknoy-sfere/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).

3. Даровских О. И. К вопросу о признаках злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10.

4. Щечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. Москва: Прометей, 2017. 330 с. URL: <http://www.medcollegelibrary.ru/book/ISBN9785906879202.html> (дата обращения: 13.11.2021).

5. Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

6. Сергеев К. А., Сергеев А. Б., Числов А. И. Вопросы совершенствования уголовно-правовых средств противодействия криминальному рейдерству // Юридическая и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 81–86.

7. Железняк Н. С., Тетеряткина Н. Ю., Леонтьева Ю. В. [Электронный ресурс] // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 99–104. <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-pravomochiy-i-polnomochiy-v-teorii-prava-i-operativno-rozysknoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).

8. Глухова Е. В., Сергеев А. Б. Законодательная регламентация использования результатов ОРМ в

уголовном судопроизводстве в соотношении с Европейскими установками законности их (ОРМ) проведения // Российский следователь. 2017. № 11. С. 8–12.

9. Захарова С. А., Сергеев А. Б. Дознание как форма расследования: правовое регулирование, тенденции развития. Челябинск: Челябинский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2008.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2015. 10 июля.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации: статейный комментарий / под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 731 с.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. Москва: Юрайт, 2020. Том 4. 278 с.

13. Диваев А. Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–42.

References

1. Kozhevnikov O. A. The powers of the prosecutor in overseeing the legality of operational-search activities [Electronic resource] // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: humanities and social sciences. 2018. No. 3, pp. 58–63 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36386050> (date of access: 11/12/2021).

2. Kurtyak A. I. Study of the legal category "official" as a fact of improving the quality of legal norms in the operational-investigative sphere [Electronic resource] // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (89). pp. 152–157 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yuridicheskoy-kategorii-dolzhnostnoe-litso-kak-faktor-povysheniya-kachestva-norm-prava-v-operativno-rozysknoy-sfere/viewer> (date of access : 12.11.2021).

3. Darovskikh O. I. To the question of signs of abuse of law in criminal proceedings // Criminal justice. 2017. No. 10.

4. Tsechoev V. K., Shvanderova A. R. Theory of state and law [Electronic resource]: textbook. Moscow: Prometheus, 2017. 330 p. URL: <http://www.medcollegelibrary.ru/book/ISBN9785906879202.html> (date of access: 11/13/2021).

5. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" (as amended on June 11, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 31. Art. 3215.

6. Sergeev K. A., Sergeev A. B., Chislov A. I. Issues of improving criminal legal means of counteracting criminal raiding // Legal and Law Enforcement Practice. 2012. No. 1 (19). pp. 81–86.

7. Zheleznyak N. S., Teteryatkina N. Yu., Leontyeva Yu. V. [Electronic resource] // Society and Law. 2020. No. 1 (71). pp. 99–104. <https://cyberleninka.ru/article/n/>

sootnoshenie-pravomochiy-i-polnomochiy-v-teorii-prava-i-operativno-rozysknoy-deyatelnosti/viewer (date of access: 11/12/2021).

8. Glukhova E. V., Sergeev A. B. Legislative regulation of the use of the results of ORM in criminal proceedings in relation to the European regulations for the legality of their (ORM) conduct // Russian investigator. 2017. No. 11. P. 8–12.

9. Zakharova S. A., Sergeev A. B. Inquiry as a form of investigation: legal regulation, development trends. Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Chelyabinsk, 2008.

10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 29 "On the practice of application by courts of legislation ensuring the right to defense in criminal proceedings" // Rossiyskaya Gazeta. 2015. July 10.

11. Criminal Code of the Russian Federation: article-by-article commentary / ed. G. A. Esakova. 9th ed., revised. and additional Moscow: Prospekt, 2021. 731 p.

12. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes. Volume 4. Special part. Sections X–XII (item-by-article) / rev. ed. V. M. Lebedev. Moscow: Yurayt, 2020. 278s.

13. Divaev A. B. Abuse of the rights of participants in the trial of criminal cases in a competitive environment // Criminal Justice. 2017. No. 10. P. 35–42.

Информация об авторах

Сергеев Андрей Борисович – доктор юридических наук, профессор

Information about the authors

Sergeev Andrey B. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Очная ставка в современном уголовном процессе

Плетникова Мария Сергеевна¹, Гарипов Тимур Ильгизович²

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, maka.pletnikova@mail.ru

² Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, ti89ga@mail.ru

Аннотация. Уголовно-процессуальная деятельность в рамках уголовного судопроизводства России нацелена на защиту прав и интересов участников уголовного процесса. Данная тенденция распространяется как на процессуальные, так и следственные действия. В данной статье хотелось бы заострить внимание на таком распространенном следственном действии, как очная ставка. В каждом случае, когда органами предварительного расследования выявляются существенные противоречия в показаниях ранее допрошенных участников процесса, они вправе провести очную ставку. Но, несмотря на распространенную практику применения очной ставки, в современном уголовном процессе существует ряд проблемных аспектов как процессуального, так и тактического характера, разрешение которых требует пристального внимания законодателя.

Ключевые слова: следственное действие, очная ставка, существенные противоречия, участники уголовного процесса, процессуальный порядок

Для цитирования: Плетникова М. С., Гарипов Т. И. Очная ставка в современном уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 47–52.

Original article

Face-to-face in modern criminal proceedings

Pletnikova Maria S.¹, Garipov Timur I.²

¹ Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, maka.pletnikova@mail.ru

² Kazan Law Institute MVD of Russia, Kazan, Russia, ti89ga@mail.ru

Abstract. Criminal procedure in the framework of criminal proceedings in Russia is aimed at protecting the rights and interests of participants in the criminal process. This trend extends to both procedural and investigative actions. In this article, I would like to stop attention on such a common investigative action as a confrontation. In each case, when the bodies of the preliminary investigation reveal significant contradictions in the testimony of previously questioned participants in the process, they are entitled to conduct a confrontation. But, despite the widespread practice of full-time betting, in modern criminal proceedings there are a number of problematic aspects of both procedural and tactical nature, the resolution of which requires the close attention of the legislator.

Keywords: investigative action, confrontation, significant contradictions, participants in the criminal process, procedural procedure

For citation: Pletnikova M. S., Garipov T. I. Face-to-face in modern criminal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 47–52.

Целью расследования уголовного дела является установление истины, привлечение к уголовной ответственности виновного лица и недопущение привлечения невиновного. Объективное, полное и всестороннее расследование уголовного дела достигается посредством сбора и проверки доказательств. Одним из способов достижения истины по уголовному делу является производство следственных дей-

ствий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Комплексное, качественное использование всех следственных действий позволяет обеспечить всесторонность, полноту и объективность расследования. Одним из таких следственных действий выступает очная ставка.

Очная ставка, с одной стороны, довольно редко приводит к получению значимых доказательств, однако, с другой стороны, данное следственное действие проводится достаточно часто, поскольку при расследовании уголовных дел требуется принять все возможные меры для проверки ранее собранных доказательств и получения новых.

Под очной ставкой в современном уголовном процессе понимается следственное действие, которое проводится на стадии предварительного расследования между двумя ранее допрошенными невластными участниками уголовного процесса с целью устранения имеющихся в их показаниях существенных противоречий, касающихся предмета доказывания. Это, на первый взгляд, несложное следственное действие в научных кругах и правоприменительной практике вызывает много вопросов.

В действующем УПК РФ довольно подробно раскрыт процессуальный порядок производства очной ставки, но хотелось бы обратить внимание на ряд моментов, которые вызывают споры среди ученых-процессуалистов.

Во-первых, лицо, проводящее предварительное расследование, вправе провести очную ставку исключительно при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных участников уголовного процесса. Таким образом, следователь / дознаватель не может провести очную ставку между какими-либо участниками в любой сложившейся ситуации, так как в обязательном порядке должны быть существенные противоречия. Что же понимается под существенными противоречиями? Законодатель в действующем уголовно-процессуальном законе не раскрывает данное понятие, при этом на практике при определении «существенных противоречий» присутствует субъективизм должностного лица, проводящего расследование по уголовному делу. Полагаем, что под «существенными противоречиями» должны пониматься такие противоречия, которые непосредственно связаны с предметом доказывания, а именно с обстоятельствами, подлежащими доказыванию и закрепленными в статье 73 УПК РФ. При отсутствии противоречий в показаниях участников касательно предмета доказывания не имеется оснований для производства очной ставки.

Ряд ученых-процессуалистов придерживаются мнения о необходимости исключения словосочетания «существенные противоречия» из статьи 192 УПК РФ в целях обеспечения эффективного и полного расследования уголовного дела. Отсутствие указанного словосочетания позволит практикам проводить очную ставку в любом необходимом случае, когда возникает целесообразность одновременного сравнения показаний двух ранее допрошенных лиц. Например, если у следователя возникнут сомнения касательно правдивости показаний, данных двумя свидетелями в пользу обвиняемого, он может провести очную ставку, в ходе которой попытаться уличить

допрашиваемых во лжи. В настоящее время производство очной ставки с этой целью недопустимо.

Более того, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» будет считаться серьезной процессуальной ошибкой проведение очной ставки по расследуемому уголовному делу в случае отсутствия существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных участников, так как, по сути, отсутствуют основания для ее производства. Несмотря на это, в правоприменительной практике нередко возникают случаи, когда лицо, производящее расследование по уголовному делу, в целях обеспечения рассмотрения дела в суде проводит очную ставку. То есть если у него есть основания полагать, что лицо (потерпевший, свидетель) в силу объективных и субъективных причин может не явиться в зал судебного заседания, а подсудимый займет жесткую позицию отрицания своей вины, то будут дополнительные доказательства, подтверждающие вину подсудимого, так как суд в ходе судебного следствия обязан непосредственно исследовать все доказательства, имеющиеся в уголовном деле, в том числе путем оглашения протоколов следственных действий. Но правоприменителю следует помнить, что все показания, полученные с нарушением закона (а отсутствие основания для производства следственного действия приравнивается к нарушению норм УПК РФ), признаются недействительными и ничтожными. Не стоит забывать о том, признание одного доказательства в уголовном процессе ничтожным может повлечь за собой негативный для уголовного судопроизводства «принцип домино» и исключение производных доказательств.

Полагаем, что исключать словосочетание «существенные противоречия» из нормы статьи 192 УПК РФ недопустимо, так как это может негативно отразиться на объективности и всесторонности расследования уголовного дела. С исключением «существенных противоречий» могут возникнуть ситуации злоупотребления со стороны должностных лиц, проводящих расследование уголовного дела.

Во-вторых, в статье 192 УПК РФ закреплено право следователя на производство очной ставки, которое не является его обязанностью. То есть если у лица, проводящего расследование уголовного дела, появятся основания полагать, что кто-то из участников уголовного процесса дает ложные показания, вне зависимости от того, предупреждается ли он об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний или нет, то с целью устранения существенных противоречий он вправе провести очную ставку. При этом, вне зависимости от результата очной ставки (были ли устранены противоречия или нет), ее протокол признается доказательством по уголовному делу и будет учитываться в совокупности при оценке собранных доказательств.

В то же время могут возникнуть ситуации, когда, несмотря на наличие существенных противоречий в показаниях участников уголовного судопроизвод-

ства, проведение очной ставки нецелесообразно. К таким ситуациям можно отнести, например, случаи, когда очную ставку необходимо провести между несовершеннолетним и совершеннолетним участником, и есть основания полагать, что на несовершеннолетнего может быть оказано негативное влияние со стороны взрослого, в результате которого несовершеннолетний изменит свои показания, и т. д. Учитывая негативные последствия такой очной ставки, следователь / дознаватель имеет все основания не проводить ее. Полагаем, что такая позиция законодателя является абсолютно верной.

Несмотря на обозначенное выше обстоятельство, в правоприменительной деятельности данный вопрос является дискуссионным. Практические сотрудники отмечают, что на сегодняшний день прокурор при проверке уголовного дела очень часто обращает внимание на наличие протокола очной ставки, причем не важно, достигнута ли цель проведения данного следственного действия. Работники прокуратуры объясняют это необходимостью убедиться в том, что следователь / дознаватель в полной мере постарался получить достоверные и полные показания, а также устранить противоречия, имеющиеся в показаниях участвующих лиц. По их мнению, очная ставка этому способствует.

Аналогичной позиции придерживается В.Ю. Стельмах, который полагает, что лицо, производящее расследование, обязано проводить очную ставку в каждом случае возникновения противоречий между участниками уголовного процесса, за рядом исключений. К ним можно отнести случаи, когда в ходе производства очной ставки может быть оказано психологическое воздействие на участников уголовного процесса, которое может привести к изменению правдивых показаний на ложные, когда физическое и психическое здоровье не позволяет участникам уголовного процесса принимать участие в производстве очной ставки, а также случаи применения к допрашиваемому участнику мер государственной защиты в ходе уголовного судопроизводства [1, с. 101].

В-третьих, возникают споры о том, вправе ли участники уголовного процесса требовать обязательного производства очной ставки. Так, например, С.А. Шейфер [2, с. 97], М.О. Баев, О.Я. Баев [3, с. 129], К.Б. Калиновский [4, с. 549] и другие занимают позицию о необходимости обязательного производства очной ставки, если такое требование исходит от стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого, защитника). Более того, К.Б. Калиновский говорит о том, что обвиняемый вправе присутствовать при допросе свидетеля со стороны обвинения и задавать самостоятельно вопросы такому свидетелю.

Большинство ученых-процессуалистов категорически не согласны с данным мнением, так как участие обвиняемого при допросе свидетеля, интересы какой бы стороны он ни представлял, можно расценивать как нарушение тайны предварительного следствия, что может негативно сказаться на всем ходе расследо-

вания уголовного дела. Поэтому действующий УПК РФ предусматривает возможность ознакомления только с отдельными процессуальными (следственными) действиями, которые были проведены с непосредственным участием подозреваемого / обвиняемого в процессе расследования уголовного дела, а также со всеми материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном статьей 217 УПК РФ, на этапе окончания предварительного расследования. А возможность задавать вопросы участникам со стороны обвинения (допрашивать их) у подсудимого появляется только на этапе судебного следствия.

По мнению И.В. Гредягина, недопустимо рассматривать очную ставку как допрос подозреваемым других участников уголовного процесса в процессе ее производства. Цель и смысл очной ставки – в устранении существенных противоречий, которые могут присутствовать в показаниях ранее допрошенных участников уголовного процесса [5, с. 65].

Аналогичной позиции придерживается Ю.П. Боруленков, говоря о том, что с точки зрения тактико-криминалистического аспекта очная ставка – тактически рискованное следственное действие, которое может привести к непредсказуемому результату и негативным последствиям при расследовании уголовного дела. Например, когда потерпевший, свидетель, в силу психологического воздействия, оказываемого на них со стороны подозреваемого / обвиняемого, начинают менять свои показания [6, с. 135].

Анализируя вышесказанное, полагаем, что и сторона защиты, и сторона обвинения имеют право заявлять ходатайства органам предварительного расследования о производстве следственных действий, в том числе и о производстве очной ставки. А следователь / дознаватель такие ходатайства, с учетом положений статьи 159 УПК РФ и в порядке, предусмотренном главой 15 УПК РФ, обязан рассмотреть и принять законное и обоснованное решение об удовлетворении либо о полном или частичном отказе в удовлетворении заявленного ходатайства. Таким образом, считаем, что следователь не обязан, а вправе проводить очную ставку, производство которой требует сторона защиты.

Участники, не согласные с решением следователя, могут обжаловать его в порядке, предусмотренном главой 16 УПК РФ. Так, например, по уголовному делу № 1-53/2016 подозреваемый З. свою вину в инкриминируемом ему преступном деянии не признавал. Его показания были опровергнуты показаниями потерпевшей и несовершеннолетним свидетелем. Сторона защиты на этапе предварительного расследования заявила ходатайство о производстве очной ставки между подозреваемым и несовершеннолетним свидетелем. Следователь вынес постановление о полном отказе в удовлетворении заявленного ходатайства. Данное решение сторона защиты обжаловала в порядке статьи 125 УПК РФ в суд. Суд оставил заявленную жалобу без удовлетворения, мотивировав свое решение тем, что следователь – процессуально

самостоятельное лицо и правомочен сам определять ход расследования уголовного дела, в том числе касательно необходимости производства следственных действий [7]. Таким образом, с учетом норм УПК РФ, лицо, осуществляющее расследование, имеет полное право отказать сторонам в проведении очной ставки, если полагает, что отсутствуют основания для ее производства либо она может привести к негативным последствиям по ходу расследуемого уголовного дела.

В-четвертых, существует ряд недостатков уголовно-процессуальной регламентации очной ставки, среди которых можно выделить следующие:

1) действующее законодательство, в отличие от предыдущего (утратившего силу), не указывает, что очная ставка может проводиться исключительно между двумя лицами, из чего в научной литературе делается вывод о том, что в настоящее время очная ставка может проводиться одновременно и между тремя и более лицами [8, с. 99]. При этом существует мнение, согласно которому производство очной ставки между лицами в количестве более двух нецелесообразно, с чем нельзя не согласиться. В данном случае законодатель вряд ли намеревался дать следователю возможность проводить очную ставку среди большого количества участников, скорее всего, не придавая значения необходимости закрепления данного факта в нормах УПК РФ. Представляется, что с целью недопустимости неоднозначного толкования рассматриваемой нормы все же следует отразить в ней тот факт, что очная ставка проводится между двумя лицами;

2) законодательно не разрешен вопрос о том, может ли очная ставка проводиться в том случае, если один из ее участников, будучи ранее допрошенным, отказался от дачи показаний. Полагается, что в настоящее время производство очной ставки в подобной ситуации будет являться неверным, поскольку фактически нарушается требование к производству очной ставки, заключающееся в условии наличия существенных противоречий для ее производства. Однако полагаем, что в целом в такой ситуации при необходимости возможно проведение очной ставки, что должно быть закреплено законодательно в целях невозможности признать ее впоследствии недопустимым доказательством;

3) законодатель не указывает, кто именно из участников уголовного судопроизводства может являться участником очной ставки. Так, на основании анализа имеющихся в уголовно-процессуальном законодательстве норм можно сделать вывод, что участниками очной ставки не могут являться лица, обладающие свидетельским иммунитетом, в силу того, что они не могут быть допрошены, а очная ставка проводится исключительно между ранее допрошенными лицами. Несмотря на то, что выше нами велась речь о возможности производства очной ставки с участием лица, которое отказывалось от дачи показаний, данная ситуация является несколько иной. Здесь лицо не допрашивается не по причине противодействия расследованию и нежелания давать показания, а в силу

определенных гарантий. Таким образом, лица, обладающие свидетельским иммунитетом, участниками очной ставки являться не могут.

В-пятых, в статье 192 УПК РФ ни слова не говорится о процессуальном статусе лиц, участвующих в производстве очной ставки. Ключевой момент, который обозначен в статье, – это то, что показания ранее допрошенных лиц имеют существенные противоречия. Без сомнений, очная ставка может проводиться между потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым и свидетелем, причем в разных комбинациях. Возникает логичный вопрос о возможности производства очной ставки между двумя экспертами (специалистами), если существуют существенные противоречия в заключениях, данных ими по ходу производства по уголовному делу. Так, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский придерживаются мнения о возможности проводить очную ставку между экспертами, так как действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляет следователю право производства допроса данных участников с целью дачи пояснений и разъяснений по данному ими заключению.

Противоположной точки зрения придерживается С.Ф. Шумилин, который говорит, о том, что бессмысленно проводить очную ставку между экспертами, так как даже если они придут к единому мнению, то это не изменит данные экспертами заключения и не устранил противоречия [9, с. 284]. А лицо, осуществляющее предварительное расследование, в любом случае вынуждено будет назначить дополнительную либо повторную судебную экспертизу. Поддерживая С.Ф. Шумилина, А.Р. Белкин отмечает, что цель и основания допроса эксперта и специалиста существенно отличаются от цели и оснований допроса других участников уголовного процесса. Поэтому производство очной ставки между экспертами / специалистами недопустимо. Специалиста можно привлечь лишь только для оказания помощи и содействия при производстве очной ставки [10, с. 100].

В-шестых, следует помнить о том, что очная ставка, аналогично допросу, может быть проведена только между лицами, обладающими процессуальным статусом в расследуемом уголовном деле. Отсутствие процессуального статуса у лица на стадии возбуждения уголовного дела влечет за собой невозможность проводить такое следственное действие на этапе проверки сообщений о преступлении. Кроме того, недопустимо проводить очную ставку в случаях, когда лицо еще имеет статус свидетеля, но у органов предварительного расследования есть основания для изменения ему процессуального статуса на подозреваемого / обвиняемого, так как у данных участников абсолютно разные права и обязанности в уголовном судопроизводстве. Свидетель обязан давать показания и при этом предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний либо дачу заведомо ложных показаний, а подозреваемый / обвиняемый не может быть предупрежден об этом. Дача каких-либо показаний – это его право.

В-седьмых, в статье 192 УПК РФ отсутствует формально юридическое закрепление некоторых процессуальных моментов производства очной ставки. Так, ничего не говорится о том, что очная ставка проводится по устному решению следователя, вынесения отдельного постановления о ее назначении не требуется. Наиболее сложным является вопрос о том, может ли очная ставка проводиться органом дознания по поручению следователя. Так, в соответствии с частью первой статьи 152 УПК РФ в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания, дознавателю вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания. Из смысла данной нормы, формально любой сотрудник органа дознания по поручению следователя (дознавателя) может в другом месте произвести очную ставку. Однако большинство ученых отмечают, что поручать производство именно данного следственного действия иным лицам нецелесообразно, поскольку лишь лицо, производящее расследование, в полной мере владеет информацией о совершенном преступлении, совокупностью доказательств по уголовному делу, характеристикой личности допрашиваемых лиц, на основе чего осуществляет подготовку к производству данного следственного действия, определяет тактические приемы его производства, последовательность и содержание вопросов, которые должны быть заданы, и т. д.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что органам предварительного расследования следует исключить возможность поручения производства очной ставки органу дознания в силу того, что производство данного следственного действия не может достигнуть необходимого эффекта, поскольку необходимо полное владение всей доказательственной базой по уголовному делу.

В-восьмых, ученые-процессуалисты в качестве проблемы производства очной ставки указывают на отсутствие в нормах УПК РФ вопросов, касающихся предмета показаний на очной ставке. Так, отдельные исследователи проблемы полагают, что целесообразно проводить очную ставку только с теми участниками, которые сами непосредственно воспринимали какое-либо событие, ставшее предметом очной ставки. Так, например, В.Ю. Стельмах говорит о том, что очная ставка проведена необоснованно, если один из допрашиваемых приводит информацию, ставшую ему известной со слов другого человека.

В качестве примера неправильного производства очной ставки В.Ю. Стельмах обращает внимание на случай, когда очная ставка проводится между подозреваемым и оперативным сотрудником, проводившим проверочную закупку наркотических средств с привлечением третьего лица – «покупателя». Подробности реализации наркотических средств подозреваемым «покупателю» стали известны опера-

тивному сотруднику со слов «покупателя», при этом сам оперуполномоченный факт сбыта наркотиков не видел. То есть, по сути, оперуполномоченный в ходе производства очной ставки повторил слова «покупателя». Так как законодатель не устанавливает каких-либо ограничений по поводу того, какие противоречия в показаниях должны явиться основанием для производства очной ставки, можно констатировать, что формально указанная в примере очная ставка была проведена обоснованно. Кроме того, она вполне может достигнуть своей цели, поскольку подозреваемый, услышав показания оперуполномоченного, понимая, что у органов предварительного расследования собрано достаточно доказательств, подтверждающих его вину, начнет давать правдивые показания. Поэтому полагаем, что нет необходимости искусственно сужать предмет показаний на очной ставке. Но в то же время органы предварительного расследования не должны забывать о том, что основанием производства очной ставки является наличие существенных противоречий в ранее данных показаниях. И в приведенном выше примере целесообразнее было проводить очную ставку между подозреваемым и «покупателем».

Кроме того, показания, данные в ходе очной ставки, должны касаться только тех обстоятельств, которые воспринимаются участниками очной ставки извне. Так, недопустимо в процессе производства данного следственного действия задавать вопросы «изобличающему» участнику о мыслительной деятельности «изобличаемого» (например, о форме его вины).

В научной литературе также имеется мнение о том, что в статье 192 УПК РФ должны быть ссылки на статьи 164, 187 и 189 УПК РФ, относящиеся к общим правилам производства следственных действий и допросов. Так, Р.С. Белкин предлагает свою редакцию статьи 192 УПК РФ, в которой будут частично учтены рассмотренные выше проблемы.

Подводя итог вышеизложенному, полагаем, что производство органами предварительного расследования такого следственного действия, как очная ставка, в современном уголовном судопроизводстве связано с рядом проблем и противоречий, которые зачастую приводят к негативным последствиям при расследовании уголовного дела. Свободное толкование отдельных положений, закрепленных в статье 192 УПК РФ, не способствует повышению качества расследования уголовного дела, а наоборот, вызывает определенные трудности у правоприменителя. Таким образом, разрешение спорных вопросов производства очной ставки в настоящее время требует пристального внимания законодателя, что позволит оптимизировать уголовное судопроизводство в целом.

Список источников

1. Стельмах В. Ю. Процессуальные, тактические и психологические аспекты производства очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36).
2. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013.
3. Баев М. О., Баев О. Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2014.
4. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Смирнова. М.: Проспект, 2009.
5. Гредягин И. В. Проблемы процессуальной самостоятельности и реализации властно-распорядительных полномочий дознавателя при подготовке и производстве очной ставки // Закон и право. 2011. № 4.
6. Боруленков Ю. П. К вопросу об установлении истины в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8).
7. Приговор Кузьминского районного суда от 15 октября 2016 г. по делу № 1-53/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/>
8. Белкин А. Р. Процессуальные проблемы производства очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33).
9. Шумилин С. Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010.
10. Белкин А. Р. Процессуальные проблемы производства очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33).

References

1. Stelmakh V. Yu. Procedural, tactical and psychological aspects of confrontation // Legal science and law enforcement practice. 2016. No. 2 (36).
2. Sheifer S. A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of the investigative, judicial and prosecutorial authorities. M., 2013.
3. Baev M. O., Baev O. Ya. Abuse of the right in pre-trial proceedings in criminal cases. M.: Prospekt, 2014.
4. Smirnov A. V., Kalinovsky K. B. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. 5th ed., revised. and additional / ed. A. V. Smirnova. M.: Prospekt, 2009.
5. Gredyagin I. V. Problems of procedural independence and the implementation of the power and administrative powers of the interrogating officer in the preparation and production of a confrontation // Law and Law. 2011. No. 4.
6. Borulenkoy Yu. P. To the question of establishing the truth in criminal proceedings // Forensic Library. 2013. No. 3 (8).
7. Judgment of the Kuzminsky District Court of October 15, 2016 in case No. 1-53/2016 [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru/>

8. Belkin A. R. Procedural problems of confrontation // Legal science and law enforcement practice. 2015. No. 3 (33).

9. Shumilin S. F. Theoretical foundations and applied problems of the mechanism for exercising the powers of the investigator in criminal proceedings: dis. ... Dr. jurid. Sciences. Voronezh, 2010.

10. Belkin A. R. Procedural problems of confrontation // Legal science and law enforcement practice. 2015. No. 3 (33).

Информация об авторах

Плетникова Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Гарипов Тимур Ильгизович – кандидат юридических наук

Information about the authors

Pletnikova Maria Sergeyevna – Candidate of Law, Associate Professor

Garipov Timur I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 30.12.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 30.12.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Следователь и его право обжалования

Рудакова Светлана Викторовна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
rudakovasvetlana@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации в части права следователя на обжалование в досудебном производстве решений прокурора, указаний своего руководителя и судебных решений. Предлагается исключить из содержания п. 5 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ требования о получении согласия руководителя следственного органа на обжалование наиболее значимых решений прокурора, а также устранить фрагментарный характер процедуры обжалования следователем решений прокурора и указаний руководителя органа расследования. Обоснована необходимость наделения следователя правом самостоятельного обжалования судебных решений.

Ключевые слова: следователь, обжалование, руководитель следственного органа, прокурор, судебные решения

Для цитирования: Рудакова С. В. Следователь и его право обжалования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 53–58.

Original article

The investigator and his right of appeal

Rudakova Svetlana V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia, rudakovasvetlana@mail.ru

Abstract. The author analyzes the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of the investigator's right to appeal in pre-trial proceedings against the prosecutor's decisions, instructions of his head and court decisions. It is proposed to exclude from the content of paragraphs 5, part 2 of article 38 and part 4 of article 221 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the requirements for obtaining the consent of the head of the investigative body to appeal the most important decisions of the prosecutor, as well as to eliminate the fragmentary nature of the procedure for appealing the decisions of the prosecutor and the instructions of the head of the investigative body by the investigator. The necessity of granting the investigator the right to independently appeal court decisions is justified.

Keywords: investigator, appeal, head of the investigative body, prosecutor, court decisions

For citation: Rudakova S. V. The investigator and his right of appeal // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 53–58.

В соответствии с ч. 1 ст. 123 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) участники уголовного разбирательства и иные лица вправе обжаловать действия (бездействие), решения следователя в той части, в которой они затрагивают их интересы, и это право, как свидетельствуют показатели статистики, относится к числу наиболее часто реализуемых на практике. Достаточно отметить, что только в первом полугодии 2021 г. в судебном заседании Президиумом Верховного Суда РФ рассмотрено 2 119 надзорных представлений и жалоб по уголов-

ным делам, апелляционной коллегией – 27 жалоб и представлений, судебной коллегией по уголовным делам – 24 в апелляционной инстанции, 19 147 – в кассационной инстанции [1].

Обжалование не только обеспечивает реализацию прав и законных интересов участников уголовного процесса, но и является инструментом для выявления допущенных нарушений закона, требующих устранения и своевременного реагирования. До-

вольно часто жалуются на следователя, который, к сожалению, не всегда действует в соответствии с законом, причиняя тем самым ущерб конституционным правам и свободам тех лиц, в отношении которых реализованы действия либо принято процессуальное решение. Однако остается не ясным, обладает ли правом обжалования сам следователь, от эффективной работы которого зависит процесс всего расследования, а также своевременная защита граждан от преступных деяний, чему и будет посвящено настоящее исследование.

С этой целью обратимся к анализу базовой нормы, определяющей процессуальный статус следователя в досудебном производстве, – к ст. 38 УПК РФ, где не только сформулировано понятие следователя, но и закреплены его полномочия, в числе которых указано право обжалования.

Необходимо обратить внимание, что перечень, указанный в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, закрепляющий решения прокурора, которые могут быть обжалованы следователем с согласия руководителя органа расследования в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, является закрытым, а сам факт такого обжалования запускает процесс приостановления исполнения прокурорского решения до рассмотрения жалобы вышестоящим прокурором (ч. 5 ст. 221 УПК РФ), решение которого может быть, в свою очередь, обжаловано вышестоящему прокурору.

В соответствии с п. 1.20 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 право на обжалование в рамках ч. 4 ст. 221 УПК РФ возможно использовать только в случаях, когда следователем осуществляется производство по проверке сообщения о преступном деянии либо по уголовному делу. Если же указанное правило не соблюдается, то тогда исключается обязанность по вынесению прокурором процессуального решения [2].

Законодатель устанавливает, что следователь имеет право обжаловать решения прокурора только с согласия руководителя органа расследования. Без такого согласия обращение следователя не имеет юридической силы. И это при том, что следователь обладает процессуальной самостоятельностью и на него возложена персональная ответственность за результаты предварительного следствия, которое должно быть проведено качественно и в полном объеме, а также в установленные сроки.

Здесь следует согласиться с профессором В. А. Семенцовым, который указывает, что процессуальная самостоятельность следователя в досудебном производстве является необходимым условием для исполнения своих обязанностей. Без свободы выбора в принятии решений и совершении процессуальных действий у следователя отсутствует возможность надлежаще осуществлять свои обязанности [3, с. 146].

Поэтому обжалование следователем наиболее важных для судьбы уголовного дела решений прокурора должно осуществляться им самостоятельно, без предварительного согласования с руководителем. В

связи с этим предлагаем исключить из содержания п. 5 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ слова «с согласия руководителя следственного органа». Такая новелла поспособствует укреплению самостоятельности следователя, что приведет к надлежащему и оперативному производству расследования. Кроме того, подобные изменения исключат бюрократическую нагрузку на следственный орган.

Помимо рассмотренного права, следователь может обжаловать решения непосредственного руководителя органа расследования вышестоящему руководителю (ч. 4 ст. 124 УПК РФ). По общему правилу, в случае такого обжалования исполнение решения не приостанавливается, как это происходит при обжаловании решений прокурора. Вместе с тем необходимо отметить, что если решения руководителя касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также направления дела в суд или его прекращения, то они могут быть обжалованы руководителю вышестоящего следственного органа с приостановлением их исполнения.

На страницах периодической печати встречаются различные точки зрения относительно полномочия руководителя органа расследования давать следователю указания. Например, существует предложение заменить указания руководителя «предложениями к рассмотрению следователя», которые носили бы рекомендательный характер и не были императивными [4, с. 7]; закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве правило, согласно которому исполнение любых указаний руководителя приостанавливается в случае их обжалования следователем [5, с. 91].

Ранее мы уже отмечали, что в тексте уголовно-процессуального законодательства не указаны требования о процессуальном порядке и сроках обжалования следователем указаний руководителя органа расследования и решений прокурора [6], а С. С. Безруковым, Н. В. Попковым это обстоятельство оценивается как небрежность законодательного регулирования, создающего серьезные проблемы в правоприменительной практике [7, с. 6].

На необходимость закрепления в УПК РФ процедуры обжалования указывают и другие авторы. В частности, М. Ф. Елчиев, исследуя деятельность прокурора, предлагает решить проблему отсутствия процедуры обжалования его решений «о возвращении уголовного дела следователю для устранения выявленных недостатков в случае его несоответствия требованиям закона» [8, с. 31].

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в своем определении от 14 января 2020 г. отметил, что для жалоб следователей на указания руководителя органа расследования и решений прокурора предусмотрена специальная процедура обжалования, в частности,

согласно п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ решение прокурора [9].

Но, к сожалению, уголовно-процессуальный закон фрагментарно регламентирует процедуру обжалования следователем решений прокурора и указаний руководителя в п. 5 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 39, ч. 4 ст. 221 УПК РФ, а в ч. 4 ст. 124 УПК РФ лишь предусматривается такое его право. Одновременно неоправданно (с учетом процессуальной самостоятельности следователя) усложнена процедура обжалования решений прокурора, требующая получения согласия руководителя следственного органа. По сути, получается, что руководящая идея обжалования не реализуется в полной мере и не учитывает особенности досудебного производства. Думается, что небрежность законодательного регулирования, создающего серьезные проблемы в правоприменительной практике в этой части, должна быть устранена.

Большой интерес представляет вопрос о праве следователя обжаловать судебные постановления.

Так, следователь в ходе досудебного производства уполномочен осуществлять следственные действия, применять меры процессуального принуждения, которые затрагивают права и свободы граждан, гарантированные Конституцией РФ, в связи с чем для их производства требуется разрешение суда, процедурные правила получения которого предусмотрена в ст. 108 и 165 УПК РФ. Суду предоставлено право рассматривать жалобы участников досудебного производства в случаях и порядке, предусмотренных ст. 125 УПК РФ. Решения суда в досудебном производстве определяются законодателем как промежуточные (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ) и могут быть обжалованы до вынесения итогового судебного акта по уголовному делу.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 обращается внимание судов на то, что промежуточные решения, затрагивающие права участников уголовного процесса или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела, подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу [10].

Поскольку следователь в ходе своей процессуальной деятельности вступает в правовые отношения с судом при осуществлении судебного контроля в досудебном производстве, то в рамках нашего исследования невольно возникает вопрос: а обладает ли он правом обжалования судебных решений?

Единства мнений по указанному вопросу нет.

В работах противников отнесения следователя к числу лиц, наделенных правом обжалования судебных решений, утверждается, что ему это право законом не предоставлено, а сама процедура подобного обжалования предполагает участие следователя при

установлении обстоятельств, имеющих значение для разрешения жалобы.

Например, судья Верховного суда РФ в отставке К. С. Жудро полагает, что значение роли следователя в судебном разбирательстве сводится лишь к выяснению обстоятельств, которые имеют значение для вынесения законного итогового решения, и только прокурор уполномочен представлять от имени государства сторону обвинения в суде [11].

Профессор Л. А. Воскобитова негативно оценивает практику Санкт-Петербургского городского суда, где допускают обжалование следователем промежуточных решений судебного органа в досудебном производстве, т. к. сторона обвинения выстроена иерархически и опротестовывать незаконные и необоснованные решения суда должен прокурор, у которого, в отличие от следователя, надзорные полномочия в уголовном процессе [12].

Учитывая, что законодатель не наделяет следователя правом подачи апелляционной жалобы на решения суда (ст. 389. 1 УПК РФ), а позиция Пленума Верховного Суда РФ сводится к отрицанию наличия у следователя такого права, о чем свидетельствует содержание п. 2 и 3 постановления от 27 ноября 2012 г., судебная практика чаще всего свидетельствует именно об этом, хотя бывают и исключения.

Например, 13 июля 2018 г. суд апелляционной инстанции Верховного Суда Республики Саха (Якутия) с участием прокурора и следователя рассмотрел в судебном заседании апелляционную жалобу следователя на частное постановление Якутского городского суда от 15 июня 2018 г., которым обращено внимание руководителя следственного органа на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные следователем А. А. Луковцевым при обращении в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В своем объяснении суду следователь А. А. Луковцев поддержал доводы апелляционной жалобы, поскольку не согласен с утверждением, что предоставленные им в суд копии документов, заверенные в установленном порядке, были ненадлежащего качества, а в ходе судебного заседания не возникло сомнений в их подлинности. Но прокурор А. А. Наумова полагала необходимым прекратить апелляционное производство по жалобе следователя на частное постановление суда. В результате суд апелляционной инстанции посчитал доводы жалобы следователя несостоятельными и оставил без изменения частное постановление Якутского городского суда Республики [13].

При этом судом не была дана оценка тому факту, как справедливо отмечает П. О. Герцен, что ни законодатель, ни Пленум Верховного Суда РФ следователя к субъектам обжалования не относят [14, с. 49].

Ряд ученых и практиков отстаивают позицию, в соответствии с которой следователь наделен правом обжалования судебных решений.

Так, Б. Я. Гаврилов предлагает предоставить следователю право обратиться в суд в случае его несо-

гласия с решениями прокурора по вопросам, затрагивающим права и свободы участников уголовного процесса [15, с. 11].

Профессор О. В. Химичева и адвокат Д. В. Шаров утверждают, что следователь не должен исключаться из числа субъектов обжалования, хотя реализация им такого права не может не обладать серьезными особенностями, вызванными спецификой процессуальных задач [16, с. 103].

Федеральный судья О. В. Кузьмина обосновывает право следователя на обжалование в вышестоящие судебные инстанции состоявшихся судебных решений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. По ее мнению, следователь обладает всей полнотой полномочий стороны в процессе, а складывающаяся обширная практика рассмотрения жалоб следователя по делам судебного контроля, в том числе и на факты удовлетворения таких жалоб даже в тех случаях, когда они не были поддержаны прокурором, свидетельствует о праве следователя на апелляционное обжалование, если он участвовал в рассмотрении дела судебного контроля [17].

Ю. А. Цветков в своей статье приводит пример, когда следователь принес апелляционную жалобу на постановление судьи по жалобе о признании незаконным бездействия следователя при проверке сообщения о преступлении. Следователь лично поддерживал доводы жалобы в суде апелляционной инстанции, и жалоба была полностью удовлетворена [18, с. 28].

Х. Б. Бегиев считает, что поскольку бремя доказывания законности и обоснованности обжалуемого решения возлагается на подавателя жалобы, то существует необходимость наделения следователя всеми правами, которыми обладает заявитель [19, с. 217].

Червоткин А. С. утверждает, что активная роль следователя в судебных процедурах свидетельствует о необходимости наделения его всеми процессуальными правами стороны обвинения, к числу которых относится право на обжалование [20, с. 123].

Разделяя мнение тех ученых, которые обосновывают необходимость наделения следователя правом самостоятельного обжалования судебных решений, принятых в досудебном производстве, мы полагаем, что законодательно следует такое право закрепить для исключения противоречивости решения этого вопроса на практике.

Проведенный анализ права следователя на обжалование в досудебном производстве решений прокурора, указаний руководителя следственного органа и судебных решений свидетельствует о необходимости исключения из содержания п. 5 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ требования о получении согласия руководителя следственного органа на обжалование наиболее важных решений прокурора. Реализация законодателем данного предложения будет способствовать повышению уровня процессуальной самостоятельности следователя, исключит неоправданную бюрократическую нагрузку.

Кроме того, следует устранить фрагментарный характер процедуры обжалования следователем решений прокурора и указаний руководителя следственного органа, которая по действующему закону не позволяет реализовать в полной мере руководящую идею обжалования, с учетом особенностей процессуальной деятельности в досудебном производстве. Считаем, что небрежность законодательного регулирования этого вопроса, создающего серьезные проблемы в правоприменительной практике, должна быть устранена.

Список источников

1. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде РФ в первом полугодии 2021 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс] / Отдел статистического учета Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2017. № 3.
3. Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя: монография / под ред. д-ра юрид. наук., проф. В. А. Семенцова. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 146.
4. Мешков М. В. Процессуальное положение начальника следственного отдела в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 7.
5. Победкин А. В., Новиков Е. А. Руководитель следственного органа (процессуальные и организационные аспекты): моногр. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 91.
6. Семенцов В. А., Рудакова С. В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 33–42.
7. Безруков С. С., Попков Н. В. Реализация следователем права на обжалование решения прокурора и сроки предварительного следствия: конфликт неизбежен // Российский следователь. 2011. № 7. С. 6.
8. Елчиев М. В. Деятельность прокурора и суда по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 31.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 5-О «По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (в ред. от 1 декабря 2015 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального ко-

декса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. 7 дек.

11. Жудро К. С. Судебный порядок рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (к вопросу о возможности обжалования следователем судебного решения, указания прокурора и руководителя следственного органа) // Уголовное право. 2012. № 1. С. 84–89.

12. Воскобитова Л. А. Правопонимание в уголовном процессе [Электронный ресурс] / Выступление на Всерос. науч.-практ. конф. «Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства», 22 марта 2013 г., г. Санкт-Петербург: <http://www.iuaj.net/node/1215>.

13. Апелляционное постановление № 22К-1174/2018 от 13 июля 2018 г. по делу № 22К-1174/2018 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Республики Саха (Якутия) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Герцен П. О. О праве участников со стороны обвинения на обжалование в апелляционном порядке промежуточных решений суда, вынесенных на досудебном этапе: защита частных и публичного интересов // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 49.

15. Гаврилов Б. Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

16. Химичева О. В. и Шаров Д. В. О реализации свободы обжалования в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 103.

17. Кузьмина О. В. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса // Уголовное право. 2010. № 3. С. 85–89.

18. Цветков Ю. А. Следователь в апелляции // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 28.

19. Бегиев Х. Б. Судебный контроль и процессуальная самостоятельность следователя в суде по жалобе заявителя в порядке статьи 125 УПК России // Общество и право. 2011. № 2. С. 217.

20. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 123.

References

1. Overview of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2021 of administrative, civil cases, cases to resolve economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases [Electronic resource] / Department of Statistical Accounting of the Office for the Systematization of Legislation and analysis of judicial practice // SPS "Consultant Plus".

2. Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of December 28, 2016 No. 826 "On the organization of prosecutorial supervision over the

procedural activities of the preliminary investigation bodies" // Legality. 2017. No. 3.

3. The bodies of the preliminary investigation of Russia and the procedural independence of the investigator: monograph / ed. Dr. jurid. sci., prof. V. A. Sementsova. M.: Yurlitin-form, 2021. S. 146.

4. Meshkov M. V. Procedural position of the head of the investigative department in the Soviet criminal process: author. dis. ... cand. legal Sciences. M., 1992. S. 7.

5. Pobedkin A. V., Novikov E. A. Head of the investigative body (procedural and organizational aspects): monograph. M.: Yurlitin-form, 2010. S. 91.

6. Sementsov V. A., Rudakova S. V. Modern problems of appeal in domestic criminal proceedings // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. No. 2. P. 33–42.

7. Bezrukov S. S., Popkov N. V. Realization by the investigator of the right to appeal against the decision of the prosecutor and the terms of the preliminary investigation: the conflict is inevitable // Russian investigator. 2011. No. 7. P. 6.

8. Elchiev M. V. Activities of the prosecutor and the court to eliminate obstacles to the consideration and resolution of criminal cases: author. ... dis. cand. legal Sciences. Saratov, 2021. P. 31.

9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 14, 2020 No. 5-O "On the complaint of citizen Marina Anna Nikolaevna about the violation of her constitutional rights by part one of Article 125 and part four of Article 221 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [Electronic resource] // ATP "Consultant Plus".

10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012 No. 26 (as amended on December 1, 2015) "On the application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing proceedings in the court of appeal" // Rossiyskaya Gazeta. Dec 7, 2012.

11. Zhudro K. S. Judicial procedure for considering complaints in accordance with Art. 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (to the question of the possibility of an appeal by the investigator of a court decision, instructions of the prosecutor and the head of the investigative body) // Criminal Law. 2012. No. 1. P. 84–89.

12. Voskobitova L. A. Legal understanding in criminal proceedings [Electronic resource] / Speech at the All-Russia. scientific-practical. conf. "The relationship between constitutional and criminal proceedings", March 22, 2013, St. Petersburg: <http://www.iuaj.net/node/1215>.

13. Appeal Resolution No. 22К-1174/2018 dated July 13, 2018 in case No. 22К-1174/2018 [Electronic resource] / Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) // ConsultantPlus SPS.

14. Herzen P. O. On the right of participants from the prosecution to appeal on appeal interim court decisions made at the pre-trial stage: protection of private and public interests // Criminal Justice. 2020. No. 16. P. 49.

15. Gavrilov B. Ya. Legal regulation of the protection of constitutional rights and freedoms of participants in

criminal proceedings: author. dis. ... dr. legal Sciences. M., 2004. S. 11.

16. Khimicheva O. V. and Sharov D. V. On the implementation of the freedom of appeal in criminal proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (49). S. 103.

17. Kuzmina O. V. Investigator as a subject of appeal against court decisions at the pre-trial stage of the criminal process // Criminal Law. 2010. No. 3. P. 85–89.

18. Tsvetkov Yu. A. Investigator in the appeal // Criminal proceedings. 2014. No. 4. P. 28.

19. Begiev Kh. B. Judicial control and procedural independence of the investigator in court on the applicant's complaint in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of Russia // Society and Law. 2011. No. 2. P. 217.

20. Chervotkin A.S. Intermediate judgments and the procedure for their review in the Russian criminal process: dis. ... cand. legal Sciences. M., 2013. S. 123.

Информация об авторе

Рудакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Rudakova Svetlana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Некоторые проблемы вступления защитника в уголовное дело

Сафонова Анастасия Александровна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
safonova-nasta@mail.ru

Аннотация. В статье представлены наиболее актуальные проблемы, связанные с определением момента вступления защитника в уголовный процесс и возникновением у него полномочий по оказанию квалифицированной юридической помощи лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Подчеркивается необходимость своевременного обеспечения участия защитника для обеспечения прав и законных интересов подзащитного.

Ключевые слова: защитник, оказание квалифицированной юридической помощи, подозреваемый, обвиняемый, процессуальное задержание, фактическое задержание

Для цитирования: Сафонова А. А. Некоторые проблемы вступления защитника в уголовное дело // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 59–63.

Original article

Some problems of the defender's introduction in the criminal case

Safonova Anastasia A.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
safonova-nasta@mail.ru

Abstract. The article contains the actual problems associated with determining the moment of entry of a defender into the criminal process and the emergence of his powers to provide qualified legal assistance. Based on the results of the study, recommendations were proposed for solving the identified problems, which are able to optimize the norms of the current legislation.

Keywords: defender, provision of qualified legal assistance, suspect, accused, procedural detention, actual detention

For citation: Safonova A. A. Some problems of the defender's introduction in the criminal case // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 59–63.

Российская Федерация является демократическим правовым государством, в котором защита прав граждан занимает важнейшее значение, в первую очередь это связано с конституционным положением «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». По уголовным делам каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью защитника с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48 Конституции Российской Федерации), и государство, в свою очередь, гарантирует, что юридическая помощь будет оказана квалифицированными специалистами.

Указанные конституционные положения развиваются и конкретизируются в отраслевом (уголовно-процессуальном) законодательстве. При этом уголовно-процессуальный закон, как и положено в правовом и демократическом государстве, расширяет, по сравнению с Конституцией Российской Федерации, сферу применения квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве и участие защитника в уголовном деле. Вместе с тем отдельные положения уголовно-процессуального закона сформулированы не вполне определенно, что вызывает сложности их практического использования.

УПК РФ определяет, что по уголовному делу в досудебном производстве защитником может выступать исключительно адвокат (ч. 2 ст. 49 УПК РФ), данное положение не умаляет прав других участников и, безусловно, является справедливым. Только обладающее соответствующим образованием, стажем работы в юридической сфере лицо способно осуществлять качественно и эффективно защиту прав подозреваемого (обвиняемого), соблюдая установленный законом порядок. Признавая соответствующим Конституции Российской Федерации положение уголовно-процессуального закона о возможности участия в качестве защитника на предварительном расследовании только адвоката, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «участие в качестве защитника в ходе предварительного расследования дела любого лица по выбору подозреваемого или обвиняемого может привести к тому, что защитником окажется лицо, не обладающее необходимыми профессиональными навыками, что несовместимо с задачами правосудия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь» [1].

Очень важно обеспечить своевременность появления защитника в уголовном деле. От данного участника не только зависит положение подозреваемого (обвиняемого), связанное с надлежащим исполнением его прав, но и для органов предварительного расследования наличие защитника при производстве следственных и процессуальных действий с подозреваемым является гарантией правомерности их деятельности.

В части 3 ст. 49 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень оснований, определяющих момент вступления адвоката в уголовное дело или в осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Анализ указанных в законе оснований позволяет сделать вывод о возможности участия адвоката не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии проверки сообщения о преступлении, при отсутствии у лица формально определенного процессуального статуса. Мы используем именно термин «возможность участия» намеренно, поскольку в современных правовых реалиях подозреваемый (обвиняемый) имеет право пользоваться помощью защитника, то есть на сегодняшний день участие защитника в уголовном деле не является обязательным.

С момента начала производства с лицом процессуальных действий, перечисленных в ст. 144 УПК РФ, затрагивающих его права и свободы, у него появляется право пользоваться услугами адвоката-защитника ещё до возбуждения уголовного дела. В данном случае лицо еще не приведено в статус подозреваемого, поэтому мы понимаем норму п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ как возможность лица пользоваться услугами защитника только по соглашению.

Для начала следует разобраться, с какого момента в отношении лица совершаются действия, ограничивающие его права и свободы, и в чем они выражаются. Так, момент возникновения указанных ограниче-

ний берёт своё начало, как правило, при объявлении лицу соответствующего постановления: о производстве освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования и т.д., при оглашении перечисленных постановлений защитник может принимать участие. Не всегда для производства процессуальных действий требуется вынесение соответствующего постановления, например, при производстве проверочного мероприятия «получение объяснений». Между тем права и свободы лица в ходе получения объяснений в любом случае затрагиваются, лицо не может просто взять и уйти в процессе проведения с ним проверочного действия. Также у него требуют определенных пояснений об обстоятельствах произошедшего события.

Конституционный Суд в своих разъяснениях указывает, что возникновение права на защиту у лица появляется с того момента, когда ограничение его прав становится реальным [2]. К сожалению, в законодательстве и литературе категория «реальности ограничения прав» не раскрывается, поэтому определить её пределы в практической деятельности становится трудно. Содержащиеся в Постановлении Конституционного Суда положения должны быть не только закреплены, но и подробно разъяснены в уголовно-процессуальном законодательстве. Это необходимо с целью их точного и правильного толкования, применения должностными лицами. Но в УПК РФ отсутствует определенная правовая модель, регламентирующая эти вопросы.

В этом же ключе возникает спорный вопрос, почему права лиц без формального процессуального статуса должен защищать непременно защитник, а не представитель, как у потерпевших, гражданских истцов и ответчиков. Возможно, чтобы в этом разбираться, следует вначале определить, кто же является лицом, в отношении которого проводится доследственная проверка. В первую очередь это лица, о которых заявитель сообщает в своём заявлении.

Что же делать в ситуациях, когда в заявлении указан лишь факт совершения преступления, а в ходе проверки у следователя появляются подозрения о причастности конкретного лица? На наш взгляд, в этом случае следователю необходимо собрать достаточные доказательства, подтверждающие причастность лица в совершении преступления, после чего незамедлительно выносить постановление о возбуждении уголовного дела. И только после принятия данного решения проводить с лицом процессуальные действия, затрагивающие его права и свободы. Так как права лица, в отношении которого проводится проверка, ограничиваются тем или иным образом, то будет неправильно предоставлять ему представителя, а не защитника. Именно последний может оказывать квалифицированную юридическую помощь в полном объеме. При этом адвокатом стать далеко не просто: соответствие необходимо определенным критериям и затем сдача сложнейшего квалификационного экзамена. Для того чтобы получить статус

адвоката в установленном порядке, нужно хорошо постараться. Ключевой момент состоит в том, что защитник, как бы это банально не звучало, защищает права подзащитного, а не только представляет его интересы в уголовном судопроизводстве.

В таком случае законодатель в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ предоставил право пользоваться услугами защитника лишь тем лицам, на которых непосредственно указано в заявлении либо в объяснении, что несправедливо по отношению к другим участникам. Указанную проблему можно было бы решить путем внесения изменений в данную норму, преобразовав её следующим образом: «...с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ». У лиц, осуществляющих проверку, не всегда имеется информация о возможных подозреваемых, которые, по мнению заявителя или очевидцев, совершили преступление. Но практически всегда правоохранительные органы при проведении доследственной проверки подозревают кого-либо в совершении преступления. Последние чаще всего и нуждаются в предоставлении им права на пользование услугами адвоката-защитника.

Следующее интересное основание появления защитника в уголовном процессе вызывает множество дискуссий среди практиков и ученых процессуалистов [3, с. 76–84; 4, с. 19–21] – с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Правоприменители на протяжении длительного периода времени объединяют исчисление фактического задержания лица совместно с процессуальным в протоколе задержания подозреваемого. Делается это намеренно, исходя из необходимости проведения большого количества процессуальных действий с задержанным за 48 часов.

Задержание лица, реализуемое за пределами органов внутренних дел, выражающееся в его захвате и доставлении в отдел полиции, именуется физическим. Пока лицо не будет доставлено в орган предварительного расследования, сотрудники полиции не смогут предоставить защитника задержанному. Процедура доставления задержанного не регламентируется уголовно-процессуальным законодательством, данный временной промежуток в теории называют «правовой пустотой» [5, с. 24], так как срок доставления не включается в исчисление срока задержания. В соответствии с УПК РФ задержание подозреваемого могут осуществлять только 3 субъекта: орган дознания, следователь, дознаватель. Данные должностные лица, как правило, производят задержание уже непосредственно в кабинете отдела полиции, после того как будет возбуждено уголовное дело и следователь (дознаватель) удостоверится в причастности лица к совершенному общественно опасному деянию.

Ряд ученых придерживаются позиции о необходимости предоставления задержанному защитника с

момента физического задержания для максимально полного обеспечения прав лица, что, по их мнению, позволит снизить вероятность признания полученных доказательств недопустимыми [6, с. 230]. Несомненно, данная точка зрения заслуживает уважения, исходя из гуманистических идей, она очень даже справедлива. Но, на наш взгляд, реализация указанной позиции в современных реалиях невозможна, поскольку «уличное задержание» производит не следователь (дознаватель), а, как правило, сотрудники оперативных подразделений, у которых нет возможности искать защитника и ждать его прибытия с целью доставления задержанного. Кроме того, задержание на месте преступления может быть произведено и частными лицами (то есть обычными гражданами), которые не знают норм УПК РФ, и у них нет конкретной инструкции, как действовать при задержании лица. Обычным гражданам вряд ли известно, что фактическое задержание, указанное в ч. 3 п. 3 ст. 49 УПК РФ, производится в следующих случаях: при наличии оснований, закрепленных в ст. 91–92 УПК РФ, и для заключения лица под стражу. Так что о вызове адвоката в ходе «уличного» задержания гражданами не может быть и речи. Таким образом, под фактическим задержанием не следует понимать физическое задержание, данные моменты следует разграничивать. Фактическое задержание частично регламентируется УПК РФ, и поэтому реализовывать его могут только лица, уполномоченные на осуществление деятельности по расследованию уголовного дела.

Практика сформировалась таким образом, что чаще всего защитник приступает к осуществлению своих полномочий уже с момента процессуального задержания, чуть реже – с момента доставления лица в орган дознания, к следователю (дознавателю). Так, например, А. П. Рыжаков считает, что с момента доставления лица, подозреваемого в совершении преступления, в отдел полиции, независимо от того, составлен протокол задержания или нет, у него есть право требовать приглашения защитника [7].

Подозреваемый приобретает данный статус только после составления протокола задержания и его подписания самим подозреваемым. Адвокату в целях принятия на себя обязанностей по осуществлению защиты, несомненно, требуется конфиденциальная беседа с подозреваемым, и пока лицо не обладает этим формальным статусом, право на защитника по указанному основанию не подлежит реализации. Свидание защитника с подзащитным наедине и конфиденциально предоставляется до первого допроса подозреваемого. Поэтому отсутствие у лица процессуального статуса не даёт ему права на пользование услугами адвоката по назначению до подписания им протокола задержания.

Целесообразно было бы заменить п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и сделать возможным участие защитника в уголовном процессе с «с момента доставления лица, подозреваемого в совершении преступления в орган дознания, к следователю, дознавателю». Поскольку

именно данные участники уполномочены на разъяснение прав подозреваемому (обвиняемому), а более того, у лиц, производящих расследование, есть обязанность предоставить защитника по назначению лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, когда у него нет возможности пригласить защитника самостоятельно.

Следующее основание появления защитника в уголовном деле в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ связано с моментом вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В законе буквально указано, что защитник может быть предоставлен обвиняемому именно с момента вынесения постановления, то есть не обязательно, чтобы лицу данное постановление было уже объявлено. Обвиняемый может пригласить защитника, прежде чем ознакомится и подпишет данный документ. То есть на процедуру ознакомления с постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого последний может прийти как со своим защитником, так и может попросить следователя (дознателя) предоставить защитника по соглашению. Данное основание применимо в большей мере для расследования уголовных дел в форме предварительного следствия. В дознании же, прежде чем лицо стало обвиняемым в связи с вынесением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, что бывает только в исключительных случаях, лицо находилось в статусе подозреваемого и также могло пользоваться услугами адвоката в соответствии со ст. 46 УПК РФ. Перескочить статус подозреваемого в ходе производства дознания нельзя, переход из одного статуса в другой – это упорядоченная процедура. Основания для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого при производстве дознания случаются довольно редко, например, при объявлении лица в розыск с целью его последующего заключения под стражу.

Отметим ещё одно основание появления защитника в уголовном процессе – возбуждение уголовного дела в отношении лица (п. 2 ч. 4 ст. 49 УПК РФ). Следует заметить, что дело возбуждается не по факту совершения преступления неизвестным, а в отношении конкретного лица, которое установлено в результате проведения доследственной проверки. В постановлении должны быть указаны фамилия, имя, отчество подозреваемого, а в лучшем случае – и дата рождения. Данное основание непосредственно связано с тем, что лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, считается подозреваемым автоматически.

В уголовном процессе отсутствует постановление о привлечении лица в качестве подозреваемого, поэтому с момента вынесения и подписания следователем (дознанием) постановления о возбуждении уголовного дела подозреваемый вправе требовать, чтобы его обеспечили защитником. Для того чтобы подозреваемый узнал, что в отношении него было возбуждено уголовное дело, на следователе (дозна-

вателе) лежит обязанность по уведомлению лица о данном факте. Форма уведомления не регламентируется законодательством, однако в ч. 4 ст. 164 УПК РФ указано на необходимость уведомить подозреваемого незамедлительно. Исходя из чего мы можем сделать вывод, что уведомление и предоставление копии постановления о возбуждении уголовного дела подозреваемому могут не совпадать во времени. В таком случае должностное лицо, возбудившее уголовное дело в отношении конкретного лица, при уведомлении последнего обязано разъяснить ему права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, в том числе право пользоваться помощью защитника.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые основания и случаи вступления защитника в уголовное дело, существующие в теории и практике уголовного процесса. Как удалось заметить, не все перечисленные основания являются теоретически обоснованными и практико-применимыми. Следует доработать основания, указанные в ч. 3 ст. 49 УПК РФ и внести соответствующие изменения в законодательство, что будет способствовать формированию единого толкования вышеуказанных норм и унифицирует правоприменительную практику.

При появлении первой же возможности лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, следует предоставить право пригласить своего защитника для участия в уголовном деле. При отсутствии такой возможности органам предварительного расследования следует предоставить защитника по назначению. От своевременного появления защитника в уголовном деле, будет зависеть качество сформированной защитником и подозреваемым (обвиняемым) линии защиты и её доказательственное подтверждение.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. №2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. А. Абрамова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 7.
2. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. №11-П [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2021).
3. Арабули Д. Т. Особенности участия защитника в уголовном деле с момента фактического задержания // Право и образование. 2008. № 4. С. 76–84.
4. Кокорева Л. В. Задержание подозреваемого: уточнение момента участия защитника // Вестник барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 19–21.

5. Мельников В. Ю. Меры принуждения в уголовном процессе России: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 24.

6. Журба О. Л., Раднева Е. Г. Отдельные проблемы реализации права на защиту на современном этапе развития уголовного судопроизводства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 230.

7. Рыжаков А. П. Защитник в уголовном процессе [Электронный ресурс]. М., 2020. URL: <http://www.consultant.ru>

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 1997 No. 2-P "On the case of checking the constitutionality of part four of Article 47 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with complaints from citizens B. V. Antipov, R. L. Gitis and S. A. Abramova" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 7.

2. In the case of reviewing the constitutionality of the provisions of the first part of Article 51 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 No. 11-P [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11/20/2021).

3. Arabuli D. T. Features of the participation of a defense counsel in a criminal case from the moment of actual detention // Law and Education. 2008. No. 4. S. 76–84.

4. Kokoreva L. V. Detention of the suspect: clarification of the moment of participation of the defender // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (39). pp. 19–21.

5. Melnikov V. Yu. Coercive measures in the criminal process of Russia: monograph. M.: Yurlitinform, 2011. S. 24.

6. Zhurba O. L., Radneva E. G. Separate problems of the implementation of the right to defense at the present stage of development of criminal proceedings // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. 2019. No. 4. P. 230.

7. Ryzhakov A. P. Defender in criminal proceedings [Electronic resource]. M., 2020. URL: <http://www.consultant.ru>.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Научная статья
УДК 343.137.9

Особенности применения упрощенной формы уголовного судопроизводства, связанной с назначением судебного штрафа

Солодовник Вячеслав Викторович
Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, slaviik_bel@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются условия и порядок производства по уголовному делу, которое завершается назначением судебного штрафа. Автором выявлен ряд правовых коллизий, связанных с применением норм, регулирующих принятие данного решения; определены возможности суда по изменению категории преступления на менее тяжкую с целью прекратить уголовное дело с применением судебного штрафа; обоснована нецелесообразность применения судебного штрафа при совершении одним лицом нескольких преступлений.

Ключевые слова: суд, судебный штраф, прекращение уголовного дела, упрощенное производство, мера уголовно-правового характера

Для цитирования: Солодовник В. В. Особенности применения упрощенной формы уголовного судопроизводства, связанной с назначением судебного штрафа // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 64–69.

Original article

Features of the application of a simplified form of criminal proceedings related to the imposition of a court fine

Solodovnik Vyacheslav V.
Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, slaviik_bel@mail.ru

Abstract. The article analyzes the conditions and procedure of criminal proceedings, which ends with the imposition of a court fine. The author has identified a number of legal conflicts related to the application of the rules governing the adoption of this decision; the possibilities of the court to change the category of a crime to a less serious one in order to terminate a criminal case with the use of a court fine are determined; the inexpediency of applying a court fine when committing several crimes by one person is justified.

Keywords: court, judicial fine, termination of a criminal case, simplified proceedings, measure of a criminal nature

For citation: Solodovnik V. V. Features of the application of a simplified form of criminal proceedings related to the imposition of a court fine // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 64–69.

В последние годы в российском законодательстве получили значительное развитие идеи либерализации и упрощения уголовно-процессуальных производств. Подтверждением этому служит введение новых упрощенных форм судопроизводства, среди которых в последние пять лет значительное место занимает возможность прекращения уголовного

дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, предусмотренной ст. 25.1 УПК РФ. Можно констатировать, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве появился новый

© Солодовник В. В., 2022

институт прекращения уголовно-процессуальной деятельности в связи с назначением судебного штрафа.

Действие данного уголовно-процессуального института обусловлено необходимостью упрощения производства по уголовному делу и смягчения применяемых государством репрессивных мер в рамках уголовного судопроизводства в отношении законодательно определенного круга лиц, которые впервые совершили преступление. Также преступление, совершенное данным лицом, должно относиться к категории не выше, чем средней тяжести.

В.В. Путин прямо указал на «необходимость исключения из уголовного законодательства всех рудиментов советского правосознания, всех зацепок, которые позволяют делать из хозяйственного спора уголовное дело на одного из участников» [1]. С такой точкой зрения нельзя не согласиться, потому что Президент РФ говорит о необходимости реформирования уголовного судопроизводства в целях повышения его эффективности, а добиться этого возможно только путем разумного упрощения существующих сложных конструкций.

В результате применения ст. 25.1 УПК РФ происходит освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, что характеризует собой некоторое поощрительное отношение к преступнику, которое связано, однако, не с фактом совершения им преступления, а с его положительным поведением после совершения преступления. На наш взгляд, такое поощрение имеет своей целью защиту прав и законных интересов, в том числе, и потерпевшей стороны, которой в результате применения норм данного процессуального института должен быть возмещен ущерб, причиненный преступлением. Еще одним не менее значимым обстоятельством прекращения уголовного дела в упрощенной форме является значительная экономия на расходах судебно-следственной деятельности. В этой связи А.И. Бастрыкин подчеркнул, что «именно уголовно-правовые меры являются одним из факторов, направленных на поддержание социальной стабильности общества» [2].

В.Г. Катинский и В.А. Ефанова справедливо отмечают, что «судебный штраф нельзя относить к безусловным основаниям освобождения от уголовной ответственности» [3]. Мы не можем не согласиться с такой точкой зрения, потому что для прекращения дела по данному основанию требуется соблюдение следующих указанных в законе условий:

- привлекаемое лицо совершило преступление впервые;
- категория преступления, совершенного подозреваемым, обвиняемым, – не выше средней тяжести;
- необходимость возмещения причиненного ущерба, а также, если это выполнить невозможно (например, ввиду отсутствия потерпевшей стороны), – применение иных способов заглаживания причиненного вреда;
- отсутствие возражений подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного дела или уголовного преследования по ст. 25.1 УПК РФ.

Теперь рассмотрим каждое из указанных условий в отдельности.

Первое условие не следует толковать буквально, потому что оно разъяснено Верховным Судом Российской Федерации, согласно которому к таким лицам относятся подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, являющиеся юридически не судимыми [4]. Из данного разъяснения следует, что факт совершения лицом преступления в данном случае не учитывается, а принимается во внимание только наличие у лица судимости за совершенное преступление, которая является основанием отказа в принятии данного решения. Поэтому необходимо обратить внимание на состояние судимости у лица, в отношении которого предполагается прекратить уголовное дело.

Правильно пишет А.А. Тришева, что в рассмотренной ситуации «присутствует правовая коллизия, суть которой заключается в признании лица, которое совершило новое преступление, совершившим преступление впервые» [5, с. 15]. В результате суду предоставляется возможность еще много раз прекращать производство по делу в отношении лица, занимающегося преступной деятельностью, если оно при этом считается юридически не судимым.

В качестве второго условия выступает возможность прекращения производства только по двум категориям уголовных дел – небольшой тяжести и средней тяжести. Изучив данное условие, М. Юсупов, справедливо ставит вопрос «о возможности изменения судом категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ), и последующего прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа» [6, с. 123]. В поисках решения данной проблемы мы обратились к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19-П, в п. 26 которого указано, что «в случае, когда при постановлении приговора суд, назначив наказание, при изменении в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ категории преступления на менее тяжкую при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, освобождает осужденного от отбытия назначенного наказания». На наш взгляд, возможность признания судом совершенного преступления как менее тяжкого, чем его принадлежность к соответствующей категории, может использоваться судом и для последующего применения норм ст. 25.1 УПК РФ.

Третье условие заключается в поощрении лица, совершившего преступление, за последующее положительное поведение после совершения преступления. При этом данное положительное поведение может выражаться в двух самостоятельных формах: 1) в возмещении ущерба; 2) в заглаживании вреда. При выполнении даже одного из перечисленных действий, третье условие можно считать выполненным. Так, при невозможности оценки вреда, причиненного потерпевшему, в имущественном эквиваленте, например, если ему причинен моральный вред, вызвавший психические страдания, обязательным условием должно являться заглаживание такого вреда любым другим способом, приемлемым для потерпевшего.

А сами способы совершения подобных положительных действий могут быть довольно разнообразными. Так, Свердловский районный суд г. Белгорода при рассмотрении дела в отношении Т. по ст. 319 УК РФ в качестве обстоятельства, свидетельствующего о заглаживании вреда иным способом, указал: «Т. принес извинения потерпевшему, которые тот принял». И это обстоятельство явилось одним из условий применения судом ст. 25.1 УПК РФ [7].

Несмотря на необходимость наличия вышеуказанных форм положительного поведения со стороны обвиняемого, для принятия судом решения о прекращении дела по ст. 25.1 УПК РФ примирения обвиняемого с потерпевшим не требуется, так как факт примирения сторон не является обязательным условием принятия такого решения. Однако не стоит принижать мнение потерпевшего, которое все равно должно учитываться, но только по вопросам о размере и способах возмещения причиненного преступлением ущерба.

На практике возникают ситуации, когда потерпевший возражает против прекращения уголовного дела, обосновывая свое решение недостаточно полным возмещением причиненного ущерба. В этой связи А.И. Чучаев и Ю.В. Грачева справедливо отмечают, что «в случае возражения потерпевшего против прекращения уголовного дела по данному основанию, необходимо выяснить причины, побудившие его к этому, проверить факты возмещения ущерба и заглаживания вреда, причиненного преступлением» [8, с. 166]. Так, для определения размера материального вреда необходимо назначить и провести товароведческую судебную экспертизу, при ознакомлении с заключением которой потерпевший может не согласиться с выводами эксперта. Но в данной ситуации мнение потерпевшего не должно препятствовать прекращению дела, потому что условие, связанное с возмещением ущерба и заглаживанием вреда, выполнено в пределах, установленных экспертом. Также правильно пишет В.В. Ченцов, что «этот вид процессуальных взаимоотношений носит публичный характер, где право принятия окончательного решения по уголовному делу принадлежит государству в лице органа предварительного расследования и суда и тем самым не должно зависеть от воли потерпевшего» [9, с. 147].

Следующей проблемой, требующей законодательного решения, выступает неопределенность возможности применения ст. 25.1 УПК РФ в ситуации, когда все условия принятия данного решения соблюдены, но лицо не может возместить ущерб, причиненный преступлением, потому что состав совершенного преступления является формальным, или в деле не предполагается наличие потерпевшего (например, использование заведомо подложных документов, получение и дача взятки, незаконное хранение наркотических средств и т. д.). В результате обвиняемый попадает в ситуацию, при которой у него отсутствует возможность должным образом загладить вред, причиненный преступлением. Данное обстоятельство

влечет за собой отсутствие у суда формальной возможности прекратить производство по делу. Однако в практической деятельности суды решили пойти по пути расширенного толкования требований ст. 25.1 УПК РФ. Так, по уголовному делу в отношении Ш. по факту преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга принял решение о прекращении дела в отношении Ш. по ст. 25.1 УПК РФ. В качестве условий принятия такого решения суд указал, что обвиняемый признал свою вину и раскаялся в совершении преступления, имеет иждивенцев – двух малолетних детей, положительные характеристики с места работы, является ветераном, имеет многочисленные награды, а также перечислил в благотворительный фонд деньги в сумме 7000 рублей [10]. Таким же образом данным судом освобожден от уголовной ответственности гр-н К., привлеченный по ч. 1 ст. 228 УК РФ, дело в отношении которого также прекращено по ст. 25.1 УПК РФ в связи с тем, что К. «не судим, имеет молодой возраст, зарегистрирован и проживает в Санкт-Петербурге, обучается в техникуме, трудоустроен, по месту работы характеризуется положительно, социально адаптирован, раскаялся в содеянном, дал дознавателю подробные и правдивые показания, в полном объеме признал свою вину, раскаялся в совершении преступления, на учетах у психиатра и нарколога не состоит. Возместил ущерб и загладил причиненный вред, а именно, перевел 8000 рублей в благотворительный фонд Константина Хабенского» [11]. Таким образом, по нашему мнению, проблема отсутствия потерпевшего в уголовном деле для заглаживания вреда решена. Лицо, совершившее преступление, как правило, переводит в благотворительный фонд денежные средства в определенном размере в качестве пожертвования на общественно полезную деятельность, что признается судом как заглаживание вреда иным способом.

Однако, несмотря на положительный момент для привлекаемого лица, связанный с отсутствием у последнего судимости за совершенное преступление, нужно отметить и ряд негативных моментов, на которые уже указали Э.А. Винокуров и В.В. Лукьянчикова [12, с. 31]. К таким негативным моментам нужно отнести иные социально значимые последствия, связанные с наличием факта совершения лицом преступления, который отражается в учетной документации [13], и при истребовании сведений о привлечении к уголовной ответственности данный факт будет отражен в справке органов внутренних дел, потому что в системе МВД России ведется учет лиц, совершивших преступления, в категорию которых входят лица, ранее находившиеся в статусе подозреваемых или обвиняемых, но уголовное преследование в отношении которых было прекращено по нереабилитирующим основаниям. Данное обстоятельство может негативно отразиться на возможности трудоустройства указанных лиц или их близких родственников в государственные органы и иные организации.

Процессуальный порядок прекращения дела по ст. 25.1 УПК РФ определяется в зависимости от субъекта,

инициирующего принятие данного решения. В случае его принятия следователем последний должен установить наличие соответствующих основания и условий, подготовить постановление с содержащимся в нем ходатайством о прекращении дела, согласовать данный документ с руководителем следственного органа и направить в суд для рассмотрения указанного ходатайства.

В случае принятия такого решения дознавателем изменяется только субъект согласования – вышеуказанное постановление должен согласовать прокурор, а не руководитель следственного органа. В остальном порядок составления и направления ходатайства не отличается от предыдущего.

В случае применения норм данного института судом последний вправе непосредственно инициировать и прекратить уголовное дело.

Еще одним условием применения института судебного штрафа является совершение преступления привлекаемым лицом впервые. Обращает на себя внимание тот факт, что данное условие содержится только в ст. 76.2 УК РФ, а в ст. 25.1 УПК РФ о нем законодатель не упоминает, что является явным пробелом в законодательстве, который подлежит устранению путем включения в ст. 25.1 УПК РФ соответствующего дополнения.

Ф.Ю. Васильев указывает на спорную ситуацию, когда «лицо совершило несколько преступлений небольшой и средней тяжести, за которые не было осуждено, и ходатайствует о прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ». Представляется, что аналогия с назначением наказания по совокупности преступлений, предусмотренного ч. 2 ст. 69 УК РФ, в данном случае применяться не может, потому что судебный штраф по своей правовой сущности не является уголовным наказанием, имеет другие цели и задачи, связанные с освобождением от уголовной ответственности. Также Ф.Ю. Васильев считает необходимым в данной ситуации «принять решение о выделении уголовных дел в отдельное производство по каждому совершенному преступлению, а затем каждое уголовное дело прекратить по основанию, предусмотренному главой 51.1 УПК РФ» [14, с. 101]. С данной точкой зрения мы не можем согласиться, потому что связанная с выделением уголовных дел процедура является очень громоздкой и не отвечает требованиям принципа справедливости. Кроме этого, получается, что лицо, занимающееся преступной деятельностью, может быть освобождено от уголовной ответственности только благодаря ухищрениям в производимых процессуальных действиях. Мы считаем, что при совершении двух и более преступлений одним лицом дело в отношении него не должно прекращаться по ст. 25.1 УПК РФ, потому что это не способствует соблюдению принципа о назначении виновному справедливого наказания, в связи с чем противоречит назначению уголовного судопроизводства, определенному в ст. 6 УПК РФ.

Несмотря на широкое применение ст. 25.1 УПК РФ судами, обращает на себя внимание избегание пре-

кращения дел по данному основанию следователями и дознавателями. По нашему мнению, это обусловлено самой системой оценки деятельности следственных подразделений и подразделений дознания МВД России, потому что основным показателем эффективности работы указанных подразделений считается только показатель о направлении дел прокурору с обвинительным заключением для передачи в суд. Все остальные процессуальные решения (о прекращении дела, о приостановлении предварительного расследования) не учитываются, например, при поощрении сотрудников за высокие показатели в работе. А рост количества прекращенных дел является прямым показателем неудовлетворительной работы подразделения. Данное обстоятельство противоречит идее введения рассматриваемого процессуального института в действующее уголовно-процессуальное законодательство, но до настоящего времени ситуация не изменилась.

В результате рассмотрения особенностей упрощенной формы производства, связанной с применением ст. 25.1 УПК РФ, можно сделать ряд выводов.

1. Выявлена правовая коллизия, суть которой заключается в том, что при применении норм ст. 25.1 УПК РФ учитывается только отсутствие у лица, совершившего преступление, не снятой и не погашенной судимости. А лицо, повторно совершившее преступление, может быть признано лицом, совершившим преступление впервые, если оно не было осуждено судом за эти преступления и не имеет судимость. Это обстоятельство делает возможным прекращение последующего уголовного дела в отношении одного и того же лица по такому же основанию повторно. Также, следуя логике закона, представляется возможным прекращение основного уголовного дела по фактам двух и более преступлений, уголовные дела по которым ранее соединены в одно производство.

2. В процессе рассмотрения уголовного дела у суда имеется возможность изменить категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ) и прекратить уголовное дело по ст. 25.1 УПК РФ.

3. Примирение обвиняемого с потерпевшим для применения ст. 25.1 УПК РФ не требуется, потому что факт примирения сторон не является обязательным условием по рассматриваемому основанию. Но мнение потерпевшего по определению размера и способу возмещения причиненного преступлением ущерба все равно должно быть учтено.

4. Несмотря на отсутствие объективной возможности прекращения уголовных дел о преступлениях с формальным составом или дел о преступлениях, в которых не предусмотрено наличие потерпевшего, по ст. 25.1 УПК РФ, судебная практика пошла по пути расширенного толкования норм рассматриваемого института и, как следствие, принятия в конечном счете решений о прекращении уголовного дела.

5. Выявлены негативные обстоятельства, которые могут наступить для лица при прекращении в отношении него уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ, связанные с нереабилитирующим характером данного

процессуального решения (например, возможность трудоустройства данного лица или его близких родственников в государственные органы и иные организации и т. д.).

6. При совершении нескольких преступлений любой степени тяжести одним лицом уголовное преследование или уголовное дело в отношении него не должны прекращаться по ст. 25.1 УПК РФ, потому что это не способствует соблюдению принципа о назначении виновному справедливого наказания и не выполняет в этом случае профилактическую функцию, а, наоборот, создавая условия безнаказанности, побуждает лицо продолжать заниматься преступной деятельностью.

Список источников

1. Путин В. В. О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30 января.
2. Козлова Н. Посадка по заказу. Александр Бастрыкин: Важно защитить тех предпринимателей, кто честно ведет свой бизнес: интервью Председателя СК России А.И. Бастрыкина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. № 7172 (6). 12 янв. URL: <https://rg.ru/2017/01/12/bastrykin-vazhno-zashchitit-teh-predprinimatelej-kto-chestno-vedet-biznes.html> (дата обращения: 02.06.2021).
3. Катинский В.Г., Ефанова В.А. Судебный штраф как дифференцированная форма досудебного и судебного производства в уголовном процессе // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия великой судебной реформы: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета (г. Курск, 14–15 ноября 2019 г.). Курск, 2019. С. 167–171.
4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19-П (ред. от 29 ноября 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
5. Тришева А.А. Освобождение от уголовной ответственности: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 8. С. 14–25.
6. Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128.
7. Апелляционное постановление Свердловского районного суда г. Белгорода от 9 июня 2021 г. по уголовному делу № 10-10/2021 // Архив Свердловского районного суда г. Белгорода.
8. Чучаев А.И., Грачева Ю.В. Судебный штраф: проблемы правоприменения // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 1А. С. 162–171.
9. Ченцов В.В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного

штрафа: теория, законодательство, правоприменение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 223 с.

10. Уголовное дело № 1-115/2021 // Архив Петроградского районного суда Санкт-Петербурга.

11. Уголовное дело № 1-400/20 // Архив Петроградского районного суда Санкт-Петербурга.

12. Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В. Некоторые вопросы применения и правовой природы судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2020. № 1. С. 29–33.

13. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15 октября 2019 г.) «О едином учете преступлений». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/ (дата обращения: 7 июня 2021 г.).

14. Васильев Ф.Ю. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемные вопросы, пути решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 99–103.

References

1. Putin V.V. About our economic tasks // Vedomosti. 2012. January 30.
2. Kozlova N. Landing by order. Alexander Bastrykin: It is important to protect those entrepreneurs who honestly conduct their business: an interview with the Chairman of the Russian Investigative Committee A.I. Bastrykin // Russian newspaper. Federal release. 2017. No. 7172 (6). Jan 12 URL: <https://rg.ru/2017/01/12/bastrykin-vazhno-zashchitit-teh-predprinimatelej-kto-chestno-vedet-biznes.html> (date of access: 06/02/2021).
3. Katinsky V.G., Efanova V.A. Judicial fine as a differentiated form of pre-trial and judicial proceedings in criminal proceedings // Unity and differentiation of pre-trial and judicial proceedings in criminal proceedings: new conceptual approaches in the light of the legacy of the great judicial reform: collection of articles. scientific Art. Vseros. scientific-practical. conf. with international participation, dedicated to the 155th anniversary of the Judicial Statutes of 1864, dedicated to the 55th anniversary of the South-Western State University (Kursk, November 14–15, 2019). Kursk, 2019, pp. 167–171.
4. On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 19-P (as amended on November 29, 2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. No. 8.
5. Trisheva A.A. Exemption from criminal liability: a commentary on the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal process. 2013. No. 8. P. 14–25.
6. Yusupov M. Application of a new type of exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine // Criminal Law. 2016. No. 6. P. 122–128.

7. Appeal ruling of the Sverdlovsky District Court of Belgorod dated June 9, 2021 in criminal case No. 10-10/2021 // Archive of the Sverdlovsky District Court of Belgorod.

8. Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V. Judicial fine: problems of law enforcement // Questions of Russian and international law. 2020. V. 10. No. 1A. pp. 162–171.

9. Chentsov V.V. Termination of a criminal case or criminal prosecution with the appointment of a judicial fine: theory, legislation, law enforcement: dis. ... cand. legal Sciences. M., 2018. 223 p.

10. Criminal case No. 1-115/2021 // Archive of the Petrograd District Court of St. Petersburg.

11. Criminal case No. 1-400/20 // Archive of the Petrograd District Court of St. Petersburg.

12. Vinokurov E.A., Lukyanchikova V.V. Some questions of the application and legal nature of a judicial fine as another measure of a criminal law nature // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. I.D. Putilin. 2020. No. 1. S. 29–33.

13. Order of the Prosecutor General of Russia No. 39, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1070, Ministry of Emergency Situations of Russia No. 1021, Ministry of Justice of Russia No. 253, Federal Security Service of Russia No. 780, Ministry of Economic Development of Russia No. 353, Federal Drug Control Service of Russia No. 399 dated December 29, 2005 (as amended on October 15, 2019 d.) «On a unified record of crimes.» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/ (accessed June 7, 2021).

14. Vasiliev F.Yu. Judicial fine as a basis for exemption from criminal liability: problematic issues, solutions // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2019. No. 6. P. 99–103.

Информация об авторе

Солодовник Вячеслав Викторович – кандидат юридических наук

Information about the author

Solodovnik Vyacheslav V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Двойная ответственность за одно преступление: проблемы и спорные вопросы

Стельмах Владимир Юрьевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, vlstelmah@mail.ru,

<https://orcid.qsx/340911-0000-0002-7558-6531>

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты применения нормы о недопустимости двойной ответственности за одно и то же преступление. Утверждается, что правила о недопустимости двойной ответственности не могут применяться при отмене первого решения о привлечении лица к уголовной ответственности. Двойная ответственность имеет место только в том случае, когда в отношении лица одновременно действуют несколько решений, касающихся одного и того же преступления. Кроме того, рассматриваются узкий и широкий подходы к толкованию понятия «двойная ответственность». Приводятся аргументы в пользу недопустимости излишней интерпретации данного термина, когда под двойной ответственностью понимается привлечение лица за деяние, так или иначе связанное с тем, за которое оно привлечено ранее. Доказывается, что двойная ответственность имеет место тогда, когда деяние, в связи с которым осуществляется уголовное преследование по новому делу, совпадает по объективной стороне (то есть по фактическим обстоятельствам) с деянием, за которое лицо ранее было привлечено к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовная ответственность, уголовное преследование, предварительное расследование, двойная ответственность

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Двойная ответственность за одно преступление: проблемы и спорные вопросы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 70–74.

Original article

Some problems of the defender's introduction in the criminal case

Stelmakh Vladimir Yu.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru,

<https://orcid.qsx/340911-0000-0002-7558-6531>

Abstract. The article analyses problematic aspects of the application of the rule on the inadmissibility of double responsibility for the same crime. It is argued that the rules on the inadmissibility of double responsibility cannot be applied when the first decision to prosecute a person is canceled. Double responsibility occurs only when a person is subject to several decisions relating to the same crime at the same time. In addition, narrow and broad approaches to the interpretation of the concept of «double responsibility» are considered. Arguments are made in favor of the inadmissibility of an unnecessary interpretation of this term, when double liability is understood to involve a person for an act that is somehow related to the one for which he was previously involved. It is proved that double responsibility occurs when the act in connection with which the criminal prosecution in the new case is carried out coincides on an objective side (that is, for factual circumstances) with the act for which the person was previously prosecuted.

Keywords: criminal proceedings, criminal liability, criminal prosecution, preliminary investigation, double responsibility

For citation: Stelmakh V. Yu. Double responsibility for one crime: problems and controversial issues // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 70–74.

Российская Федерация является демократическим и правовым государством. Эти положения прямо закреплены в Конституции Российской Федерации и должны неукоснительно выдерживаться отраслевым законодательством. Одним из базовых признаков правового государства является невозможность повторного осуждения за одно и то же преступление. Данное правило закреплено в п. 1 ст. 4 Протокола № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, ч. 2 ст. 6 УК РФ, хотя и в отличающихся формулировках.

Правило недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление в теории часто именуется правилом недопустимости двойной ответственности (двойного привлечения к ответственности) [1, с. 45-51]. Содержание указанного положения, казалось бы, настолько очевидно, что ни законодатель, ни высшие судебные органы (Конституционный Суд Российской Федерации и Пленум Верховного Суда Российской Федерации) не считают необходимым дополнительно раскрывать его.

Следует учитывать, что термины «двойная ответственность» и «двойное привлечение к ответственности» очень близки. «Двойная ответственность» чаще употребляется в материально-правовом аспекте, фиксируя наступление ответственности как результат, а «двойное привлечение» – в процессуальном смысле, означая сам порядок осуществления уголовного преследования. Вместе с тем в контексте настоящей статьи допустима синонимизация названных терминов.

Необходимо отметить, что не является двойным привлечением к уголовной ответственности обвинительная деятельность, осуществляемая после отмены решения, в соответствии с которым лицо привлекалось к ответственности. Попытки навязать подход, согласно которому любой пересмотр обвинительного приговора представляет собой двойную ответственность, активно предпринимались перед принятием УПК РФ и в первые годы действия. Как известно, первые редакции УПК РФ в принципе не предусматривали возвращение уголовного дела из суда на стадию предварительного расследования и теоретическим обоснованием такой конструкции выступали как раз утверждения о том, что любое дополнительное расследование дела является двойным привлечением к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

Вместе с тем абсурдность таких правил и их несоответствие идеям правового государства достаточно быстро стали очевидными. Суд, поставленный в указанные рамки, по сути, лишался права принять по делу законное решение. В этой связи в дальнейшем речь будет идти только о тех случаях, когда квалификация в ходе предварительного расследования являлась «заниженной», поскольку изменить объем обвинения в сторону уменьшения, суд был вправе всегда, и в условиях действия первой редакции УПК РФ.

Суд был жестко связан квалификацией, данной органами предварительного расследования. Более того, с точки зрения квалификации итоговым становилось решение прокурора, утвердившего обвинительное заключение, даже если неправильность этой квалификации устанавливалась в судебном заседании, исправить ее не было никакой возможности. Соответственно, решение прокурора становилось, по сути, неотменяемым и не подлежащим какому-либо пересмотру, и это в то время, когда все судебные решения в Российской Федерации могут быть обжалованы, пересмотрены. Таким образом, суд ставился по объему своих полномочий ниже, чем прокурор, а последний в рассматриваемом вопросе вообще приобретал какие-то исключительные полномочия, поскольку его решение в принципе не подлежало исправлению.

Суды в сложившейся ситуации были вынуждены принимать достаточно абсурдные решения, квалифицируя действия виновного по одной норме УК РФ, и указывая при этом в описательно-мотивировочной части приговора, что эта квалификация является вынужденной и производится в силу того, что уголовное дело с такой квалификацией поступило в суд из органов предварительного расследования и прокуратуры, несмотря на то, что в судебном разбирательстве в действиях виновного фактически установлен состав другого, более тяжкого преступления. В ряде случаев суды реагировали вынесением частных определений в адрес органов прокуратуры и предварительного расследования. Это был практически единственный способ хоть как-то официально указать, какое решение по делу все же является правильным. Однако совершенно очевидно, что такая конструкция (одновременное вынесение приговора с одной квалификацией и частного определения, в котором фактически обосновывалась необходимость другой квалификации) весьма опасна с точки зрения законности приговора, поскольку содержащееся в нем решение, по сути, ставится под сомнение ни кем иным, как принявшим его судом.

Исходя из соображений справедливости и верховенства права, суды общей юрисдикции поставили перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о возможности возвращения уголовного дела из суда прокурору. Корректировка позиции Конституционного Суда по данному поводу представляет собой тему отдельного исследования [2, с. 39-43], но можно констатировать, что с учетом решений Конституционного Суда [3; 4] стало возможным возвращение уголовного дела из суда прокурору для устранения недостатков, допущенных в ходе расследования, если это не связано с восполнением неполноты доказывания. Следует учитывать, что п. 2 ст. 4 Протокола № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод также не исключает возможности осуждения лица за преступление, по которому ранее был вынесен приговор, после отмены этого приговора.

Возвращаясь к теме настоящей статьи, можно утверждать, что деятельность после возвращения уголовного дела из суда, а также после отмены приговора не может быть признана двойным привлечением лица к уголовной ответственности за одно и то же деяние. Лицу действительно повторно предъявляется обвинение, однако первоначальное привлечение к ответственности юридически аннулировано, поэтому никакой двойной ответственности не наступает. Лицо отвечает за свои действия только один раз, а не многократно. При этом разумеется, что весь срок нахождения под стражей, имевшийся при первоначальном расследовании дела, в полном объеме входит в итоговый срок наказания.

Таким образом, двойная ответственность – это такое состояние, когда лицо привлечено за одно и то же деяние одновременно два раза, когда одновременно действуют и первое, и второе решения, которыми лицо признано виновным в совершении преступления либо одним из которых оно оправдано, а другим – признано виновным. Безусловно, что такое состояние недопустимо. Во-первых, это грубейшим образом нарушает субъективные права лица, подвергающегося уголовной ответственности, увеличивая объем наказания. Во-вторых, подобное положение дел неизбежно приводит к конкуренции действующих судебных решений, которые «наслаиваются» одно на другое, содержат взаимоисключающие выводы и различные конкретные меры воздействия на обвиняемого по одному и тому же эпизоду преступной деятельности. В свою очередь, конкуренция с необходимостью приводит к признанию одного из решений незаконным (повторимся, оба они являются действующими), что противоречит правовому характеру государства.

Поэтому закон, запрещая двойную ответственность, устанавливает для этого важную процессуальную гарантию – обязательность прекращения уголовного преследования, осуществляемого по тому же факту при наличии приговора или неотмененного постановления о прекращении уголовного дела (отказе в возбуждении уголовного дела) (п. 4, 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Вместе с тем в правоприменительной практике зачастую складываются весьма неоднозначные ситуации, связанные с применением норм о недопустимости двойной ответственности за одно преступление. По сути, в истолковании содержания данного правила сформировались два подхода – узкий и широкий.

Узкий подход заключается в том, что двойная ответственность имеет место тогда, когда деяние, за которое лицо привлекается по более позднему делу, полностью или в подавляющем объеме совпадает с деянием, за которое лицо уже осуждено – по признакам объективной стороны и субъекта.

Широкий подход состоит в том, что двойной ответственностью признается уголовное преследование за деяние, которое хотя бы частично соприкасается с деянием, за которое лицо осуждено ранее. Так, в марте 2011 г., при задержании Х. у него было изъято

наркотическое средство – героин в особо крупном размере (около 500 граммов), значительно превышающем возможности личного потребления. Несмотря на утверждения Х. о приобретении героина для личного потребления, следственным подразделением районного уровня Х. был привлечен к уголовной ответственности за приготовление к незаконному приобретению и хранению наркотического средства в особо крупном размере. Ленинским районным судом города Екатеринбурга в мае 2011 г. Х. был осужден за совершение данного преступления.

В июне 2011 г. оперативными сотрудниками в ходе проверочной закупки были задержаны 4 человека, причастные к незаконному сбыту героина в особо крупном размере. В ходе расследования было установлено, что данные лица действовали в составе организованной группы, в которую входил и Х., и эпизод преступной деятельности, по которому он был осужден, фактически являлся составной частью другого преступления. С учетом того, что Х. по указанному эпизоду был осужден, данный факт в ходе предварительного расследования по новому уголовному делу не затрагивался (точнее, он был вменен остальным соучастникам, а в отношении Х. было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования в части данного действия). При этом Х. было предъявлено обвинение по двум фактам незаконного сбыта героина в особо крупном размере, имевшим место до задержания Х. Уголовное дело в отношении всех пяти соучастников, в том числе Х., было направлено в Ленинский районный суд города Екатеринбурга. В ходе судебного разбирательства Х. был оправдан, поскольку, как указал суд, он фактически уже был осужден за то же самое деяние [5].

Таким образом, суд расценил осуждение за один изолированный эпизод преступной деятельности как осуждение за все остальные эпизоды, при том что связь с организованной группой Х. не инкриминировалась и его действия соответствующим образом не квалифицировались. Очевидно, что суд в определенном смысле перестраховался, стремясь не допустить, чтобы его решение было расценено как назначение двойного наказания за одно и то же деяние.

Действительно, определенные элементы повторного привлечения, исходя из обстоятельств совершенного преступления, в рассмотренном примере усмотреть можно. Фактически обвиняемый первый раз был привлечен к уголовной ответственности за деяние, которое с точки зрения как объекта и объективной стороны, так и субъективных признаков состава преступления являлось неотъемлемой частью более широкого по объему преступного деяния. Вместе с тем следует учитывать, что при расследовании второго уголовного дела тот эпизод, по которому обвиняемый был осужден в рамках первого дела, не вменялся в вину, и никаких дополнительных негативных последствий именно по этому эпизоду для обвиняемого не наступило и не могло наступить в принципе.

Создание подобных прецедентов в судебной практике имеет главную опасность, которая носит даже не столько юридический, сколько социальный характер. Преступник сможет специально спровоцировать обнаружение признаков какого-либо самого незначительного деяния, которое находится хоть в какой-то связи со всеми остальными, которые им совершены. После привлечения к уголовной ответственности и осуждения за этот эпизод (а с учетом конкретных обстоятельств уголовное преследование именно по данному эпизоду может быть даже прекращено по нереабилитирующим основаниям) лицо становится юридически неуязвимым за все остальные совершенные им преступления, поскольку при широкой трактовке правила о двойной ответственности все остальные деяния будут объявлены частью единого преступления, за которое лицо уже понесло ответственность. Представляется очевидным, что такая конструкция не имеет ничего общего ни со справедливостью, ни с реальным двойным привлечением к ответственности за одно и то же деяние.

Вместе с тем недопустима и иная крайность – невозможность бесконечно допускать отмену вынесенных приговоров исключительно с целью незначительных уточнений правильности квалификации содеянного. Например, если в первом приговоре не были учтены какие-либо квалифицирующие признаки, неверно был установлен размер ущерба, то это не должно являться основанием для отмены вступившего в законную силу приговора (хотя вполне допустимо отменить в силу отмеченных обстоятельств приговор, не вступивший в законную силу). Отмена приговора, вступившего в силу, должна допускаться только при наличии фундаментальных нарушений. Иначе будет нарушаться принцип стабильности судебных решений и, безусловно, будет сохраняться неопределенность правового положения осужденного.

Таким образом, необходимо установить четкие критерии того, что относится к двойной ответственности за одно и то же деяние.

Двойной ответственностью не является продолжение обвинительной деятельности после отмены приговора или возвращения уголовного дела из суда. Двойная ответственность за одно и то же деяние охватывает только те случаи, когда деяния: за которое лицо привлечено к уголовной ответственности (или оправдано) и за которое оно привлекается по новому делу, – совпадают в части объективной стороны, то есть непосредственных действий, совершение которых инкриминируется лицу. При этом совпадение может быть как полным, так и в основной части, то есть когда лицо повторно привлекается за те же действия, но с уточнением размера причиненного ущерба, вменением квалифицирующих признаков и прочих моментов, которые только уточняют объективные обстоятельства совершения преступления, но по фактическим признакам относятся к тому же самому деянию. Привлечение лица к ответственности за те фактически совершенные действия, которые в

принципе не вменялись ему в рамках первого привлечения к уголовной ответственности, не может рассцениваться как двойная ответственность.

Список источников

1. Фильченко А. П. «Двойная» ответственность за преступление в российском праве и пути ее преодоления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 5 (31). С. 45–51.
2. Зайцева Е. А. Постановление КС РФ по жалобе Б. Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 5. С. 39–43.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881.
5. Уголовное дело № 1117785609. 2011 год // Архив Ленинского районного суда города Екатеринбурга.

References

1. Filchenko A. P. "Double" responsibility for a crime in Russian law and ways to overcome it // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2012. No. 5 (31). pp. 45–51.
2. Zaitseva E. A. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation on the complaint of B. T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court: reflections on the right of the court to return criminal cases to the prosecutor in adversarial criminal proceedings // Russian judge. 2014. No. 5. S. 39–43.
3. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003 No. 18-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and complaints from citizens" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 51. Art. 5026.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2013 No. 16-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of the first part of Article 237 of the Code of Criminal Procedure

of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 28. Art. 3881.

5. Criminal case No. 1117785609. 2011 // Archive of the Leninsky District Court of the city of Yekaterinburg.

Информация об авторе

Стельмах Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Stelmakh Vladimir Yu. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 29.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Механизм реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела в производстве суда первой инстанции

Ткачева Наталья Викторовна

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, tkachevanv@susu.ru

Аннотация. В статье рассматривается производство в суде первой инстанции с точки зрения функционального подхода и правоотношений участников. Исследуется механизм реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела судом как упорядоченная система, состоящая из трех элементов: норм права, применяемых судом при разрешении конфликта; полномочий, предоставленных законом суду по собиранию, проверке, оценке доказательств; решения суда, которое соответствует требованиям законности, обоснованности и справедливости. Проводится анализ источников права, регулирующих полномочия суда в производстве первой инстанции, а также классифицируются полномочия суда первой инстанции на всех этапах системы производства.

Ключевые слова: суд, производство в первой инстанции, функция рассмотрения и разрешения уголовного дела, полномочия суда

Для цитирования: Ткачева Н. В. Механизм реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела в производстве суда первой инстанции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 75–80.

Original article

Mechanism of implementation of the function of consideration and resolution of a criminal case in the proceedings of the court of first instance

Tkacheva Natalia V.

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, tkachevanv@susu.ru

Abstract. The article examines the proceedings in the court of first instance from the point of view of the functional approach and the legal relations of the participants. The mechanism of realization of the function of consideration and resolution of a criminal case by the court is investigated as an orderly system consisting of three elements: the rules of law applied by the court in resolving the conflict; the powers granted by law to the court to collect, verify, evaluate evidence; a court decision that meets the requirements of legality, validity and fairness. The analysis of the sources of law regulating the powers of the court in the proceedings of the first instance, as well as the classification of the powers of the court of first instance at all stages of the production system is carried out.

Keywords: court, proceedings in the first instance, the function of consideration and resolution of a criminal case, the powers of the court

For citation: Tkacheva N. V. Mechanism of implementation of the function of consideration and resolution of a criminal case in the proceedings of the court of first instance // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 75–80.

Рассматривать механизм реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела судом при производстве в первой инстанции следует в контексте состязательности. Реализуя функцию рассмотрения и разрешения уголовного дела в суде первой инстанции, суд использует тот набор полномочий, которыми его наделяет закон. Представляется, что классический вариант состязательности не совсем применим практически в настоящих условиях судебной и правоохранительной системы и преобразований государственности в России, да и законодатель подтверждает это, наделяя суд при рассмотрении и разрешении уголовного дела рядом активных полномочий. Так, например, суд вправе возвращать уголовное дело прокурору на основаниях, строго установленных законом, и реализовывать другие полномочия, которые будут исследованы далее. Такая позиция законодателя оправдана, так как, несмотря на то, что в законе прямо не установлена цель уголовного судопроизводства – установление истины, суд обязан при реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела исследовать доказательства всесторонне, объективно, полно и вынести в итоге законный, обоснованный и справедливый приговор (ст. 297 УПК РФ). В научной литературе встречаются споры ученых по вопросу, является ли суд субъектом доказывания при реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу при производстве в первой инстанции. Представляется, что отделение уголовно-процессуальной функции рассмотрения и разрешения уголовного дела от функций обвинения и защиты, позволяет говорить о суде как о субъекте доказывания. Суд участвует в формировании основы для своих выводов – совокупности доказательств – с помощью таких действий, как собирание, исследование, проверка, оценка. В свою очередь, собирание производится путем производства судебных и иных процессуальных действий; проверка производится путем исследования источника получения информации, используется анализ и синтез при сопоставления ее с другими доказательствами в уголовном деле; оценка всегда необходима с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности. Однако не следует забывать, что законодатель также и ограничил в некоторой степени пределы реализации судом своей функции – и это совершенно справедливо в условиях принципа состязательности сторон, – указав в законе понятие пределов судебного разбирательства (судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению).

Представляется, что механизм реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела судом – это упорядоченная система, состоящая из трех элементов: норм права, применяемых судом при разрешении конфликта; полномочий, предоставленных законом суду по собиранию, исследованию, проверке, оценке доказательств; решения суда, которое

соответствует требованиям законности, обоснованности и справедливости.

Нормы права, применяемые судом при разрешении конфликта – это те источники, которые положены в основу производства в суде первой инстанции. К ним относятся Конституция России, устанавливающая тот факт, что правосудие осуществляется только судом; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России, нормы уголовно-процессуального законодательства, а также нормы других отраслей права, используемых судом при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу.

Россия является представителем государств, которые относятся к монистическому направлению, признавая международное и внутригосударственное право частями единого правового порядка. При монистическом подходе возникает вопрос о соподчинении международного и внутригосударственного права. Первый подход связывают с работами Гегеля, который настаивал на взаимоотношениях самостоятельных государств, и как приоритет при межгосударственных противоречиях, внутригосударственное право, по его концепции, всегда преобладает. [1, с. 364] Второй же подход в монистическом направлении основан на примате международного права над внутригосударственным, его возникновение относят к первой половине XX века и связывают с австрийским юристом-международником Гансом Кельзеном, который не различал национальное право и международное по объекту правоотношений, так как границы между объектами весьма условны: то, что в данный момент регулируется национальным правом, в будущем может с успехом регулироваться нормами международного права. Таким образом, стирается грань между внутренними делами государства и его внешними делами. Задача разрешения противоречий между международным и внутригосударственным правом всегда стоит остро, так как противоречие между международным и внутригосударственным правом влияет на готовность государств участвовать в реализации норм международного права. В международном праве уже давно все общечеловеческие ценности, в том числе и права человека, получили нормативное выражение. В решении конкретных задач уголовного судопроизводства особенно необходимо обеспечение и понимание прав человека.

В связи с этим можно отметить, что Россия относится к тем государствам, которые вступают в отношения с другими государствами и осуществляют регулирование правоотношений внутри государства, используя общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, определяя их источниками уголовно-процессуального права, поскольку они являются составной частью российской правовой системы. Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем

предусмотренные УПК РФ, то применяются правила международных договоров (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). Однако уголовно-процессуальный закон вводит и ограничения на применение международных договоров России, не допуская применения правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции России (ч. 3 ст. 1 УПК РФ).

Несмотря на положения норм уголовно-процессуального закона и международных документов, которыми обязаны руководствоваться государственные органы и должностные лица, они еще не в полной мере готовы использовать международные нормы, опираясь на них в своих решениях и используя в своей деятельности. Более 150 международных документов имеют нормы, касающиеся регулирования уголовно-процессуальных отношений. Производство в суде первой инстанции относится к тем стадиям уголовного процесса, которые имеют как общее регулирование международными конвенциями и декларациями, так международными нормами, которые касаются непосредственно производства в суде первой инстанции и статуса судей. Все эти документы указывают на строгие требования, которые предъявляются к судье: независимость, объективность, честность и неподкупность, соблюдение этических норм, соблюдение принципа равенства, компетентность и старательность. На VII Конгрессе ООН (по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) был принят «Миланский план действий» с приложением «Руководящих принципов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития нового международного экономического порядка», в которых странам предлагается для эффективного развития системы уголовного правосудия, основанного на уважении и соблюдении прав человека, учитывать то, что уголовное правосудие должно эффективно содействовать благотворному и справедливому развитию с должным учетом факторов, связанных с правами человека и социальной справедливостью; обеспечивать независимость от личных или групповых интересов при отправлении судебных или квазисудебных функций (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г.).

Пленум Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» под общепризнанными принципами международного права предлагает понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Под общепризнанной нормой международного права, разъясняет Пленум, следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Со-

гласно п. «а» ст. 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.). При осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 369, 379, ч. 5 ст. 415 УПК РФ неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права. Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной. Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Нормы Уголовно-процессуального кодекса России, которые наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами России, являясь источником уголовно-процессуального права, включены как элемент механизма реализации судом первой инстанции функции рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу, отражают политику государства в сфере защиты прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства; устанавливают принципы, условия производства в суде первой инстанции; регулируют правоотношения участников производства, а также совокупность элементов, которые по большому счету можно назвать системой этапов производства в суде первой инстанции, начиная с подготовительной части к судебному заседанию и заканчивая постановлением приговора.

Вторым элементом механизма производства в суде первой инстанции являются полномочия суда.

Полномочия суда свидетельствуют о полноте того доверия, которое государство возлагает на суд как орган правосудия, так как набор прав, обязанностей, правомочий, усмотрений, долженствований, которые возлагаются на суд первой инстанции, позволяют понять смысл принципа состязательности, который установлен УПК РФ и содержание которого заключается в том, что суд реализует функцию рассмотрения и разрешения уголовного дела посредством представления сторонами доказательств путем имеющих у них прав и обязанностей.

Полномочия судебной власти имеют влияние на формирование полномочий суда в уголовном судопроизводстве. В соответствии с принципом осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ) суд является единственным органом правосудия, наделенным полномочиями рассматривать и разрешать уголовное дело по существу путем производства в первой инстанции. Однако ученые-процессуалисты подчеркивают, что в современных условиях суд не только является органом правосудия, но и олицетворяет судебную власть, поэтому характеристика суда как субъекта уголовного процесса должна исходить из измененного правового статуса суда.

С одной стороны, суд – это участник уголовного процесса, который вовлекается в уголовный процесс в силу своих должностных обязанностей, а с другой стороны, суд – это участник, который призван реализовывать функцию рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу путем производства в первой инстанции в силу принципа состязательности, закрепленного в Конституции России и УПК РФ. Конституция России определила, что судебная власть, среди прочих видов судопроизводств, осуществляется посредством уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118), а поскольку только суд осуществляет правосудие, опять же в силу Конституции России (ч. 1 ст. 118), то только суду принадлежит ряд исключительных полномочий, определенных УПК РФ для реализации возложенной на него уголовно-процессуальной функции рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу путем производства в первой инстанции.

Обзор мнений ученых-процессуалистов относительно понятия полномочий суда и их классификаций показал, что ученые характеризуют полномочия суда первой инстанции как беспристрастного арбитра, не являющегося органом уголовного преследования и не выступающего ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты. Суд обладает исключительными полномочиями, полномочиями в досудебном производстве, полномочиями суда после вступления приговора в законную силу. [2, с. 153] Полномочия суда, по сути, – это судебная деятельность, которая призвана решить главный вопрос о невиновности или виновности лица. [3, с. 102-103] Выделяют группы полномочий, которые связаны с вынесением итогового решения по существу уголовного дела, исключительные, принадлежащие только суду полномочия, полномочия,

которые связаны с процессом обжалования действий и решений участников уголовного процесса. [4, с. 115-116] Встречается мнение о том, что полномочия суда следует классифицировать по характеру и по содержанию, [5, с. 127-128] а с точки зрения правоотношений, суд реализует особые правоприменительные полномочия как носитель судебной власти; [6, с. 118] при производстве по уголовному делу возникает особая форма правоотношений между судом и участниками производства в суде первой инстанции, так как производство в суде первой инстанции занимает центральное место в содержании судебной власти. [7, с. 82-83]

Представляется целесообразным разобраться в понятиях «суд должен» «суд может / не может», «суд вправе / не вправе», «суд разрешает» и классифицировать полномочия суда первой инстанции по различным основаниям, в зависимости от вида деятельности, которые суд реализует через предоставленные законом полномочия.

Проведя лингвистический анализ текста раздела X «Производство в суде первой инстанции» УПК РФ по конкретным этапам производства в суде первой инстанции, а также в нормах общих условий судебного разбирательства суда первой инстанции, приходим к выводам. Этап «Общий порядок подготовки к судебному заседанию»: словосочетание «суд должен» применяется в 11 % случаев, «суд обязан» – 0 %, «суд может» – 0 %, «суд не может» – 5 %, «суд вправе» – 22 %, «суд не вправе» – 0 %, «с разрешения суда» – 0 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 62 % случаев. Этап «Предварительное слушание»: словосочетание «суд должен» применяется в 3 % случаев, «суд обязан» – 1 %, «суд может» – 10 %, «суд не может» – 0 %, «суд вправе» – 13 %, «суд не вправе» – 3 %, «с разрешения суда» – 0 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 68 % случаев. Этап «Подготовительная часть судебного заседания»: словосочетание «суд должен» применяется в 0 % случаев, «суд обязан» – 0 %, «суд может» – 0 %, «суд не может» – 0 %, «суд вправе» – 0 %, «суд не вправе» – 5 %, «с разрешения суда» – 0 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 95 % случаев. Этап «Судебное следствие»: словосочетание «суд должен» применяется в 0 % случаев, «суд обязан» – 0 %, «суд может» – 6 %, «суд не может» – 0 %, «суд вправе» – 12 %, «суд не вправе» – 0 %, «с разрешения суда» – 8 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 74 % случаев. Этап «Прения сторон и последнее слово подсудимого»: словосочетание «суд должен» применяется в 0 % случаев, «суд обязан» – 0 %, «суд

может» – 0 %, «суд не может» – 9 %, «суд вправе» – 27 %, «суд не вправе» – 9 %, «с разрешения суда» – 0 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 55 % случаев. Этап «Постановление приговора»: словосочетание «суд должен» применяется в 18 % случаев, «суд обязан» – 0 %, «суд может» – 5 %, «суд не может» – 0 %, «суд вправе» – 8 %, «суд не вправе» – 8 %, «с разрешения суда» – 0 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 61 % случаев.

Нормы, характеризующие «Общие условия судебного разбирательства»: словосочетание «суд должен» применяется в 8 % случаев, «суд обязан» – 0 %, «суд может» – 20 %, «суд не может» – 0 %, «суд вправе» – 18 %, «суд не вправе» – 0 %, «с разрешения суда» – 0 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 49 % случаев. Анализ норм раздела X «Производство в суде первой инстанции» УПК РФ позволяет констатировать, что все виды деятельности суда первой инстанции сформулированы через слова «должен», «обязан», «может / не может», «вправе / не вправе», «с разрешения», а также ряд разнообразных глаголов, которыми описаны действия суда. При этом ряд данных действий осуществляется по инициативе сторон, ряд – по инициативе или по усмотрению суда, ряд – по инициативе сторон или по собственной инициативе суда. Лингвистический анализ текста раздела X «Производство в суде первой инстанции» УПК РФ свидетельствует о том, что словосочетание «суд должен» применяется в 6 % случаев, «суд обязан» – 0,4 %, «суд может» – 9 %, «суд не может» – 1 %, «суд вправе» – 13 %, «суд не вправе» – 3 %, «с разрешения суда» – 3 %. Полномочия суда, которые сформулированы через конкретные глаголы, указывающие на то, какое именно действие необходимо совершить суду, применяются в 64,6 % случаев (подсчет производился в главах 33–39 УПК РФ, которые по закону отнесены к производству в суде первой инстанции, так как это ограничение наложено темой исследования). Перечень этих глаголов, описывающих полномочия суда через конкретные действия, разнообразен. Представляется целесообразным их перечислить: требует, спрашивает, отклоняет, задает, устанавливает, разъясняет, удостоверяет, выясняет, формулирует, оглашает, объявляет, приступает, производит, обсуждает, предлагает, решает, выносит, ставит, голосует, постановляет, рассматривает, составляет, подписывает, ссылается, отказывает, провозглашает, приобщает, вручает, освобождает, проводит, продлевает, удовлетворяет, принимает, отражает, направляет, приостанавливает, возвращает, поручает, избирает, открывает, предоставляет, удаляется, заслушивает, заслушивает, осматривает, принимает меры, продолжает, прекращает, сообщает, распоряжается, оформляет.

Анализ вышеперечисленных полномочий с конкретным указанием, по чьей инициативе осуществляются те или иные полномочия, показал, что по инициативе сторон осуществляется 9 % полномочий, по инициативе сторон или по собственной инициативе суда – 6 % полномочий, по усмотрению суда – 1 % полномочий, остальные 84 % полномочий реализуются судом без указания о чьей-либо инициативе.

Интересно, что указание на такой термин, как «усмотрение суда», в разделе X «Производство в суде первой инстанции» встречается в двух статьях: 1) все иные определения или постановления по усмотрению суда выносятся в зале судебного заседания и подлежат занесению в протокол (ч. 2 ст. 256 УПК РФ), 2) при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда – и в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет – участвует педагог (ч. 2 ст. 280 УПК РФ).

Таким образом, механизм производства в суде первой инстанции будет функционировать с рамках системы производства, если принципы, условия производства будут соблюдены в соответствии с установлениями уголовно-процессуального закона, основанного на международных принципах судопроизводства, а суд в рамках своих полномочий, осуществляя производство по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, будет в полной мере иметь возможность эти полномочия реализовать в условиях справедливого судебного разбирательства.

Список источников

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 528 с.
2. Уголовно-процессуальное право РФ / под ред. Ю. К. Якимовича. СПб, 2007. 890 с.
3. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. / Под ред. А. В. Смирнова. СПб, 2004. 697 с.
4. Уголовно-процессуальное право РФ: учеб. / под ред. И. Л. Петрухина, И. Б. Михайловской. М., 2011. 688 с.
5. Россинский С. Б. Уголовный процесс: учеб. М., 2009. 736 с.
6. Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. 704 с.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / под ред. П. А. Лупинской. М., 2004. 800 с.

References

1. Hegel, G. V. F. Philosophy of law. M., 1990. 528 p.
2. Criminal procedure law of the Russian Federation / Ed. Yu. K. Yakimovich. St. Petersburg, 2007. 890 p.
3. Smirnov A. V., Kalinovsky K. B. Criminal process: a textbook for universities / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovsky. / Ed. A. V. Smirnova. St. Petersburg, 2004. 697 p.
4. Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook. / ed. I. L. Petrukhina, I. B. Mikhailovskaya. M., 2011. 688 p.

5. Rossinsky S. B. Criminal process: textbook. M., 2009. 736 p.

6. Criminal process / ed. V. P. Bozheva. 3rd ed., rev. and additional M., 2002. 704 p.

7. Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook. / ed. P. A. Lupinskaya. M., 2004. 800 p.

Информация об авторе

Ткачева Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Tkacheva Natalia V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Дознание согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи

Шкаплеров Юрий Павлович
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Беларусь,
shkaplerov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается нормативная регламентация и практика производства дознания согласно нормам Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. При этом формулируется вывод о том, что часть проблем в организации взаимодействия белорусских органов дознания со следователем порождены теми же условиями, с которыми столкнулись правоприменители в ходе реализации Судебной реформы во второй половине XIX – начале XX столетий.

Ключевые слова: история права, уголовный процесс, предварительное расследование, дознание, Устав уголовного судопроизводства Российской империи

Для цитирования: Шкаплеров Ю. П. Дознание согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 81–87.

Original article

Preliminary investigation according to the Statute of criminal legal procedure of Russian empire

Shkaplerov Yuri P.
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus,
shkaplerov@yandex.ru

Abstract. The article considers the normative regulation and practice of preliminary investigation according to the Russian Empire Criminal Procedure Statute of 1864. The author concludes that some problems in the process of interaction between Belarusian inquiry bodies and an investigator were generated by the same conditions that law-enforcement agencies faced during the judicial reforms in the second half of the XIX – early XX centuries.

Keywords: legal history, criminal procedure, investigation, Criminal proceedings Charter of Russian Empire

For citation: Shkaplerov Y. P. Preliminary investigation according to the Statute of criminal legal procedure of Russian empire // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 81–87.

Середина XIX в. для уголовно-процессуальной сферы Российской империи ознаменовалась началом проведения Судебной реформы, в ходе которой существенно трансформировалось как досудебное, так и судебное производство. В досудебном производстве самым серьезным новшеством явилось создание и отграничение друг от друга органов дознания и следствия. Такой подход по организации досудебной уголовно-процессуальной деятельности сохранился и сегодня точно так же, как и проблемы во взаимодействии органов дознания и следователя, что, как представляется, обуславливает необходимость анализа нормативной регламентации и проблемных

аспектов практики деятельности органов дознания согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), т. е. в первые десятилетия с момента их появления.

Начать необходимо с того, что реформирование организации досудебного производства началось с утверждения Указом императора Российской империи от 8 июня 1860 г. Учреждения судебных следователей, Наказа судебным следователям и Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям,

могущим заключать в себе преступление или проступок [4, с. 710–727]. Статьей 1 названного Указа декларировалось отделение следственной части от полиции и создание должностей судебных следователей. В свою очередь, в обязанностях полиции оставалось «только исследование по преступлениям и проступкам маловажным, которые предоставлены разбору и суждению самих полицейских властей, а также и первоначальное дознание о происшествиях, кои ... подлежат рассмотрению мест судебных» [1, с. 710].

Дальнейшее развитие нормативное регулирование дознания получило в УУС. В то же время в данном нормативном акте отсутствовало определение понятия «дознание». Как отмечал А. Тимановский, «законный термин «дознание», означая лишь один из способов судебно-полицейской деятельности, не определяет сам собою ни содержания, ни цели, ни значения действий дознающей полиции. Этот термин введен в закон лишь с тою целью, чтобы вполне отделить, так сказать, по внешним признакам, деятельность полиции от деятельности суда, действия формальные от действий не формальных» [2, с. 268–269].

По мнению Н.Н. Розина, под дознанием понимались «меры, принимаемые указанными в законе органами для установления по горячим следам события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника» [3, с. 415]. А.А. Квачевский, в свою очередь, определял дознание как «первоначальное производство, имеющее целью собирание данных для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния» [4, с. 3]. Также под дознанием понимались «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости и несправедливости дошедших до нее слухов и сведений о преступлении или о таких происшествиях, о которых без розысканий нельзя определить, заключается или не заключается в них преступление» [5, с. 285].

Как указывал А.А. Квачевский: «Дознание вырабатывает только сведения и указания, которые не имеют судебного характера; вся роль его ограничивается изысканием данных для деятельности следователя, содействием ей, облегчением ее; оно не имеет дела с судебными формами и обрядами, не оценивает фактов, не делает никаких определений о них, выводов, и потому может быть производимо лицами, не принадлежащими к судебному ведомству» [4, с. 5].

К числу органов дознания закон относил:

- 1) полицию;
- 2) военное начальство – по всем преступным деяниям военнослужащих;
- 3) гражданское начальство – по проступкам служебным, учиненным в сфере его управления;
- 4) духовенство – по служебным и маловажным проступкам священнослужителей;
- 5) чинов административных ведомств – в связи с

совершением преступлений против имущества и доходов казны;

б) жандармский корпус – по проступкам, совершенным на железных дорогах, а также по политическим преступлениям;

7) начальников сыскных подразделений и их помощников (согласно закону от 6 июня 1908 г.) [6, с. 375–376].

Основным органом дознания во второй половине XIX в. являлась полиция, полномочия которой в досудебном производстве после судебной реформы 1864 г. были существенно сужены и во многом являлись схожими с полномочиями современных белорусских органов дознания, в большей части – органов внутренних дел, хотя отечественный законодатель при корректировке УПК Республики Беларусь в 2011 г. вряд ли ориентировался на положения УУС.

Согласно ст. 250 УУС о «всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка», полиция сообщала судебному следователю и прокурору или его товарищу, после чего последние были обязаны произвести по данному факту разбирательство и при необходимости начать предварительное следствие. Такие сообщения полиции могли иметь вид сопроводительного письма – «бумаги», к которой прилагалось «письменное объявление, или жалоба, или протокол, составленный по словесному заявлению частного лица», или же оно могло «заключать в себе все сведения об обстоятельствах дела, необходимые для разрешения вопроса о том, есть ли основание приступить к предварительному следствию». Срок передачи сообщения – «немедленно и никак не позже суток по получении о том сведения», установленный законодателем в ст. 250 УУС, на практике в большинстве случаев не соблюдался [7, с. 261].

В соответствии со ст. 252 и 253 УУС полиция приступала к дознанию лишь в двух случаях:

- 1) при неприбытии (отсутствии) судебного следователя, либо прокурора или его товарища на место происшествия,
- 2) при самостоятельном установлении не вполне достоверных признаков преступления (к таковым, например, относились слухи – «народная молва»).

В научной литературе того времени приведенный перечень случаев называли также видами дознания [2, с. 269].

В ходе дознания, согласно ст. 254 УУС, полицейские чины могли проводить лишь «розыски», «словесные расспросы» и «негласное наблюдение», «не производя ни обысков, ни выемок в домах».

Термин «розыск» являлся нормативным и, по словам А.А. Соловьева, был известен российскому законодательству еще со времен судебных Ивана III и Ивана IV, а также уложения Алексея Михайловича, в которых под розыском понимался уголовный процесс, начинавшийся с момента появления лица, виновного в совершении преступления, а содержание розыска составляло доказывание его виновности. В последующих нормативных документах, до приня-

тия УУС, розыск и дознание слились со следствием, осуществляемым исключительно чинами полиции [8, с. 151].

В УУС розыск упоминался в указанной ранее ст. 254 (во множественном числе) как составная часть дознания, а в ст. 300 – как одна из разновидностей деятельности полиции, наравне с дознанием. При этом определения данного понятия в законе не имелось, в связи с чем среди практических работников и ученых отсутствовало единство мнений о его сущности. Например, И.Я. Фойницкий писал: «из ст. 254 вытекает, что розыски не противопоставляются дознанию и не являются его подготовительной стадией, а входят в само понятие дознания. Под ними разумеются все вообще меры удостоверения в искомом происшествии, предоставленные полиции». Давая затем характеристику розыску и называя его составные элементы, ученый включал в его состав все меры, реализуемые полицией в ходе дознания и выполнения поручений следователя (словесные расспросы, негласное наблюдение, осмотры, освидетельствования, обыски и выемки), т.е. ставил знак равенства между дознанием и розыском [6, с. 381].

В то же время другие авторы не считали розыск и дознание синонимами. Так, А.А. Квачевский отмечал, что в «своем особенном значении розыск составляет часть дознания, в обширном смысле – один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления; под дознанием же в тесном смысле разумеется собирание признаков одного преступления, без указания преступника» [4, с. 5].

Подобного мнения придерживался и П. В. Макалинский, который говорил, что «дознание и розыск употребляются часто в одном значении, но понятие о дознании обширнее понятия о розыске; последний представляется как бы частью первого, направленной на обнаружение чего-либо скрытого, не легко доступного; он предполагает быстроту действий и потому упоминается тогда, когда говорится о делах или обстоятельствах загадочных или важных, требующих особенной деятельности со стороны полиции» [9, с. 29–30].

Как и розыск, словесные расспросы и негласное наблюдение были действиями не процессуальными. Полицейские чины, согласно нормам УУС, не имели права не только допрашивать участников уголовного процесса, но и вызывать, а также доставлять их для проведения данного следственного действия. Исключение из этого правила составляло проведение неотложных следственных действий [5, с. 287], о чем речь пойдет ниже. То есть нормативный термин «словесный расспрос» необходимо понимать буквально и определять его как устную беседу, разговор полицейского чиновника с лицом, обладающим информацией о каком-либо происшествии.

Давая характеристику негласному наблюдению, стоит вспомнить слова И.Я. Фойницкого, который о данном термине говорил: «Выражение это, очевидно,

употреблено в противоположность явному или открытому надзору полиции и выбрано для того, чтобы означать, что меры этого рода, полицией предпринимаемые, не должны переходить в какие-нибудь стеснения личности» [6, с. 382]. В качестве современного аналога негласного наблюдения можно определенно назвать оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение», регламентированное Законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, полиция, действуя в порядке ст. 254 УУС, не только была не обязана, но и даже не имела права на составление какого-либо протокола, в котором показания были засвидетельствованы подписью иных, помимо дознавателя, лиц [5, с. 288]. То есть деятельность полиции при производстве дознания должна была «сопровождаться следующими тремя основными условиями: а) полной негласностью; б) меньшим стеснением частных лиц и в) неисполнением таких действий, которые по закону совершаются в формах, предписанных для производства следствий, если, конечно, в последнем случае полиция действует не в качестве судебного следователя» [2, с. 270].

Несмотря на непроцессуальный характер дознания, со временем на практике стали приемлемыми случаи проведения полицейскими чиновниками отдельных следственных действий с соответствующим процессуальным оформлением их хода и результатов. Например, определением уголовного кассационного департамента Сената от 1 ноября 1883 г. полиции разрешалось производить вскрытие трупов как судебно-медицинское исследование, хотя такое решение в уголовно-процессуальной доктрине признавали не в полной мере соответствующим закону [2, с. 267].

Проведя негласную проверку по факту совершения преступления и собрав необходимую информацию, полицейский чиновник излагал ее за своей подписью в «akte дознания» – процессуальном документе, предоставляемом следователю для принятия решения о начале следствия. При этом данный акт (в некоторых случаях он назывался протоколом) не являлся доказательством [10, с. 597–598] и не мог быть оглашен в суде. Вместе с тем в практической деятельности полицейские чиновники составляли такой акт и при производстве неотложных следственных действий при неприбытии (отсутствии) судебного следователя либо прокурора или его товарища на место происшествия. В последнем случае по решению Сената акт дознания мог быть использован для доказывания по делу [6, с. 385].

Затронув нормативную регламентацию и практику производства неотложных следственных действий полицией согласно УУС, необходимо рассмотреть этот вопрос более подробно. Как отмечалось ранее, в соответствии со ст. 252 и 253 УУС полиция приступала к дознанию также в случае неприбытия (отсутствия) судебного следователя или прокурора на место совершения преступления. При таких обстоятельствах, согласно ст. 258 УУС, когда до прибытия указанных

должностных лиц следы преступления могли быть утрачены, полиция заменяла их «во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках». В законе особо отмечался запрет на проведение полицейскими чинами формальных допросов свидетелей и обвиняемых [10, с. 311], за исключением случаев, когда «кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя» (ст. 258 УУС).

Как видно из приведенной нормы, перечень неотложных следственных действий был закрытым. Вместе с тем на практике полицейские чиновники проводили следственные действия, не относящиеся к неотложным, например, допросы свидетелей и обвиняемых, без учета требований ст. 258 УУС (тяжелая болезнь данных участников уголовного процесса и т.д.). И наоборот, в ряде случаев полиция «даже при явных, очевидных следах преступления» не проводила необходимых неотложных следственных действий, а ограничивалась лишь сохранением следов (стоит отметить, что такой подход, но только «без вреда для дела», некоторые авторы, например, П.В. Макалинский [9, с. 42], опираясь на нормы права, считали обоснованным). И даже несмотря на последнее обстоятельство, а также на то, что замена судебного следователя полицейскими чиновниками рассматривалась в УУС как исключение из общего правила, «в действительности из 100 в 90 делах осмотры, в особенности взломов, обыски, вообще собрание большей части следственного материала» производилось «силами полиции» [2, с. 263, 273, 275]. Вместе с тем все указанные отступления от положений закона приводили к тому, что «составляя безразлично протоколы, как во время дознания, так и во время замены судебного следователя, полиция» приучалась «не разграничивать свои действия по дознанию от чисто следственных действий» [9, с. 34], что порождало новые нарушения законодательства.

Отдельно нормативно регламентировалось применение полицией «мер пресечения» – мер уголовно-процессуального принуждения в современном их понимании, к числу которых ст. 416 УУС относил:

1) отобрание вида на жительство или обязательство подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства;

2) отдача под особый надзор полиции;

3) отдача на поруки;

4) взятие залога;

5) домашний арест;

6) взятие под стражу.

Вместе с тем в ст. 256 и 257 УУС, содержащих нормативные дозволения о применении полицией мер пресечения, не указывалось, какие именно из них можно реализовывать в ходе дознания. В литературе того времени ученые и практики придерживались мнения о том, что УУС не содержит в этом плане никаких ограничений [9, с. 272], хотя в практической дея-

тельности полицейские чины «обыкновенно» заключали подозреваемых под стражу [2, с. 273].

Интересно отметить тот факт, что УУС не содержал отдельной общей нормы, устанавливающей основания применения мер пресечения. В то же время, ст. 257 УУС в качестве оснований применения конкретно полицией мер «к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия» называла случаи, когда:

1) подозреваемый был застигнут при совершении преступного деяния или непосредственно после его совершения;

2) потерпевшие или очевидцы прямо указывали на подозреваемое лицо;

3) на подозреваемом или в его жилище были найдены явные следы преступления;

4) вещи, служившие доказательством преступного деяния, принадлежали подозреваемому или оказывались при нем;

5) подозреваемый пытался скрыться или был пойман после побега;

6) подозреваемый не имел постоянного жительства или «оседлости».

Следует обратить внимание на тот факт, что приведенный перечень более близок к современному перечню оснований задержания, содержащихся в ст. 91 УПК Российской Федерации и ст. 108 УПК Республики Беларусь, нежели к перечню оснований применения мер пресечения, закрепленных в ст. 97 российского и, соответственно, ст. 117 белорусского уголовно-процессуального закона. Данное обстоятельство представляется неслучайным, т.к. законодатель в указанной статье УУС говорил исключительно о действиях полиции (а не следователя), относящихся к неотложным и являвшимся характерными для первоначального этапа расследования после получения сообщения о преступлении. Здесь необходимо отметить, что и УУС, и авторы-процессуалисты на рубеже XIX–XX в. при разъяснении приведенной нормы права применяли процессуальный термин «задержание». В частности, В. Ширков и М. Шрамченко писали об обязанности полицейских чиновников, застигнувших лицо «при самом совершении преступления... временно задержать его для составления протокола [курсив – Ю.Ш.] и для удостоверения о его личности и месте жительства» [10 с. 310]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что основания, закрепленные в ст. 257 УУС, со временем трансформировались в основания задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, отраженные сегодня в ст. 91 УПК Российской Федерации и ст. 108 УПК Республики Беларусь.

Согласно ст. 260 УУС по прибытии судебного следователя полицейские чиновники, осуществлявшие производство по делу неотложных следственных действий, передавали ему дело, прекратив по нему свои действия до получения особых поручений следователя. О поручениях следователя речь также шла в ст. 271 УУС, в соответствии с которой судебный следователь имел право «поручать полиции производ-

ство дознаний и собрание справок по сделанным им указаниям», о чем говорилось ранее.

УУС не определял, в какой форме следователем должны были даваться поручения органу дознания. По мнению П. В. Макалинского, «ввиду практических удобств» данные поручения могли быть как письменными, так и устными. При этом автор отмечал, что «само собою разумеется, что если полицейский чиновник, которому следователь дает поручение, пожелает получить его на бумаге, то следователь не имеет права ему в этом отказать, так как словесное поручение не оставляет по себе никакого следа, который в данном случае полицейский чиновник считает необходимым для своего ограждения» [9, с. 51].

Статья 260 УУС не в полной мере коррелировала ст. 255, в соответствии с которой после передачи дела судебному следователю полиция впоследствии сообщала ему «все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету». О передаче материалов дознания следователю полиция доносила прокурору или его товарищу. Данная коллизия уголовно-процессуальных норм сотрудниками полиции понималась по-своему: после передачи дела следователю во многих случаях они не считали нужной для себя дальнейшую работу по нему. В частности, прокуроры сообщали о том, что «местная полиция, несмотря на неоднократные настояния, не принимает мер к обнаружению виновников преступления, считая обязанности свои оконченными после произведенного ею дознания, и что дознание это ограничивалось в данном случае единственно помещением в протокол того, что было найдено на месте, и передачею сего протокола на распоряжение судебного следователя» [9, с. 20]. При этом официально констатировалось, что «отсутствие правильно организованного, параллельно с предварительным следствием и тесно с ним связанного, подлежащим образом руководимого розыска, составляет один из самых существенных, ничем не устранимых недостатков настоящей следственной практики» [2, с. 271]. Особенно сказанное касалось дел, по которым не был установлен подозреваемый. Такое положение вещей вынудило МВД указать «полицейским управлениям, чтобы они в точности выполняли указанные в ст. 253–255 и 484 уст. угол. суд. обязанности и тем доставляли лицам прокурорского надзора и судебным следователям действенное пособие к раскрытию обстоятельств дел, подлежащих исследованию» [9, с. 20]. Приведенная ситуация в определенной мере напоминает сегодняшние отношения органов дознания и следователей в Беларуси.

Как и в наши дни, споры между представителями следствия и дознания во времена действия УУС были не единичными, но, что интересно, они регулярно всплывали на страницы юридической печати. Так, например, высказывалось мнение о наличии права у следователя, не начиная предварительное следствие, возвращать полиции «для дополнения произведенное ею дознание, если им не установлен факт преступления или не выяснен его состав, обуславливающий

собою определение подсудности дела». Вместе с тем, такой подход вполне аргументированно оспаривался, в том числе – со ссылкой на решение Сената, который в своем определении от 11 мая 1909 г. указал, что следователь не имел права давать полиции поручение дополнять дознание, т.к. такое полномочие имелось лишь у прокурора или его товарища. Если же следователь не усматривал «в сообщении полиции достаточных оснований к производству следствия», то он должен был передать дело товарищу прокурора, который и принимал соответствующее решение (ст. 309 УУС) [9, с. 28–29].

В соответствии со ст. 279 УУС при производстве дознания полицейские чины состояли «в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей». То есть прокурор, осуществлявший надзор за дознанием, согласно УУС имел полномочия, во многом схожие с теми, которые сегодня закреплены в ст. 34 УПК Республики Беларусь, в частности, он обладал правом «разъяснять полиции порядок производства дознаний и давать ей по этому предмету циркуляры» [11, с. 320].

Завершая рассмотрение процессуальной регламентации дознания в УУС, целесообразно привести высказывание А.А. Квачевского, который говорил, что закон не содержал «подробных правил о способах и формах производства дознания и розыска, как это сделано относительно производства предварительного следствия; закон в общих выражениях указывает только на цель и содержание дознания (уст. угол. суд. ст. 50, 252, 253) и на средства, которыми собираются сведения по дознанию и розыску (ст. 254), для определения лишь границ прав и обязанностей; в этих границах закон предоставил собственному усмотрению лиц дознающих и разыскивающих употреблять способы и формы, какие они признают наиболее удобными для собирания сведений, открытия истины, ...закон не хотел стеснять полицию правилами о способах, обрядах и формах производства, так как дознание и розыск менее других частей уголовного производства нуждаются в этих правилах и, напротив, требуют наиболее простоты для достижения своей цели – успешной деятельности, удачного собирания сведений на первых порах, по горячим следам» [1, с. 165].

Однако и такое, довольно общее нормативное регулирование дознания создало условия для возникновения «трений» между органами дознания и судебными следователями. Что интересно, аналогичные проблемы взаимодействия следователя с органами дознания, в большей мере – с органами внутренних дел, в белорусском уголовном процессе возникли с созданием в 2012 г. Следственного комитета. А их разрешение, несмотря на активно предпринимаемые Следственным комитетом, МВД и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь меры, отчасти не закончено и по сей день. То есть незнание белорусским законодателем данного аспекта развития уголовного

процесса привело к повторению событий, имевших место во второй половине XIX в., но уже в XXI веке.

Вместе с тем стоит отметить, что те общие подходы к определению перечня органов дознания, их полномочий, а также разграничению компетенции органов дознания и следователя, которые заложили в закон создатели УУС, несмотря на исторические перипетии начала и конца XX ст., не только сохранились, но и получили свое дальнейшее развитие уже в законодательстве СССР и союзных республик, а также большинства государств, существующих теперь на постсоветском пространстве. Представляется, что в обозримой перспективе данная концепция, несмотря на имеющиеся в ней изъяны, не претерпит существенной трансформации в силу отсутствия для нее оптимальной альтернативы.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. Т. 35: 1860, отд-ние 1: от № 35303-36058. 1862. 960 с.
2. Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866–1891). Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. 2000 тезисов. 1892. 2-е изд. Варшава: Тип. К. Ковалевского. 651 с.
3. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд. СПб.: Издание Юрид. книж. склада «Право», 1914. 546 с.
4. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: в 3 ч. СПб.: Типография Ф. С. Сушинского, 1867. Ч. II. 371 с.
5. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / редкол.: О. Чистяков (гл. ред.) [и др.]. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа / Б. Василевский [и др.]. 496 с.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / общ. ред., послесл. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.
7. Мордухай-Болтовской В. П. Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов: при исследовании преступлений по судебным уставам 20 ноября 1864 года и правилам, высочайше утвержденным 19 мая 1871 года. Санкт-Петербург: типография Ретгера и Шнейдера, 1872. XII, 168 с., 5 л. табл.
8. Соколов А. А. Практическое руководство для судебных следователей: в 3 т. Вильна: тип. А. Г. Сыркина. Т. 1. 1891. 574 с.
9. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах: в 2 ч. / доп. В. П. Ширковым. 7-е изд. (посмертное). Петроград: тип. М. Меркушева, 1915. Ч. 2. 842 с.
10. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. 3. Ст. 249–594 / Под общ.

ред. проф. М. Н. Гернета. М.: Изд. М. М. Зива, 1914. [2], IV с., с. 583–944.

11. Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост.: В. Ширков, М. Шрамченко. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1899. 948 [56, IV] с.

References

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2nd. SPb.: Type. 2nd Division Own. her emperor. Majesty's Office, 1830-1885. T. 35: 1860, section 1: from No. 35303-36058. 1862. 960 p.
2. Timanovsky A. Collection of interpretations of Russian lawyers to the judicial charters of Emperor Alexander II. For twenty-five years (1866–1891). Establishment of Judicial Institutions and the Charter of Criminal Proceedings. 2000 theses. 1892. 2nd ed. Warsaw: Type. K. Kovalevsky. 651 p.
3. Rozin N. N. Criminal proceedings: a guide to lectures. 2nd ed. SPb.: Jurid. books. warehouse «Pravo», 1914. 546 p.
4. Kvachevsky A. A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes according to the judicial charters of 1864: at 3 o'clock. St. Petersburg: F. S. Sushchinsky Printing House, 1867. Part II. 371 p.
5. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes / editorial board: O. Chistyakov (editor-in-chief) [and others]. M.: Yurid. lit., 1991. T. 8: Judicial reform / B. Vasilevsky [and others]. 496 p.
6. Foinitsky I. Ya. The course of criminal proceedings: in 2 volumes / gen. ed., after A. V. Smirnova. St. Petersburg: Alfa, 1996. Vol. 2. 606 p.
7. Mordukhai-Boltovskoy V. P. Collection of legalizations for the leadership of police officers and the gendarme corps: in the study of crimes according to judicial charters on November 20, 1864 and the rules approved by the highest on May 19, 1871. St. Petersburg: printing house of Retger and Schneider, 1872. XII, 168 p., 5 sheets. tab.
8. Sokolov A. A. A practical guide for forensic investigators: in 3 volumes. Vilna: type. A. G. Syrkina. T. 1. 1891. 574 p.
9. Makalinsky P. V. A practical guide for forensic investigators attached to district courts: in 2 hours / add. V. P. Shirkov. 7th ed. (posthumous). Petrograd: type. M. Merkusheva, 1915. Part 2. 842 p.
10. Charter of criminal proceedings. Systematic comment. Issue. 3. Art. 249–594 / Under the general ed. prof. M. N. Gernet. M.: Ed. M. M. Ziva, 1914. [2], IV p., p. 583–944.
11. Charter of criminal proceedings. With later legalizations, legislative motives, clarifications of the Governing Senate and circulars of the Minister of Justice / compiled by: V. Shirkov, M. Shramchenko. SPb.: Ed. legal book. store N. K. Martynov, 1899. 948 [56, IV] p.

Информация об авторе

Шкаплеров Юрий Павлович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Shkaplerov Yuri P. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья

УДК 343.98

О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации

Оракбаев Асхат Бакытулы

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
Косшы, Республика Казахстан, askhat333orakbaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-7363-3835>

Аннотация. В статье рассмотрены современное состояние и перспективы расследования преступлений с использованием средств виртуализации. Актуальность данного вопроса обусловлена рядом объективных факторов: развитие компьютерных технологий, ограничения из-за пандемии, языковые барьеры и т. д. Проведен SWOT-анализ внедрения «цифровой реконструкции» («криминалистического рендеринга», «судебной архитектуры») для повышения качества расследования. Предлагается обмен мнениями по вопросам применения современных систем виртуализации в расследовании преступлений.

Ключевые слова: виртуализация, криминалистика, расследование, реконструкция, рендеринг, уголовный процесс, цифровизация

Для цитирования: Оракбаев А. Б. О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 88–92.

Original article

On some issues of crime investigation using virtualization tools

Orakbaev Askhat B.

Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of
Kazakhstan, Kosshy, Republic of Kazakhstan, askhat333orakbaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-7363-3835>

Abstract. The article discusses the current state and prospects of crime investigation using virtualization systems. The relevance of this issue is due to a number of objective factors: the development of computer technology, restrictions due to the pandemic, language barriers, etc. A SWOT-analysis of the implementation of «digital reconstruction» («forensic rendering», «judicial architecture») was carried out to improve the quality of the investigation. It is proposed to exchange views on the use of modern virtualization systems in the investigation of crimes.

Keywords: virtualization, criminalistics, investigation, reconstruction, rendering, criminal process, digitalization

For citation: Orakbaev A. B. On some issues of crime investigation using virtualization tools // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 88–92.

Борьба с преступностью для обеспечения верховенства закона и защиты прав граждан является фундаментом в деятельности правоохранительных органов. При этом построение полной и достоверной «картины» обстоятельств произошедшего – ключевая задача, стоящая перед органами расследования. В целях совершенствования данной процедуры подразделения, осуществляющие уголовное преследование, активно отслеживали и интегрировали в работу достижения цифровых технологий, которые становятся неотъемлемой частью повседневности и требуют соответствующего нормативно-правового регулирования.

Как правило, в странах СНГ применение специальных технических средств в уголовном судопроизводстве регламентировано требованиями уголовно-процессуального законодательства (или отдельными правилами) и на практике используется для изъятия следов преступления или фиксации хода следственных действий. Например, статья 213 УПК Республики Казахстан предусматривает дистанционный допрос, который проводится в отношении потерпевшего, свидетеля с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи [1]. С началом пандемии COVID-19 стали проходить в режиме онлайн практически все судебные процессы, в ходе которых участники процесса использовали программное обеспечение «TrueConf». Но технические достижения предоставляют возможность не только транслировать информацию на расстоянии, но и с помощью систем виртуализации преобразовывать ее путем воссоздания динамичной 3D модели в специальных программах. В различных литературных источниках данная процедура определена такими понятиями, часто встречающимися, как «цифровая реконструкция», «криминалистический рендеринг» и «судебная архитектура».

Слово «виртуальный» заимствовано из латинского языка – «*virtualis*» – и толкуется как: «1) возможный, вероятный; нечто, что может или должно произойти, проявиться при наличии определенных условий; 2) тот, который не имеет физического воплощения либо сильно отличается от реальных объектов; 3) компьютерный, относящийся к Интернету, происходящий и существующий в нем (прогр.)» [2, с. 132]. Термин «цифровой» пришел из польского языка [польск. *cyfra* – нем. *Ziffer* – араб. *sifr* – пустой; ноль]: 1) обозначенный цифрами; 2) переводящий информацию в двоичную систему с помощью электронных аппаратов; необходимый для получения, хранения и передачи подобной информации [2, с. 749]. Понятие «реконструкция» [лат. *re* – вновь + лат. *constructio* – построение] имеет следующие значения: 1) коренная переделка, перестройка чего-либо, организация по совершенно новым принципам; 2) восстановление чего-либо по сохранившимся фрагментам или описаниям [2, с. 569]. Термин «рендеринг» [англ. *rendering* – визуализация] используется в компьютерной графике и обозначает получение изображения по модели (например, в

виде структуры данных) с помощью компьютерной программы [3]. Исходя из этого, применительно к расследованию применение систем виртуализации понимается как создание цифровой реконструкции (вместо материальной/физической версии) с помощью компьютерной программы.

Один из первых процессов, где применялась виртуальная реконструкция, использованная в качестве доказательства, состоялся в судебном органе США. Иск 1992 года, Стивенсон (Stevenson) против Honda (компания), был о безопасности мотоцикла, а гонщики подали в суд на компанию Honda после аварии. «Honda» воссоздала сцену аварии с точки зрения гонщика, продемонстрировав пересеченную местность под колесами и скорость, с которой он ехал. Присяжные в конечном итоге вынесли решение в пользу компании, согласившись, что водитель ехал слишком быстро для таких условий [4].

Сегодня существуют такие программы, как «Unity», «Unreal Engine», «3D EyeWitness» и т.д., которые позволяют воссоздать произошедшие события на основе фактически установленных в ходе расследования данных с безграничной возможностью детализации объектов так, что в некоторых случаях не отличить, где воспроизводится анимация, а где перемещение осуществляется реальными участниками происшествия.

Так как для создания компьютерной модели, которая визуально передает обстоятельства произошедшего, необходимо наличие специальных знаний, возникает необходимость разграничить полномочия следователя, специалиста и эксперта в данной процедуре в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, регулирования требует порядок предоставления таких материалов в качестве доказательств.

К примеру, в 2006 году в США обвинение представило созданную компьютером анимацию в качестве доказательства, чтобы продемонстрировать, как предположительно произошла смертельная стрельба. Подсудимый был признан виновным и обжаловал это решение, утверждая, что цифровая реконструкция, воссоздающая инцидент, была недопустима на том основании, что ее вредное воздействие перевешивало ее значимость. Однако Верховный суд Пенсильвании постановил, что анимационные фильмы такого типа допустимы, если обвинение может подтвердить, что доказательства являются справедливым и точным отображением мнений экспертов по реконструкции и не включают никакие подстрекательские признаки, которые могут нанести несправедливый ущерб обвиняемому [5].

Процесс цифровой реконструкции могут производить непосредственно во время следственного действия или после него, при этом на каждой стадии различные участники, которые передают, собирают и обрабатывают информацию. Фактическое использование систем виртуализации условно можно разделить и обозначить закономерности в 3 направлениях:

1) при производстве вербальных следственных действий;

2) при производстве проверочных следственных действий;

3) при производстве судебных экспертиз.

Особенности применения средств визуализации в ходе допроса серьезно изучены И.Г. Алабушевым, по мнению которого: «современные технические и технологические возможности компьютерного моделирования позволяют преобразовать вербальное описание мысленного образа, сохраняющегося в сознании человека, в зримо и непосредственно наблюдаемую, трехмерную, динамическую, пространственно-ориентированную модель этого образа, с большой точностью и неограниченными возможностями детализации изображения, что полностью нейтрализует языковые проблемы и влияние субъективных особенностей лиц, взаимодействующих в ходе допроса. Использование компьютерной модели, визуализирующей показания допрашиваемого, наиболее эффективно при возможности ее сопоставления с другими моделями, основанными на фактически установленных по делу данных, так как это дает возможность в тактическом плане вносить в допрос элементы очной ставки, проверки показаний на месте, следственного эксперимента, надобность в последующем натурном проведении которых может при этом отпасть. Компьютерное моделирование показаний допрашиваемого способствует получению от него правдивых, полных и точных показаний, но этим роль моделирования не исчерпывается, так как последующее использование модели в ходе подготовки и производства иных следственных действий способно повысить и их эффективность» [6, с. 4-5].

Как отмечают Л.В. Бертовский, И.А. Кучерков и А.Л. Лисовецкий, «...анимационная модель позволяет отражать только объекты и их изменения в зависимости от конкретных задач, которые ставятся перед ней. Кроме того, данная модель обладает широкими возможностями визуализации расследуемого события, так как может не зависеть от использованных в ходе следственных действий технических средств фиксации. С другой стороны, она недостаточно достоверна, так как содержание данной модели обычно базируется на источниках информации, не обладающих визуальной точностью, поэтому оптимальным является использование комплексного программного обеспечения – динамической модели, сочетающей преимущества динамической и статической моделей, равно как и развитие данных моделей в отдельности» [7]. Соответственно, способность интегрировать материальные объекты или существующие пространства в цифровую платформу обеспечит достоверность анализируемых явлений.

Такая практика имела место в 2014 году, когда полиция Йоркшира (Великобритания) воссоздала 360-градусную панораму с места преступления для судебного разбирательства по делу об убийстве. Присяжные погрузились в своего рода виртуальный

«проход» по месту судебного разбирательства, созданному с помощью панорамной камеры iStar. Главный адвокат Королевской прокуратуры Питер Гривз Смит похвалил использованную технологию, заявив: «Это были бесценные кадры, которые очень помогли присяжным в понимании планировки собственности. В будущем это обязательно станет нормой при расследовании сложных и тяжких преступлений» [8].

В ходе проведения судебных экспертиз акцент делается на томографическую визуализацию тела – «криминалистическая томография» или «виртуальная аутокопия», которые, по мнению А.И. Гуркиной и А.А. Стрелковой, «...исключают человеческий фактор в случаях невнимательных, излишне спешных и технически малограмотных вскрытий тел, что является крайне важным при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с гибелью человека» [9, с. 113].

Также заслуживает внимания использование цифровых реконструкций в зале суда, где цель обычно состоит в том, чтобы доставить людей на место преступления таким способом, который в противном случае был бы невозможен. Например, «The New York Times» в сотрудничестве с исследовательским агентством «Forensic Architecture» Лондонского университета создала виртуальное место преступления для расследования атаки с применением химического оружия в Сирии. В этом случае из-за опасности поездки в Сирию и разрушений, произошедших в результате атак, следователи не смогли посетить место происшествия. Однако эта реконструкция, основанная на анализе «визуальных свидетельств», представленных в российских отчетах, и «других видеозаписей, снятых сирийскими активистами», позволила следователям «проверить, как бомба связана с находящимися вокруг нее визуальными доказательствами, обломками, разбросанными по территории, балкон, конструкция бомбы, архитектура крыши, повреждения на корпусе бомбы, дыра, пробитая в крыше, и то, как бомба проникла в комнату под ней». Этот пример показывает, что компьютерные симуляции позволяют людям видеть и представлять себе места преступления, которые могут находиться далеко, быть опасными для посещения или больше не существовать, а также насколько полезными могут быть цифровые реконструкции для представления информации, собранной из различных источников, которую, в противном случае, было бы слишком опасно или невозможно получить в реальной жизни [10].

Исходя из описанного, следует, что в будущем будет полезно ввести стандартные процедуры и правила применения цифровых реконструкций в расследовании. Как обобщение и итог вышеизложенного лучше всего подойдут выводы SWOT-анализа внедрения процедуры визуализации для улучшения качества следствия.

В качестве сильных сторон применения визуализации в ходе расследования стоит отметить, что:

– реализуется принцип наглядности и состязательности в суде;

– обогащается специальными дефинициями понятийный аппарат наук уголовного права и криминалистики;

– формируется высокая степень интерактивности, мотивации и эмоционального восприятия;

– активизируется и развивается познавательная и творческая деятельность;

– формируются профессиональные компетенции судьи, прокурора, следователя и эксперта.

К *слабым сторонам* можно отнести:

– малое количество специалистов в данной отрасли;

– неполный пакет моделей/шаблонов/документов, которые уже интегрированы в специальные программы;

– необходимость обработки существенных объемов данных в отдельных случаях;

Благоприятные возможности анализируемого процесса следующие:

– раскрывается весь спектр дальнейшего развития и внедрения средств визуализации в процессе расследования;

– появляется безграничная возможность детализации объектов виртуализации;

– значительно возрастает потенциал правоохранительных органов по противодействию отдельным видам преступлений с возможностью дальнейшего его распространения в зарубежных странах.

Все *риски* данного процесса заключаются в следующем:

– трансформация уголовного процесса в формальный показ видеопленов;

– сильная зависимость обстоятельств, которые визуализируются от интересов стороны уголовного процесса, т.е. усиливается субъективная составляющая.

Для преодоления негативных факторов следует детально изучить международный опыт использования приемов цифровой реконструкции в судебной практике. Особую актуальность это приобретает в условиях пандемии, когда все участники процесса вынуждены взаимодействовать через специальные средства коммуникации.

Таким образом, совершенствование теоретико-криминалистических аспектов расследования преступлений с использованием средств виртуализации путем внедрения и использования компьютерной техники и технологий приобретает важнейшее практическое значение.

Настоящая статья является началом научных публикаций в рамках диссертационной работы. Всех, кто будет заинтересован, а также изучает вопросы применения современных систем виртуализации в расследовании преступлений, приглашаем к обмену мнениями и конструктивному диалогу.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК.

2. Егоров Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2014.

3. ГОСТ 33707-2016. (ISO/IES 2382:2015) Информационные технологии (ИТ). Словарь.

4. Варинский Д. Виртуальная реальность используется для воссоздания мест преступлений в зале суда [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.me/bRH1G> (дата обращения: 11.01.2022).

5. Леонетти К. и Бейленсон Дж. Высокотехнологичный взгляд: использование иммерсивных виртуальных сред в суде присяжных [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.me/PIADr> (дата обращения: 12.01.2022).

6. Алабузhev И. Г. Визуализация показаний допрашиваемого посредством компьютерного моделирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 16 с.

7. Бертовский Л. В., Кучерков И. А., Лисовецкий А. Л. Криминалистический рендеринг: основные положения [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.me/bRH1G> (дата обращения: 11.01.2022).

8. Шепард К., Филдхаус С. Дж., Касселла Дж. П. Опыт представления доказательств в суде: знакомство с практикой следователей на месте преступления в Англии, Уэльсе и Австралии [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.me/VIAqL> (дата обращения: 11.01.2022).

9. Гуркина А. И., Стрелков А. А. Технология посмертной томографической визуализации и пути их развития: криминалистическая томография или виртуальная аутопсия // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 111–114.

10. Зармски С. Почему увиденному не всегда следует поверить: соображения относительно использования технологии цифровой реконструкции в международном праве Австралии [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqab048> (дата обращения: 25.12.2021).

References

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V ZPK.

2. Egorov T.V. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. M.: «Adelant», 2014.

3. GOST 33707-2016. (ISO/IES 2382:2015) Information technology (IT). Dictionary.

4. Varinsky D. Virtual reality is used to recreate crime scenes in the courtroom [Electronic resource]. URL: <https://goo-gl.me/bRH1G> (Accessed: 01/11/2022).

5. Leonetti K. and Beilenson J. High-tech view: the use of immersive virtual environments in the jury [Electronic resource]. URL: <https://goo-gl.me/PIADr> (Accessed: 01/12/2022).

6. Alabuzhev I. G. Visualization of the testimonies of the interrogated by means of computer simulation: author. dis. ... cand. legal Sciences. N. Novgorod, 2006. 16 p.

7. Bertovsky L. V., Kucherkov I. A., Lisovetsky A. L. Forensic rendering: basic provisions [Electronic resource]. URL: <https://goo-gl.me/bRH1G> (Accessed: 01/11/2022).

8. Sheppard K., Fieldhouse S. J., Cassella J. P. The experience of presenting evidence in court: an introduction to the practice of crime scene investigators in England, Wales and Australia [Electronic resource]. URL: <https://goo-gl.me/VIAqL> (date of access: 01/11/2022).

9. Gurkina A. I., Strelkov A. A. Technology of post-mortem tomographic imaging and ways of their development: forensic tomography or virtual autopsy // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2021. No. 2. P. 111–114.

10. Zarmski S. Why what you see should not always be believed: considerations regarding the use of digital reconstruction technology in Australian international law [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqab048> (accessed 12/25/2021).

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Обеспечение национальной безопасности путем противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Хамидуллин Руслан Сибгатуллович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, 46006@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассмотрены проблемные вопросы обеспечения национальной безопасности в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных (далее – ИТ) технологий. Проведен анализ некоторых особенностей выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемых с использованием ИТ-технологий и сети «Интернет». В исследовании особое внимание уделяется использованию современных технологий при противодействии незаконному обороту наркотиков с использованием ИТ-технологий.

Ключевые слова: сбыт наркотиков, «тайники-закладки», оперативный сотрудник, оперативно значимая информация, наркосбытчик, сеть «Интернет», информационные технологии, электронные носители информации, киберпреступность, психотропные вещества

Для цитирования: Хамидуллин Р. С. Обеспечение национальной безопасности путем противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 93–98.

Original article

Ensuring national security by countering crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances committed using information and telecommunication technologies

Khamidullin Ruslan S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, 46006@mail.ru

Abstract. In this paper, the problematic issues of ensuring national security in the field of drug trafficking using information and telecommunications (hereinafter – IT) technologies are considered. The analysis of some features of detection, disclosure and investigation of crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances carried out using IT technologies and the Internet is carried out. The study pays special attention to the use of modern technologies in countering drug trafficking using IT technologies.

Keywords: drug sales, «stash-bookmarks», operative officer, operationally significant information, drug collector, Internet network, information technology, electronic media, cybercrime, psychotropic substances

For citation: Khamidullin R. S. Ensuring national security by countering crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances committed using information and telecommunication technologies // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 93–98.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к быстрому росту количества противоправных деяний с использованием сети «Интернет», таких как распространение вредоносных программ-вирусов, неправомерный доступ к базам данных, фишинг, вредоносное вмешательство в работу различных систем, кража номеров банковских карт и иных реквизитов.

Так, согласно сведениям Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), в Российской Федерации в период с января по ноябрь 2021 года зарегистрировано 1 853 148 преступлений.

Данные Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) свидетельствуют, что практически каждое четвертое преступление совершается с использованием IT-технологий. При этом темп их прироста замедлился. Если в первом полугодии 2021 года число киберпреступлений увеличилось на 20,3 %, то за два месяца текущего года – на 8,1 %.

Добиться таких показателей удалось благодаря активности специализированных подразделений по раскрытию и расследованию преступлений в сфере высоких технологий. Они созданы в оперативных и следственных службах МВД России и его территориальных органах, их сотрудники получают специальное образование и необходимую технику, что позволяет наращивать усилия в борьбе с IT-преступностью.

В связи с повышенной общественной опасностью особого внимания заслуживает незаконное распространение наркотических средств и психотропных веществ посредством сети «Интернет». Согласно опросам, проведенным среди сотрудников оперативных подразделений, задействованных в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, данный вид преступления имеет высокую степень латентности, что свидетельствует о недостаточности принимаемых мер, направленных на выявление и раскрытие таких преступлений.

Минимальная связь между преступными элементами (покупателями и продавцами) или её отсутствие вызывает сложность выявления и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Данная ситуация возникает в результате использования злоумышленниками бесконтактного способа сбыта наркотических средств путем создания «тайников-закладок». Бесконтактный способ сбыта предполагает отсутствие прямого контакта между продавцом и покупателем. Так, лицо, покупающее наркотические средства и психотропные вещества, в случае его задержания не способно дать информацию (показания) в отношении лица, осуществляющего сбыт.

Процесс установления всех причастных лиц осложняется тем, что торговля осуществляется посредством теневого сектора сети «Интернет» – «DarkNet». Через данную сеть наркопроизводители и наркоторговцы занимаются торговлей запрещенными психо-

активными средствами или химическими веществами – прекурсорами, которые используются при изготовлении таких средств. В сети «DarkNet» размещены так называемые «наркомаркеты» – интернет-магазины, в которых и находятся предложения по продаже наркотических средств. Такие магазины позволяют в условиях анонимности продавцам и покупателям совершать сделки онлайн, не раскрывая своих личных данных.

Такой способ сбыта появился достаточно давно. Еще в 1970-х годах студенты Стэнфорда, использующие счета Arpanet-2, в лаборатории искусственного интеллекта Стэнфордского университета заключили коммерческую сделку со своими коллегами из Масачусетского технологического института. В результате информационного и технологического прогресса возникли новые возможности осуществления расчетов в сети «Интернет» через электронные платежные системы, такие как «WebMoney», «Яндекс.Деньги», «Qiwi-кошелек» и др. А также появилась возможность перечислять деньги через систему переводов, например посредством «Western Union», «UNistream» и т. п. Кроме того, современная наркопреступность напрямую связана с оборотом криптовалюты, используемой для взаимных расчетов, а также легализации денежных средств, полученных преступным путем. Транзакции (операции с денежными средствами: перевод, вывод или зачисление на счет, т. е. любой процесс, связанный с использованием банковских счетов) в криптовалюте совершаются мгновенно по всему миру и не имеют ограничений по территориальности. При этом отсутствует единый эмиссионный центр вне системы *SWIFT*, осуществляющей контроль за финансовыми и расчетными рисками [1].

Стимулом использования таких систем выступает фиксированная небольшая комиссия за совершение транзакций. Вместе с тем одной из особенностей является анонимность в форме обезличенных криптовалют в распределенном реестре финансовых операций, не позволяющих устанавливать достаточные сведения для идентификации участников транзакций и бенефициаров криптовалютных средств. Обеспечивается данная техническая возможность использованием технологий Blockchain (выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связанный список), содержащих информацию).

Цифровизация с помощью криптотехнологий лишает правоохранителя физического и юридического контроля за нелегальным наркооборотом и финансовыми операциями, проводимыми с ними, т. к. полученный доход не представляется возможным отследить.

Для проверки и доказывания операций, связанных с децентрализованными и конвертируемыми видами управления виртуальными активами, в которых используются методы криптографии, правоохранительным органам необходимо решать сложные задачи. Оперативные сотрудники с этой целью

могут провести мониторинг обезличенных переводов криптовалюты, используя сервисы, подобные *blockchain.info*. Алгоритм при этом состоит из посещения главной страницы ресурса (*blockchain.info*) с последующим вводом кодов релевантной транзакции криптовалюты. Таким образом, имеется возможность получить необходимую информацию и данные о состоянии сделки [2].

Большинство сервисов при помощи алгоритмов могут сгенерировать уникальные адреса расчета с криптовалютами, при этом на разных сервисах могут использоваться одни и те же последовательности символов. Однако в Blockchain данный адрес попадает только после пополнения счета в криптовалюте.

При анализе виртуальных транзакций может использоваться специальное сетевое приложение. Существует перечень приложений – систем поиска виртуальных активов (например, Blockchain Explorer), которые на бесплатной основе предоставляют данные о переводах средств, связях между адресами криптокошельков. Такие данные могут помочь в своевременном корректировании направления работы по делам оперативного учета и делам накопительно-наблюдательного производства, составлении аналитических связей при раскрытии преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Кроме того, дополнительным фактором анонимности выступают непубличные платформы с цифровыми активами. Отслеживание таких адресов будет затруднено. В частности, отдельные виды виртуальных активов – криптовалюты или «приватные монеты» (*privacy coins*), представляющие собой децентрализованное пиринговое сетевое средство стоимости или обмена, обеспечивают анонимность клиентов.

Рассмотрим один из способов приобретения наркотических средств: покупателю необходимо зарегистрироваться на каком-либо «обменнике» цифровых валют в сети «Интернет», где у него будет находиться цифровой кошелек с уникальным адресом. Выглядеть адрес будет примерно так: 38AwYdyrG8yesfNjFKEQE TaNu9nPWtws. После чего покупателю необходимо приобрести криптовалюту (наиболее распространен Bitcoin), для чего он выбирает предложение по приобретению определенного количества криптовалюты, и прямо на сайте «обменника» заключается сделка купли-продажи криптовалюты. «Обменник» выступает в роли третьей стороны – гаранта сделки (используется смарт-контракт), за что взимает соответствующую комиссию. Покупателю присылается номер банковской карты, на которую ему необходимо перевести эквивалентные количеству приобретаемой криптовалюты денежные средства. После подтверждения продавцом криптовалюты получения фиатных (это денежные средства, эмитированные (выпускаемые) государством, которые в настоящий момент времени являются законным платежным средством) денежных средств «обменник» разблокирует с кошелька продавца приобретаемое количество криптовалюты. Данный способ обмена поддается отслеживанию при

помощи направления запросов в адрес «обменника» и дальнейшей аналитической работы по установлению конкретных банковских счетов. После чего проводятся мероприятия по установлению конкретных лиц – получателей денежных средств.

Доступ к большинству интернет-площадок осуществляется с использованием приложений, позволяющих скрыть данные пользователя. Однако государственными органами возможно применение ограничительных мер в отношении подобных программ. В частности, с 7 декабря 2021 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) начала масштабную блокировку популярного браузера Tor (The onion router – система прокси-серверов, позволяющая конфиденциально подключаться к Всемирной сети), в результате чего рядовые пользователи потеряли доступ к «DarkNet» [3]. Однако существует альтернатива, благодаря которой раскрывается потенциал протокола MTProto 2.0, осуществляющего шифрование с использованием сразу нескольких других протоколов: для авторизации и аутентификации, шифрования сообщений при их передаче и приеме [4]. Такие технологические способы обеспечения информационной безопасности применены в кросс-платформенной системе мгновенного обмена сообщениями «Telegram» [5]. Мессенджер также предоставляет анонимную среду с широким функционалом, например, возможность создания ботов, автоматически выполняющих определенные команды и алгоритмы [6]. Таким образом, мессенджер «Telegram» стал комфортным средством для осуществления бесконтактной продажи различного рода услуг и товаров, в том числе наркотических средств, как через закрытые, так и открытые «telegram-каналы», а также с использованием технологии «БОТ».

Обеспеченность автоматизированными средствами «БОТ» лишает возможности непосредственного общения продавца и покупателя, а следовательно, и потенциальной возможности правоохранителя выйти на контакт с наркоторговцами для дальнейшего раскрытия. Кроме того, пользователь может достичь полной анонимности при скрытии данных личного кабинета.

Особенностью раскрытия преступлений с использованием «Telegram» является техническая возможность данного мессенджера, заключающаяся в допустимости использования неограниченного количества технических устройств, работающих от одного личного кабинета.

При работе с устройствами, используемыми в преступных целях, для установления соучастников преступной деятельности, которые для обмена информацией используют приложение «Telegram», возможно установление контроля за перепиской участника преступной деятельности, а также ведение переписки с соучастниками оперативными сотрудниками от лица установленного участника преступной деятельности. Учитывая положения ст. 138 УК РФ и разъяснение

Верховного Суда РФ в части использования доступа к содержанию переписки, переговоров, сообщений доступ может состоять в ознакомлении с текстом и (или) материалами переписки, сообщений, прослушивания телефонных переговоров, звуковых сообщений, их копировании, записывании с помощью различных технических устройств и т. п. [7]. Данные действия могут производиться только с согласия лица, которому принадлежит используемый личный кабинет.

В качестве примера рассмотрим опыт оперативных сотрудников УНК ГУ МВД России по Свердловской области при расследовании сбыта наркотических средств, совершенного Л. в составе группы неустановленных лиц. В конце 2021 г. по адресу: г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 148, задержан Л., при личном досмотре которого изъяты 20 свертков из изолянта синего цвета с наркотическим веществом – производное N-метилэфедрона в крупном размере, а также сотовый телефон «Хонор» в корпусе черного цвета. В ходе оперативной работы задержанный добровольно в целях изобличения соучастников преступной деятельности предоставил оперативным сотрудникам доступ к его сотовому телефону и личному кабинету в мессенджере «Telegram». Учитывая временной промежуток с момента задержания лица и оперативной работы с ним, использовалась легенда об отсутствии заряда телефона Л. на период прерывания переписки. В результате была продолжена переписка с пользователем «Каспер», с аккаунта которого Л. получал адреса «мастер-кладов» (*оптовая закладка с уже сформированным свертками наркотических средств, далее – «МК»*), а также сам отправлял фотографии и описание сделанных Л. тайников-закладок с наркотическими средствами для конечного покупателя. Для сохранения данных, содержащихся в сотовом телефоне Л., оперативниками было использовано другое устройство с возможностью выхода в интернет и установленным приложением «Telegram», которое было подключено к личному кабинету Л. Ведение переписки под контролем оперативных сотрудников позволило обеспечить возможность проведения дальнейших оперативно-розыскных мероприятий, в результате которых они получили информацию о местонахождении «МК». В ходе переписки была предоставлена информация о заболевании Л. и невозможности забрать данный «МК», на что пользователь «Каспер» сообщил, что передаст его иному лицу. Далее переписка была прекращена. После чего оперативные сотрудники изъяли указанный «МК» и заменили муляжом. В ходе проведения наблюдательных мероприятий задержан гр. К., которому было поручено осуществить формирование «тайников-закладок» с наркотическими средствами с использованием свертков, находящихся в известном «МК». К. был задержан и привлечен к ответственности за покушение на сбыт наркотических средств в крупном размере. Таким образом, путем использования имеющейся информации о необходимости распро-

странения «МК» была реализована возможность изобличения иных лиц в преступной деятельности.

Особенностью проведения оперативно-розыскных мероприятий в вышеуказанных условиях является возможность их проведения в рамках оперативного сопровождения уголовных дел, например при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317 УПК РФ) либо при проведении первоначальных мероприятий на этапе возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК РФ) [8].

При проведении мероприятий с использованием аккаунтов «Telegram» лиц, привлеченных к уголовной ответственности в сфере незаконного оборота наркотиков, появляется возможность документирования преступной деятельности лиц из круга знакомых подозреваемого, получения информации о сбытке наркотических средств, например номеров используемых банковских карт (кураторы, контролирующие «кладменов» (закладчиков), кроме дачи указаний могут оплачивать услуги такси с использованием банковских переводов), фонограмм голосовых сообщений, установления используемых сбытчиками «фотохостингов». Полученные данные могут служить поводом для проведения дополнительных оперативно-розыскных мероприятий в рамках расследуемого преступления.

Таким образом, для формирования доказательственной базы по уголовным делам о преступлениях, совершённых с использованием IT-ресурсов, важную роль играет работа с техническими носителями информации. В процессе оперативного документирования требуется обнаружить, сохранить и исследовать используемые злоумышленниками электронные устройства, которые, как правило, являются орудиями совершения наркопреступлений в бесконтактной форме методом «тайников-закладок» (компьютеры, мобильные телефоны, системные блоки, устройства, составляющие материальную часть компьютерной системы, серверы, флеш-накопители и т. п.). Часто единственным носителем, содержащим сведения о совершаемых преступлениях, является используемый задержанным сотовый телефон. Осмотр сотовых телефонов требуется производить в максимально короткое время с момента задержания лица в связи с возможностью утраты данных, например злоумышленники могут удалить переписку в мессенджерах с иного устройства или удалить «айклауд» (для «айфон»). Оперативному сотруднику необходимо с самого начала мероприятий лишить задержанного возможности использования средств связи во избежание передачи информации соучастникам преступной деятельности о своем задержании или удаления важных для доказывания данных, переписок, телефонных звонков, изображений, используемых приложений. Для получения доступа к телефону сотрудникам требуется аппаратно-программный инструментарий, однако его возможности во многих регионах существенно ограничены, в связи с чем со-

трудникам нужно установить личный контакт с задержанным, убедить его в необходимости передачи данных. Так, в ходе опроса устанавливается психологический контакт и доверительные отношения, разъясняются положения законодательства, «смягчающие» уголовную ответственность, с целью получения разрешения на доступ к информации, содержащейся на электронном носителе. Однако полученные подобным путем доказательства являются косвенными и должны подкрепляться показаниями лица, а также иными следственными действиями и результатами оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, доступ к интересующим данным возможно получить путем организации и проведения тактической операции «Привлечение лица к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения», подробности проведения которой раскрыты в другой работе автора [9].

При задержании лица также необходимо незамедлительно получить следующие образцы для сравнительного исследования:

1) букальный эпителий – для проведения биологической экспертизы и установления наличия ДНК на упаковке наркотического средства и иных предметах, имеющих значение для доказывания, а также для внесения ДНК задержанного в базу данных;

2) смывы с обеих рук и срезы ногтевых пластин – для обнаружения на них частиц запрещенных веществ.

Кроме того, при задержании обязательными процедурами являются: фотографирование подозреваемого с постановкой на фотоучет; фотографирование подошвы обуви задержанного – для дополнительного доказывания путем проведения сравнительных трасологических экспертиз и формирования базы данных; дактилоскопирование лица – для дополнительного доказывания путем проведения сравнительных экспертиз и внесения сведений в базу данных «Папилон».

Особенностью мероприятий по раскрытию сбыта наркотиков, совершенного с использованием ИТ-технологий, является оперативность проведения таких действий в связи с быстротой утрачивания следов и данных, необходимых для изобличения всех участников незаконной деятельности.

В существующих реалиях следует учитывать сложности выявления преступных групп в сфере наркобизнеса, работающих через бесконтактный способ сбыта наркотических средств, путем формирования «тайников-закладок» с наркотическими средствами. Однако при эффективной реализации схем и способов работы с электронными носителями, а также при качественном сборе информации для изобличения лиц и организованных групп имеется возможность не допускать снижения раскрываемости и выявления наркопреступлений, что может существенно повлиять на улучшение наркоситуации в стране.

Особенностью организации наркобизнеса в настоящее время является применение преступника-

ми в своей деятельности передовых возможностей «DarkNet». Они хорошо научились использовать возможности мессенджеров и современного программного обеспечения (VPN-сервисы), позволяющих скрывать личные данные участников преступной деятельности, создавать специализированные приложения и дополнительные возможности для препятствования документированию их преступной деятельности.

Еще одной особенностью раскрытия данного вида преступной деятельности является обеспечение полноты и объективности сбора первоначальных данных, являющееся основным условием работы оперативников и участников следственно-оперативных групп, а также групп разбора на этапе выявления преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Проведение необходимых мероприятий в условиях оперативности можно осуществлять в рамках сопровождения уголовных дел и на этапе возбуждения уголовного дела.

Современные технологии дают возможность оперативным подразделениям использовать весь спектр возможностей МВД России и других ведомств (например, Росфинмониторинга) для проведения оперативно-технических и специально-технических мероприятий. В соответствии с категорией совершаемых преступлений имеются возможности для проведения мероприятий, ограничивающих права человека и гражданина, для документирования преступной деятельности лиц, являющихся участниками наркобизнеса.

Таким образом, некоторые особенности обеспечения национальной безопасности в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием ИТ-технологий, отмеченные в настоящем исследовании, не являются исчерпывающими и могут быть учтены при организации и планировании борьбы с наркопреступностью.

Список источников

1. Алиев Т.Ф., Столбова Н.А. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (14). С. 12–17.
2. Поздняков А.Н., Фирсова Е.В. Борьба с электронной наркокоммерцией – фрагменты реальности и перспективы: оперативно-розыскной аспект // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 23–32.
3. Исаков Р.В., Демко Н.М. Противодействие наркопреступности на примере организации разведывательной работы управления по борьбе с наркотиками (drug enforcement administration) // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2020. № 14. С. 20–24.
4. В России заблокировали браузер Tor [Электронный ресурс] // Официальный сайт новостного интернет-издания Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/12/14/tor/> (дата обращения: 18.01.2022).

5. Официальный сайт мессенджера Telegram [Электронный ресурс]. URL: <https://core.telegram.org/mproto> (дата обращения: 18.01.2022).

6. Telegram становится площадкой для наркобизнеса [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал газеты «Новые известия». URL: <https://newizv.ru/article/general/12-10-2017/telegram-stanovitsya-ploschadkoy-dlya-narkobiznesa> (дата обращения: 18.01.2022).

7. Экосистема разработчиков в Telegram [Электронный ресурс] // Новостной IT-веб-сайт «Хабр». URL: <https://habr.com/ru/post/401383/> (дата обращения: 18.01.2022).

8. Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2022).

9. Хамидуллин Р.С. Тактика действий следователя во взаимодействии с оперативным аппаратом при применении норм особого уголовного судопроизводства в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 1. С. 1–12.

References

1. Aliev T.F., Stolbova N.A. Problems of investigating crimes committed using the information and telecommunication network Internet // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (14). pp. 12–17.

2. Pozdnyakov A.N., Firsova E.V. The fight against electronic drug commerce - fragments of reality and prospects: the operational-search aspect // Academic thought. 2020. No. 3 (12). pp. 23–32.

3. Isakov R.V., Demko N.M. Countering drug-related crime on the example of the organization of intelligence work of the drug enforcement administration // Bulletin of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 14. P. 20–24.

4. The Tor browser was blocked in Russia [Electronic resource] // Official website of the online news publication Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/12/14/tor/> (date of access: 01/18/2022).

5. Official website of the Telegram messenger [Electronic resource]. URL: <https://core.telegram.org/mproto> (date of access: 01/18/2022).

6. Telegram becomes a platform for drug trafficking [Electronic resource] // Official Internet portal of the Novye Izvestiya newspaper. URL: <https://newizv.ru/article/general/12-10-2017/telegram-stanovitsya-ploschadkoy-dlya-narkobiznesa> (date of access: 01/18/2022).

7. Ecosystem of developers in Telegram [Electronic resource] // News IT website «Habr». URL: <https://habr.com/ru/post/401383/> (date of access: 01/18/2022).

8. Clause 4 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 46 “On some issues of judicial practice in cases of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)” // SPS «ConsultantPlus» (date of access: 01/18/2022).

9. Khamidullin R.S. The tactics of the investigator's actions in cooperation with the operational apparatus in the application of the norms of special criminal proceedings in the event of a pre-trial agreement on cooperation // Police and Investigative Activities. 2017. No. 1. P. 1–12.

Информация об авторе

Хамидуллин Руслан Сибгатуллович – кандидат юридических наук

Information about the author

Khamidullin Ruslan S. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как криминалистическая категория: системно-структурный анализ понятия

Шруб Максим Павлович

Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, shrub_max@tut.by

Аннотация. С позиций криминалистической науки исследуется понятие «сексуальная эксплуатация» как системообразующее применительно к виду преступлений, имеющих в основе своего механизма единое сущностное наполнение. Проводится контент-анализ законодательства и исторических памятников права. Изучаются ретроспективные основы способов совершения рассматриваемых преступлений. Очерчен круг данных преступлений согласно действующему уголовному законодательству Беларуси. Определены перспективные направления исследования обозначенной проблемы.

Ключевые слова: сексуальная эксплуатация, преступления в сфере сексуальной эксплуатации, способ совершения преступления, криминалистическая методика, системно-структурный анализ

Для цитирования: Шруб М. П. Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как криминалистическая категория: системно-структурный анализ понятия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 99–105.

Original article

Crimes in the field of sexual exploitation as forensic category: system and structural analysis of the notion

Shrub Maxim P.

Institute of Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus, shrub_max@tut.by

Abstract. The notion of “sexual exploitation” is studied from the perspective of forensic science as the system-forming one with respect to crimes the mechanism of which is rooted in the same essential content. Content analysis of legislation and historical monuments of law is conducted. Retrospective basics of the methods of committing crimes in question are studied. The range of these crimes according to the criminal legislation of Belarus currently in force is defined. Strategic pathways for researching the mentioned issue are determined.

Keywords: sexual exploitation, crimes in the field of sexual exploitation, method of committing a crime, forensic methodology, system and structural analysis

For citation: Shrub M. P. Crimes in the field of sexual exploitation as forensic category: system and structural analysis of the notion // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 99–105.

Введение

Совершенствование имеющихся и разработка новых частных криминалистических методик основывается на общих закономерностях преступности и деятельности по расследованию преступлений – эта позиция применима к частным методикам расследования как отдельных видов, так и групп преступлений.

В этой связи, с позиций криминалистики, для целей совершенствования правоприменительной практики посредством вооружения ее актуальными рекомендациями важно четко понимать объединяющие начала, общие черты, характеризующие преступную де-

тельность в определенной сфере. Эти общие черты подлежат исследованию с целью выявления конкретных закономерностей, которые ложатся в основу разработки информационных и методических основ исследования частных криминалистических методик. В настоящей публикации речь пойдет о преступлениях, связанных понятием сексуальной эксплуатации.

Основная часть

Термин «сексуальная эксплуатация» является довольно привычным для современного юридического языка. Он активно используется как учеными, так и юристами-практиками, когда речь идет о некоторых преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы; личной свободы, чести и достоинства; общественного порядка и общественной нравственности.

Такое применение справедливо, учитывая то обстоятельство, что термин «сексуальная эксплуатация» используется в целом ряде нормативных правовых актов, действующих на территории Республики Беларусь. Их анализ позволяет разделить их на две группы – международные, ратифицированные нашей страной (либо к которым она присоединилась) и являющиеся частью ее законодательства, и национальные – разработанные и принятые в нашей стране.

К первой группе можно отнести, например, Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, в котором отмечается, что «ряд особо уязвимых групп детей, включая малолетних девочек, в большей степени подвергается риску сексуальной эксплуатации и что доля малолетних девочек является несоразмерно высокой среди сексуально эксплуатируемых детей» [1]. При этом согласно ч. 1 ст. 3 сексуальная эксплуатация ребенка рассматривается как цель в контексте торговли детьми. Определения рассматриваемому понятию в документе не дается.

Термин «сексуальная эксплуатация» используется и в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющем Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. В данном случае речь также идет о целях торговли людьми. При этом, хотя документ также не дает четкого определения этому понятию, в п. «а» ст. 3 отмечается, что «эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов» [2].

Сходное положение содержится и в п. «а» ст. 4 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми: «Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию в форме проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или оказание услуг, рабство или обычаи,

сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов» [3; 4]. В данном нормативном правовом акте сексуальная эксплуатация также рассматривается в контексте целей совершения торговли людьми.

Термин «сексуальная эксплуатация» фигурирует и в ряде законов Республики Беларусь: «О правах ребенка» [5], «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [6], «О борьбе с организованной преступностью» [7]. Рассматриваемое понятие присутствует и в некоторых кодексах: Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях [8], Кодексе Республики Беларусь о браке и семье [9].

В действующем уголовном законодательстве Беларуси понятие «сексуальная эксплуатация» отсутствует [10]. Вместе с тем в приложении к ст. 181 «Торговля людьми» дается определение более общему понятию «эксплуатация», которое законодатель распространяет также на иные нормы, в которых оно применяется, – ст. 181-1 «Использование рабского труда», 182 «Похищение человека» и 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей». Под эксплуатацией понимается «незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством».

Если обратиться к этимологии слова «эксплуатация» (от франц. *exploitation* – использование, извлечение выгоды), то в исследуемом контексте – это «присвоение результатов чужого труда собственниками средств производства в классово-антагонистических общественно-экономических формациях» [11, с. 1532]; «1. Извлечение прибыли классом собственников средств производства путем присвоения труда непосредственных производителей, трудящихся. 2. Использование для каких-нибудь целей» [12, с. 726]; «извлечение... промышленных выгод, доходов» [13, с. 885]. Таким образом, сексуальная эксплуатация предполагает присвоение результатов деятельности человека в сексуальной сфере. Анализ правоприменительной практики показывает, что результат деятельности в сфере оказания сексуальных услуг (чаще всего проституция, реже – порнография), как правило – прибыль [14, с. 39–40]. Квалификация данных преступлений в зависимости от способа их совершения может быть разной, что не отменяет их общности с точки зрения криминалистики по видовому признаку – сексуальной эксплуатации.

Предварительный сравнительно-правовой и этимологический анализ понятия сексуальной эксплуатации через призму международного и национального законодательства, а также правоприменительной практики позволяет говорить о том, что к преступлениям в сфере сексуальной эксплуатации в

криминалистическом смысле слова можно отнести следующие составы, закрепленные в статьях Уголовного кодекса Республики Беларусь: ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией», ст. 171-1 «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ст. 181 «Торговля людьми», ст. 182 «Похищение человека», ст. 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей», ст. 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера», ст. 343-1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

Очевидно, что дифференциация форм сексуальной эксплуатации на современном этапе обусловлена требованиями времени. Вместе с тем очевидно, что рассматриваемая проблема уходит корнями в глубокое прошлое. А как известно, у того, кто не помнит прошлого, нет будущего. Переводя данное высказывание на язык криминалистики, можно сказать, что без ретроспективного анализа способов совершения преступлений конкретного вида либо группы через призму уголовного законодательства и других релевантных источников невозможно говорить об их полноценном раскрытии, расследовании и профилактике [15] на современном этапе.

Ретроспективный контент-анализ памятников права, действовавших на территории современной Беларуси, позволяет судить о том, что впервые запрет на сексуальную эксплуатацию был введен статьей 31 «О наказании сводней» раздела 14 Статута Великого княжества Литовского 1588 года, которая гласила: «Устанавливаем, желая это иметь на вечные времена, чтобы подданные наши, проживающие под властью нашей, жили почтительно и не искали мерзкой корысти, противной Богу и честным людям. Поэтому должны быть нетерпимы в городах наших такие люди, будь то мужчина или женщина, которые привыкли для бесчестной своей прибыли подговаривать девиц или вдов и замужних женщин к распутству так, что хотя бы которая из них и могла быть добропорядочной в замужестве, однако, увлекаясь подговорами сводней, ведет распутный образ жизни. Поэтому повелеваем воеводам, старостам и замковому вряду, чтобы таковых по надлежащему выявлению приказывали ловить и наказывали отрезанием носа, ушей и губ и изгоняли из городов. А если бы и после такого наказания промышляли сводничеством, тогда таковых должен суд смертию наказывать» [16, с. 453–454].

После присоединения белорусских земель к России Статут 1588 года продолжал действовать на территории Беларуси и Литвы вплоть до 15 июня 1840 года. С этого времени вступили в силу нормы Свода законов Российской империи 1832 года [17, с. 445–446; 18, с. 107]. Эксплуатация проституции третьими лицами регламентировалась главой шестой «О не-

потребстве» Устава о предупреждении и пресечении преступлений. Так, в соответствии со ст. 226 штрафом наказывалось открытие «домов для непотребства», а ст. 228 устанавливала запрет на проституцию и различные формы ее эксплуатации: «Кто из непотребства своего или из непотребства иных делает себе ремесло, содержит для непотребства девок, того отослать в смиренный дом на полгода, а где нет смиренных домов, там содержать виновных определенное время при полиции» [19, с. 244–245].

После издания Свода законов российская уголовно-правовая мысль продолжала развиваться в направлении совершенствования и систематизации законодательства, что привело к утверждению указом императора от 15 августа 1845 года Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В Уложении достаточно много внимания уделялось вопросам проституции и эксплуатации ее третьими лицами. Так, отделение первое IV главы VIII раздела «О соблазнительном и развратном поведении, о противоестественных пороках и о сводничестве» дифференцированно освещало указанные вопросы [20, с. 344–348, 514–517].

Ряд статей предусматривал ответственность лиц, в тех или иных формах эксплуатировавших проституцию. Статья 1282 налагала запрет на содержание домов терпимости и включала расширенное толкование запрета эксплуатации проституции третьими лицами вообще. Статья 1283 запрещала содержателям и служащим гостиниц, ресторанов, кофейных домов, трактиров, харчевен, погребов, бань и других публичных заведений практику предложения сексуальных услуг в указанных заведениях. Предоставление с целью наживы помещений для занятия проституцией (даже и не на постоянной основе) наказывалось в соответствии со ст. 1284. Запрет на вовлечение малолетних и несовершеннолетних в занятие проституцией предусматривала ст. 1285. Уголовно наказуемой являлась и сама проституция – согласно ст. 1287 за занятие ею предусматривался арест от семи дней до трех месяцев.

Статьи 1296–1300 устанавливали ответственность за сводничество. Предметом постатейной дифференциации применительно к статьям 1296–1298 выступал субъект преступления – это могли быть родители, практиковавшие сводничество своих детей; мужья, сводившие своих жен; опекуны, учителя или какие-либо другие лица, имевшие надзор за малолетними или несовершеннолетними, – состоящих под опекой или надзором малолетних и несовершеннолетних соответственно. Неквалифицированный состав сводничества предусматривала ст. 1299. Ответственность за сводничество, выступавшее в качестве ремесла, регламентировалась ст. 1300.

Таким образом, согласно Уложению 1845 года законодательно запрещалась как сама проституция, так и ее эксплуатация третьими лицами. Вместе с тем в реальной жизни данный запрет фактически не работал. Так, в одном из решений кассационных де-

партаментов Сената в этой связи отмечалось, что «несмотря на эти статьи, публичные дома существуют повсеместно и официальное запрещение их на деле нигде не исполняется, да едва ли и исполняемо быть может, тем более, что непотребство в виде ремесла не только терпимо правительством, но даже распоряжениями его, хотя и не гласными, дозволено под условием лишь соблюдения известных правил» [21, с. 184].

Реформа российской судебной системы привела к возникновению мировых судов, рассматривавших дела о проступках, не представлявших большой общественной опасности, и введению соответствующего Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года. Статья 44 Устава заменила ряд норм Уложения 1845 года, касавшихся исследуемых вопросов. Данная норма устанавливала: «За неисполнение распоряжений правительства, относящихся к предупреждению непотребства и пресечению вредных от него последствий, виновные подвергаются аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей» [22, с. 401].

Другими словами, ст. 44 вновь введенного Устава 1864 года уже не налагала запрет на занятие проституцией как таковой и содержание домов терпимости в принципе – наказанию по этой статье подлежали нарушители установленных правил [21, с. 185–187].

Таким образом, с принятием Устава 1864 года возмездное оказание сексуальных услуг и возникающие в этой связи общественные отношения перешли из сферы запрета в рамки государственного контроля.

Вместе с тем, если ст. 44 Устава 1864 года заменила собой ряд норм соответствующего содержания Уложения 1845 года (в Уложении редакции 1845 года это статьи 1282–1284, 1286–1288, 1299, 1300), то уголовно-правовой запрет на такие деяния, как вовлечение малолетних и несовершеннолетних в занятие проституцией, сводничество родителями своих детей, мужем – жены, а также опекуном, учителем либо иным лицом, имевшими надзор за малолетними или несовершеннолетними, состоявшими под их опекой или надзором малолетних или несовершеннолетних, в силу их более значительной общественной опасности, остался в законе неизменным, пережив редакции Уложения в 1866 и 1885 годах.

В контексте ретроспективного анализа преступлений в сфере сексуальной эксплуатации интересным представляется не только развитие законодательства того времени, но и способы совершения рассматриваемых преступлений с точки зрения криминалистики. В некоторой степени пролить свет на данную составляющую исследуемой проблемы позволяет изучение периодической печати тех лет. В журналах и газетах публиковались статьи следующего содержания:

«Они ловят оставшихся без места кухарок, горничных, мастериц и убеждают их поступить "на легкие хлеба", от трудовой жизни перейти на привольную, веселую жизнь и поставляют их той или иной хозяйке, кто больше даст.

Без посредника ни одна женщина не поступает в дом, как это ни странно на первый взгляд. Коммиссионеры путешествуют из города в город, подыскивают подходящий товар, увозят его, перепродают, обменивают, словом ведут дело на коммерческих началах. Цены на "товар" различны, в зависимости от качества; так, товар "свежий" ценится гораздо дороже, – это женщины с документами на руках, а стало быть "не поднадзорные"; поднадзорные же цена другая. Самая низкая цена на "беспаспортных", т. е. не успевших или не имевших возможности получить из своего общества паспорт. На этих коммиссионеры действуют угрозой донести полиции, которая, дескать, вышлет на родину этапным порядком за безписьменность. Отсюда стремление коммиссионеров во что бы то ни стало выручить паспорт поднадзорной; с этой целью являются подставные лица, изъявляющие желание взять поднадзорную на поруки, конечно, за известное вознаграждение и тем добиться исключения из списков. Как только жертва делается свободной, как только удалось заполучить на руки ее документ, – она тотчас продается в другой город...

Район деятельности коммиссионеров очень широк: в Минск заезжают за "живым товаром" не только из Ковны, Вильны или Варшавы, но и из Ростова на Дону, Екатеринославля, из Одессы. Из этой последней едет особенно много коммиссионеров; закупают товар они в разных городах и везут его целыми партиями» [23, с. 6–8].

«Уже несколько раз обнаруживались случаи, когда приезжающих в столицу на заработки девушек прямо с вокзала отвозили в таинственные вертепы, и они вскоре делались гражданками столичных бульваров. Столица богата отрицательными и уродливыми профессиями, существуют и такие проходимцы, которые целыми днями рыщут по вокзалам, отыскивая подходящий "товар". Обыкновенно приезжающей обещается хорошее место, солидное жалование и проч... Одним словом – практикуется старый способ завлечения жертвы в омут, из которого потом уже почти невозможно выбраться...» [24, с. 238].

Очевидно, что в приведенных публикациях речь идет о конкретных способах вовлечения в занятие проституцией для сексуальной эксплуатации внутри страны. Наряду с этим контент-анализ других изданий свидетельствует и о вовлечении в занятие проституцией с целью сексуальной эксплуатации за рубежом:

«Главными торговыми центрами, куда сбываются белые невольницы, являются Аргентина и Турция. ...У нас главным портом отправления является Одесса, оттуда "товар" идет в Константинополь; но такие же рынки живого товара имеются и в Харькове, Николаеве, Кременчуге, Белостоке. Больше половины проституток в Буэнос-Айресе и Рио-Жанейро – бывшие русские подданные» [25, с. 82–83].

В марте 1903 года в России было утверждено новое Уголовное уложение. В данном нормативном акте нашли свое отражение составы преступлений, связанные с транснациональной сексуальной экс-

плуатацией. Так, ст. 526 главы XXVII «О непотребстве» гласила:

«Винный в том, что склонил лицо женского пола промышлять непотребством, посредством насилия над личностью или угрозы убийством, весьма тяжким или тяжким телесным повреждением угрожаемой или члену ее семьи, или посредством обмана или злоупотребления своею над сим лицом властью, или пользуясь беспомощным его положением или зависимостью такого лица от виновного, наказывается:

заключением в тюрьме на срок не ниже трёх месяцев.

Винный в том, что склонил, указанными в первой части сей статьи способами, к выезду из России лицо женского пола с целью обратить такое лицо на промысел непотребством вне пределов России, наказывается:

заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет.

Если же виновный признан занимающимся указанными в сей статье преступными деяниями в виде промысла, то он наказывается:

заключением в исправительном доме.

Покушение наказуемо» [26, с. 201].

Как видим, часть вторая изложенной статьи впервые наложила уголовный запрет на транснациональную сексуальную эксплуатацию. Были усовершенствованы и нормы, касавшиеся сексуальной эксплуатации внутри страны. Стоит также отметить факт перенесения в Уголовное уложение из Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, нормы о неисполнении установленных правил (в редакции Устава – «распоряжений правительства»), относящихся к предупреждению непотребства и пресечению вредных его последствий (ст. 44 Устава – ст. 528 Уложения).

Заключение

Подводя итог сказанному, можно сформулировать следующие выводы.

1. В настоящее время в действующем белорусском законодательстве термин «сексуальная эксплуатация» применяется весьма широко – как в международных нормативных правовых актах, к которым Беларусь присоединилась либо ратифицировала, так и в национальных законах. При этом нормативное определение данного понятия отсутствует.

2. Понятие «сексуальная эксплуатация» требует дальнейшего более глубокого исследования с целью выработки четкого и полного его определения. На основе предварительного изучения в самом общем виде сексуальную эксплуатацию можно определить как извлечение дохода из деятельности лица в сексуальной сфере (по оказанию услуг сексуального характера) третьим лицом.

3. Квалификация преступлений в сфере сексуальной эксплуатации в зависимости от способа их совершения может быть различной, что не отменяет их общности с точки зрения криминалистики. К рассматриваемому виду криминальных деяний следует от-

нести преступления, непосредственно составляющие сексуальную эксплуатацию (ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией», 171-1 «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией»), и связанные с ней (ст. 181 «Торговля людьми», 181-1 «Использование рабского труда», 182 «Похищение человека», 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей», 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера», 343-1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего»).

4. Преступления в сфере сексуальной эксплуатации имеют глубокие исторические корни, что обуславливает значительный опыт регламентации ответственности за их совершение. Введенный в 1588 году в Беларуси запрет на сексуальную эксплуатацию прошел продолжительный путь эволюционного становления. Наиболее прогрессивное развитие законодательства можно констатировать в период Российской империи второй половины XIX века, что связано с правовой реформой того времени, легализацией проституции в 1864 году, активным развитием преступлений в сфере сексуальной эксплуатации внутри страны и на транснациональном уровне.

Изложенные позиции имеют важное прикладное значение для комплексного исследования преступлений в сфере сексуальной эксплуатации в целях разработки информационных и методических основ их расследования.

Список источников

1. О присоединении Республики Беларусь к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: Закон Респ. Беларусь от 3 дек. 2001 г. № 65-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

2. О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь от 3 мая 2003 г. № 197-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

3. О присоединении Республики Беларусь к Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 40-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

4. Емельянович О.В. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми: новационные

подходы // Журн. междунаро. права и междунаро. отношений. 2008. № 2. С. 15–18

5. О правах ребенка: Закон Респ. Беларусь от 19 нояб. 1993 г. № 2570-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Респ. Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

7. О борьбе с организованной преступностью: Закон Респ. Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 янв. 2021 г. № 91-3: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.; одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2022 г. № 144-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

9. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-3: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

11. Советский энциклопедический словарь: [ок. 80 000 слов] / науч. ред.-сост. А.М. Прохоров (предисл.) [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1983. 1600 с.

12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов, фразеологических выражений / под ред. проф. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: АСТ: Мир и Образование, 2017. 736 с.

13. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Э», 2017. 896 с.

14. Шруб М. П., Истомова Л. Н. Противодействие торговле людьми: современное состояние и возможности взаимодействия органов предварительного следствия и негосударственных организаций: монография / под общ. ред. М.П. Шруба. Брест, 2013. 176 с.

15. Каменецкий Ю. Ф. Сущность и значение целей следственной профилактики // Право.by. 2021. № 2. С. 69–75.

16. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1989. 573 с.

17. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий, А. В. Барков, И. О. Грунтов и др.; под ред. В. М. Хомича. Минск: Тесей, 2002. 496 с.

18. Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён): Вучэб. дапам. / Пад агул. рэд. А. Ф. Вішнеўскага. Мн.: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 1998. 311 с.

19. Свод законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленный. Уставы благочиния. СПб: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1836. 379 с.

20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императ. Величества, 1845. 610 с.

21. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1885 г.: С доп. по продолж. 1906 г., с прил. мотивов и извлеч. из решений кассац. департаментов Сената / изд. Н.С. Таганцевым. 17-е изд., доп. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. 552 с.

22. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа. 496 с.

23. Грацианов П. А. К вопросу о белых невольниках // Рус. мед. вестн. 1903. № 4. С. 1–31.

24. Новые мероприятия в области защиты женщин // Трудовая помощь. 1902. № 7. С. 237–241.

25. П.Н.К. Современное обозрение // Вестн. благотворительности. 1902. № 11. С. 79–87.

26. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Гос. канцелярия, 1903. 284 с.

References

1. On the accession of the Republic of Belarus to the Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography: Law of the Rep. Belarus from 3 Dec. 2001 No. 65-Z // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.

2. Ratification of the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime: Rep. Law. Belarus dated May 3, 2003 No. 197-3 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.

3. On accession of the Republic of Belarus to the Council of Europe Convention on Combating Trafficking in Human Beings: Law Rep. Belarus dated July 12, 2013 No. 40-Z // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.

4. Emelyanovich O.V. Council of Europe Convention on Combating Trafficking in Human Beings: Innovative Approaches // Zhurn. international law and international relations. 2008. No. 2. P. 15–18

5. On the Rights of the Child: Law Rep. Belarus from 19 Nov. 1993 No. 2570-XII // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.

6. On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Law Rep. Belarus dated May 31, 2003 No. 200-Z // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.
7. On the fight against organized crime: Law Rep. Belarus dated June 27, 2007 No. 244-3 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.
8. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses of 6 Jan. 2021 No. 91-Z: passed by the House of Representatives on December 18, 2020; approved by the Council of the Republic on December 18, 2020; in red. Law of the Rep. Belarus from 4 Jan. 2022 No. 144-3 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.
9. Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family dated July 9, 1999 No. 278-3: adopted by the House of Representatives on June 3, 1999; approved by the Council of the Republic on June 24, 1999; in red. Law of the Rep. Belarus from 18 Dec. 2019 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.
10. Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999 No. 275-3: adopted by the House of Representatives on June 2, 1999; approved by the Council of the Republic on June 24, 1999; in red. Law of the Rep. Belarus from 5 Jan. 2022 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / Nat. Center for Legal Information. Rep. Belarus. Minsk, 2022.
11. Soviet Encyclopedic Dictionary: [approx. 80,000 words] / scientific. ed.-st. A.M. Prokhorov (foreword) [and others]. M.: Soviet Encyclopedia, 1983. 1600 p.
12. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms, phraseological expressions / ed. prof. Skvortsova. - 27th ed., Rev. - M.: AST: Mir i Obrazovanie, 2017. 736 p.
13. Dal V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Publishing house «Е», 2017. 896 p.
14. Shrub M.P., Istomova L. N. Counteraction to human trafficking: current state and possibilities of interaction between preliminary investigation bodies and non-governmental organizations: monograph / ed. ed. M.P. Shrub. Brest, 2013. 176 p.
15. Kamenetsky Yu.F. The essence and significance of the goals of investigative prevention // Pravo.by. 2021. No. 2. S. 69–75.
16. Statute of Vyalikag of the Lithuanian principality 1588: Texts. Davednik. Comments / editorial: I.P. Shamyakin (gal. ed.) [i інш.]. Minsk: Belarus. sav. encykl., 1989. 573 p.
17. Criminal law. General part: textbook / N.A. Babiy, A.V. Barkov, I.O. Gruntov and others; ed. V.M. Khomich. Minsk: Tesey, 2002. 496 p.
18. Vishneevsky A.F., YukhoYa.A. History of Dzyarzhava and Law of Belarus in Documents and Materials (Old Times and Our Zens): Vucheb. dapam. / Pad agul. red. A.F. Vishneŭskaga. Mn.: Acad. MUS Resp. Belarus, 1998. 311 p.
19. Code of Laws of the Russian Empire, drawn up by the order of Emperor Nikolai Pavlovich. Decree statutes. SPb: Type. 2nd Branch Own. His Emperor. Majesty's Chancellery, 1836. 379 p.
20. Code of penalties for criminal and correctional. SPb.: Type. 2nd Branch Own. His Emperor. Majesty, 1845. 610 p.
21. Charter on the punishments imposed by justices of the peace: Ed. 1885: With add. by cont. 1906, with adj. motives and extract. from decisions kassats. departments of the Senate / ed. N.S. Tagantsev. 17th ed., add. SPb.: Type. Yu.N. Erlich, 1908. - 552 p.
22. Russian legislation of the X-XX centuries. In 9 volumes / Under the general. ed. O.I. Chistyakov. - M.: Yurid. lit., 1991. - T. 8: Judicial reform. - 496 p.
23. Gratsianov P.A. On the issue of white slaves // Rus. honey. vestn. 1903. No. 4. S. 1–31.
24. New measures in the field of women's protection // Labor assistance. 1902. No. 7. S. 237–241.
25. P.N.K. Modern review // Vestn. charity. 1902. No. 11. S. 79–87.
26. Criminal code, approved by the Highest on March 22, 1903. St. Petersburg: State. office, 1903. 284 p.

Информация об авторе

Шруб Максим Павлович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Shrub Maxim P. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 06.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 342

Значение решений Суда Евразийского экономического союза для правового пространства стран-участниц и национальных судов

Гусев Андрей Владимирович¹, Савоськин Александр Владимирович², Галицков
Владимир Александрович³

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, gusev.1983.av@mail.ru

^{2,3} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

² savoskinav@yandex.ru

³ v_galitskov@mail.ru

Аннотация. В условиях повышающегося санкционного давления на Россию со стороны западных стран все большее значение приобретает Евразийский экономический союз и интеграция стран в рамках евразийского пространства. Вместе с тем подобная интеграция осложнена необходимостью создания не только единого экономического, но и правового пространства. Ключевым институциональным элементом построения единого правового пространства является Суд Евразийского экономического союза, призванный сгладить противоречия, неизбежно возникающие между правовыми системами участников интегративного образования.

В статье на основе анализа практики Суда Евразийского экономического союза, опыта функционирования иных интегративных судов делаются выводы о значении международной судебной практики и о применимости ее не только в национальном материальном, но и национальном процессуальном праве. Отдельно анализируется возможность оспаривания решений Суда Евразийского экономического союза в Конституционном Суде РФ.

Ключевые слова: суд, толкование права, Евразийский экономический союз, решение суда, интегративное образование, международный суд

Для цитирования: Гусев А. В., Савоськин А. В., Галицков В. А. Значение решений Суда Евразийского экономического союза для правового пространства стран-участниц и национальных судов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 106–111.

Original article

The significance of the decisions of the Court of the Eurasian Economic Union for the legal space of the participating countries and national courts

Gusev Andrey V.¹, Savoskin Alexander V.², Galitskov Vladimir A.³

¹ Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, gusev.1983.av@mail.ru

^{2,3} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

² savoskinav@yandex.ru

³ v_galitskov@mail.ru

© Гусев А. В., Савоськин А. В., Галицков В. А., 2022

Abstract. In the context of increasing sanctions pressure on Russia from Western countries, the Eurasian Economic Union and the integration of countries within the Eurasian space are becoming increasingly important. At the same time, such integration is complicated by the need to create not only a single economic, but also a legal space. The key institutional element in building a single legal space is the Court of the Eurasian Economic Union, designed to smooth out the contradictions that inevitably arise between the legal systems of participants in an integrative education.

Based on the analysis of the practice of the Court of the Eurasian Economic Union, the experience of functioning of other integrative courts, the publication draws conclusions about the importance of international judicial practice and its applicability not only in national substantive, but also in national procedural law. Separately, the possibility of challenging the decisions of the Court of the Eurasian Economic Union in the Constitutional Court of the Russian Federation is analyzed.

Keywords: court, interpretation of law, Eurasian Economic Union, court decision, integrative education, international court

For citation: Gusev A.V., Savoskin A.V. Galitskov V.A. The significance of the decisions of the Court of the Eurasian Economic Union for the legal space of the participating countries and national courts // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 106–111.

Создание Таможенного союза, а позже Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), стало важным шагом в экономической интеграции постсоветского пространства. Вместе с тем с правовой точки зрения такая интеграция осложнена рядом факторов, негативное влияние которых как раз и должен был ослабить Суд ЕАЭС.

Создание любых международно-правовых объединений (а тем более экономических и таможенных) предполагает выработку единых замещающих правил (правовых позиций) по новым или неясным, или спорным вопросам, которые неизбежно возникают в силу особенностей порядка создания и имплементации международных интегративных норм и обусловлены самой международной природой этих публично-частных отношений.

Сложность правового регулирования и последующего правоприменения международных норм в условиях функционирования наднационального именно экономического интегративного образования в первую очередь обусловлена большим количеством субъектов с различным правовым статусом. Применительно к ЕАЭС это и страны-участницы в целом, и их органы или публичные должностные лица, это сами органы ЕАЭС, их должностные лица и персонал, это, наконец, хозяйствующие субъекты как субъекты частного права, обладающие ограниченной международной правосубъектностью.

Другой важной проблемой является проблема соотносимости терминов в разных языках участников интегративного образования. Акты ЕАЭС принимаются на русском языке и зачастую характеризуются краткостью формулировок, что в сочетании с многозначностью используемых категорий порождает проблему их толкования и выработки единых межгосударственных подходов. Именно на Суд ЕАЭС возлагается обязанность формировать однозначную и общепринятую терминологию, признаваемую и обязательную для всех субъектов единого экономического пространства.

Отдельную проблему образует необходимость постоянно сочетать универсальные принципы международного публичного права и специальные положения Договора о ЕАЭС, содержательное наполнение которых отнесено к компетенции Суда ЕАЭС.

Еще одна проблема формирования единого правового поля связана с запаздыванием актов стран – участниц Союза. Часть требуемых национальных актов может отсутствовать, а другие вступают в силу не одновременно, что порождает проблему единообразия правоприменения при хронологическом несовпадении правил поведения.

То обстоятельство, что нормативное регулирование (как международное, так и национальное) всегда отстает от реального общественного, – также является объективным негативным фактором. А факт несоответствия чаще всего выясняется не в процессе правотворчества, а в процессе судебного правоприменения, то есть разрешения конкретных споров. Именно на Суд ЕАЭС возлагается обязанность «примирить» реальность с действующим правовым регулированием (особенно когда последнее не соответствует реалиям времени) и сформулировать на будущее правовую позицию, которой воспользуется и международный (национальный) законодатель (иной правотворческий орган), и национальные судебные системы до внесения советующих нормативных изменений.

Поэтому, как уже было указано выше, Суд ЕАЭС призван устранить существующую правовую неопределенность и сформулировать правовые позиции, обеспечивающие единообразие в применении норм Договора о ЕАЭС и связанных с ним международных актов, а также национального законодательства, принятого в их развитии.

При этом Суд ЕАЭС уполномочен самостоятельно определять и выбирать оптимальный вариант поведения из числа возможных вариантов и, не изменяя сути самого правила, более точно сформулировать содержание правового акта применительно к слож-

ностям социально-экономической жизни именно тогда, когда в этом возникает необходимость, то есть в ситуации открытого конфликта.

Толкование международных норм – это самостоятельный метод деятельности Суда ЕАЭС. Его задача – снять пробелы, многозначность и иную неясность норм, принятых в ЕАЭС, а также устранить их хронологическую рассогласованность появления. Поэтому вполне очевидно, что большая часть правовых позиций Суда ЕАЭС вытекает из деятельности по установлению судьями истинного содержания правового акта для его последующего практического применения.

Самое главное в таком толковании – это единство процессов познания и формулирования содержания правовой нормы, трансформируемое в словесную форму. В этом контексте деятельность Суда ЕАЭС по толкованию состоит из двух компонентов: «а) уяснения содержания нормативного предписания и б) его разъяснения» [1, с. 29]. Иными словами, невозможно формирование правовой позиции, то есть разъяснения нормы права, вне ее толкования, которое предполагает, что судебный орган не только сам узнает содержание применяемой нормы, но и раскрывает это свое знание участникам судебного спора и всем остальным субъектам права – потенциальным участникам соответствующих правоотношений.

Влияние решений международных интегративных судов на международное и национальное материальное право общеизвестно. В то же время международные суды, не всегда являясь классическими органами правосудия, все же обычно соблюдают соответствующие принципы состязательности, гласности и др., но зачастую вырабатывают свой подход к процедуре рассмотрения дела, оценке доказательств, применению принципов, которые в последующем воспринимаются национальными судами. Поэтому особую ценность представляет практика Суда ЕАЭС, влияющая на процессуальное законодательство. Однако с учетом относительно небольшой (и во многом еще только формируемой) практики работы Суда ЕАЭС в настоящей статье мы затронем опыт еще одного интегративного суда – Европейского суда по правам человека, решения которого, в свою очередь, оказывает влияние на процессуальные механизмы в Суде ЕАЭС.

Возможность применения решений Европейского суда по правам человека к практике Суда ЕАЭС возникает из схожести их процедур (Европейский суд по правам человека также рассматривает не только заявления государств, но и заявления частных субъектов права и тоже регулярно пользуется своим правом толковать базовый для него Договор – Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года).

Что касается обязательности учета позиций непосредственно Суда ЕАЭС в деятельности национальных судов, то эта обязанность не является международно легитимированной, но признается странами – участницами Союза в национальных актах. Например, в России принято Постановление Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49, в п. 2 которого прямо указано, что «судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции».

Конституционный Суд РФ (в отличие от Верховного Суда РФ) еще не высказался относительно юридической силы актов Суда ЕАЭС (поскольку еще не рассматривал соответствующих споров, а правом обобщения судебной практики или иного толкования вне конкретного дела (опять-таки в отличие от Верховного Суда РФ) он не обладает. Однако он уже неоднократно формулировал и подтверждал свою правовую позицию об обязательном и прямом применении в гражданском и арбитражном процессе (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»). Высказывался по этому поводу и Верховный Суд РФ (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23). Однако вопрос о юридической силе решений международных интегративных судов именно для процесса отправления правосудия окончательно так и не решен, поскольку в России достаточно популярна точка зрения о решениях таких судов как содержащих сразу два прецедента – «жесткий» и «мягкий» [2, с. 304].

По нашему мнению, сам факт формулирования правовых позиций международным интегративным судом сигнализирует о наличии дефекта либо в международном праве, либо в национальном законодательстве, либо в правоприменительной практике (за качество которой отвечает национальная судебная система). Иными словами, отсутствие дефекта в национальной или международной правовых системах исключило бы в подавляющем числе случаев не сами споры, а появление правовых позиций, разъясняющих что-либо для национальных судов и иных субъектов правоприменения.

Более того, здесь следует напомнить, что, в отличие от национальных судов, международные интегративные суды лишены возможности самостоятельно дисквалифицировать дефектную национальную

норму, поскольку это бы означало нарушение государственного суверенитета. Иными словами, они лишь констатируют ее дефектность и «уведомляют» об этом соответствующее государство и всех остальных членов объединения. В этом смысле показательна позиция А.С. Исполинова в отношении решений Европейского суда по правам человека, который, по его мнению, «лишь устанавливает факт нарушения государством Конвенции, но не предписывает никаких конкретных мер, кроме выплаты (и то не всегда) относительно скромной компенсации заявителю» [3, с. 45–67]. Эта позиция полностью применима и к Суду ЕАЭС [4, с. 81–106] (с оговоркой об отсутствии компенсации).

С учетом современного развития права и повсеместного признания авторитета и компетенции интегративных международных судов можно смело утверждать, что их решения являются непосредственно действующими, наряду с индивидуальными правоприменительными актами. В то же время в качестве самостоятельного источника процедуры рассмотрения судебных споров российскими судами и судами стран – участниц Договора о ЕАЭС воспринимаются не всегда, даже когда они принимают не консультативные, а обязательные по своей силе решения.

В свете усиления санкционного давления на Россию (в том числе в связи с военной операцией на территории Украины) проблема прямого применения правовых позиций решений международных интегративных судов все более обостряется. Тем более, что, в отличие от ЕАЭС, многие другие интегративные объединения, в которые входит Россия, содержат несколько иной набор стандартов, не характерных не только для отечественной правовой системы, но и для российской системы морально-нравственных ценностей, особенно в том значении, которое зачастую придается им в европейской правовой традиции. В настоящее время подобных центробежных тенденций на пространстве ЕАЭС не наблюдается, но их нельзя исключать, а потому вопрос применимости позиций Суда ЕАЭС еще может стать темой для отдельного противостояния.

Минимизация подобных расхождений в подходах любого международного интегративного Суда с фундаментальными национальными ценностями и характеристиками обеспечивается в России посредством проверки их решений на соответствии Конституции РФ. Сама эта возможность была предусмотрена в 2015 году (путем введения в действие Федерального конституционного закона от 14.12.2015 № 7-ФКЗ), а в последующем нашла свое конституционное закрепление в связи с поправками в Конституцию РФ в 2020 году. Согласно этим нормам, Конституционный Суд РФ может проверить решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека на соответствие Конституции РФ и в случае расхождения с ее смыслом – заблокировать его применение. В полной мере этот вывод применим только к решениям Европейского суда по правам человека, но не к ре-

шениям Суда ЕАЭС, поскольку последний формально не отнесен к судам по защите прав и свобод человека (хотя и не может исключаться из числа органов, обеспечивающих защиту субъективных прав и свобод).

Анализируя процедуру разрешения конфликта между решением международного суда и национальной правовой системой, следует отметить, что Конституционный Суд РФ все же не является и не может являться вышестоящим судом по отношению к международному, а потому он не оценивает правильность (обоснованность) решения последнего и, тем более, не проверяет соблюдения процессуальных правил рассмотрения дела. Иными словами, он никоим образом не пересматривает решение международного суда, а лишь дает оценку соответствия его содержания нормам Конституции РФ и в случае выявления фактов несоответствия – исключают возможность применения такого международного судебного решения на территории РФ без влияния на его юридическую силу для иных участников международного интегративного объединения.

В России и нормативным (причем конституционным), и теоретическим основанием существования соответствующего механизма косвенной дисквалификации решения международного суда является исключительность полномочия Конституционного Суда РФ по толкованию Конституции РФ, при этом пересечение компетенции национального органа конституционного контроля и международного суда не происходит, поскольку Конституционный Суд РФ не рассматривает дела заявителя по существу, а лишь проверяет соответствие положений международного договора Конституции РФ в том смысле, который придается такому договору правоприменительной практикой.

Нормативные (а не теоретические) основания для такого подхода содержит третий раздел Венской конвенции «О праве международных договоров», согласно которому право толковать международные договоры (правда, без указания на их истолкование в правоприменительной практике) предоставлено любому национальному правоприменительному органу, а приоритет в этом вопросе наднациональных судов не устанавливается. Российская правовая и судебная система не является производной (а тем более, вторичной) по отношению к правовой системе Европейско-азиатского содружества, а потому приоритет наднациональных судов, независимо от степени и качества интеграции, недопустим, хотя и предполагается в некоторых аспектах [5, с. 77–85].

С учетом поправок 2020 года в Конституцию РФ в России окончательно установился процессуальный механизм «защиты собственной конституционной идентичности» [6, с. 1–9], который заключается не в защите от решений международных интегративных судов (прежде всего от решений Европейского суда по правам человека), а в защите положений Конституции и государственности от извращенного пони-

мания международных договоров в международной судебной практике.

Несмотря на то, что изначально этот механизм создавался как мера защиты от решений Европейского суда по правам человека, он в полной мере может быть применен и к решениям Суда ЕАЭС, тем более, что в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П указано, что «правовые позиции Европейского суда, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ».

Таким образом, когда Конституционный Суд РФ придет к выводу, что решение Суда ЕАЭС принято на основании толкования международного договора, противоречащего Конституции РФ (иными словами, выявит противоречия между правовой позицией Суда ЕАЭС относительно Договора о ЕАЭС или иного интегративного международного договора), такое решение не будет подлежать применению на территории России, а сама Россия «может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств» [7, с. 40].

Текущая практика работы Суда ЕАЭС не дает оснований полагать, что такой механизм будет применяться к его решениям. И дело здесь не только в субъективных факторах (прежде всего судьях), но и в объективных предпосылках. Евразийский экономический союз включает в себя страны, исторически более близкие, имеющие многовековую общую историю, объединенные во многом советским наследием, мировоззрением и культурой. С другой стороны, нельзя исключать возможность нарастания дезинтеграционных процессов и в рамках ЕАЭС (особенно в случае его расширения), а потому России необходим механизм блокирования исполнения решений Суда ЕАЭС как альтернатива выходу из объединения или применение механизма наложения вето на решение международного суда.

Решения Суда ЕАЭС, оставаясь правоприменительными, а не нормативными актами (формально не предназначенными для постоянного применения и не направленными на неопределенный круг лиц), уже стали и останутся впредь крайне важным источником национального и международного права. Особенно заметно это при совершенствовании процессуального законодательства, поскольку они традиционно выступают первопричиной для реформирования и обновления правил правосудия. Зачастую именно наднациональный суд, не скованный установками (правовыми, политическими, экономическими, конъюнктурными, свойственными любому отдельному государству), способен не просто выявить проблемную зону, но и предложить консолидированное решение, в том числе на основании опыта, имеющегося в странах – участницах объединения, помочь в определе-

нии проблемных мест, существующих в гражданском судопроизводстве не только Российской Федерации, но и других государств – участников Договора о ЕАЭС.

В завершение следует констатировать, что статутные нормы права ЕАЭС, породившие разночтения в правоприменении и ставшие предметом рассмотрения Суда ЕАЭС, в последующем действуют в редакции, приданной судебным толкованием. Однако судебное толкование в ЕАЭС не является абсолютным и перво-степенным, поскольку остается ограниченным как самой правовой нормой, так и принципами международного и национального права, а значит, в каждом конкретном деле ключевое значение имеют пределы и ограничения, признаваемые Судом при судебном толковании и подлежащие установлению при исследовании каждого судебного казуса и его нормативных последствий.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Москва: Юридическая литература, 1982. Т. II. 360 с.
2. Дьяченко Е. Б., Мысливский П. П., Нешатаева Т. Н. Евразийская интеграция: роль Суда. Москва: Статут, 2015. 304 с.
3. Исполинов А. С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 45–67.
4. Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Отдельные вопросы имплементации норм законодательства Евразийского экономического союза в законодательство Российской Федерации // Антимонии. 2022. № 21. С. 81–106.
5. Кожевников О. А., Крысанов А. В. Конституционная реформа 2020 г.: к вопросу об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции в Российской Федерации // Вестник московского государственного областного университета. 2021. № 3. С. 77–85.
6. Зорькин В. Д. Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1 (49). С. 1–9.
7. Бондарь Н. С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму (Серия "Библиотека судебного конституционализма". Вып. 9). Москва: Юрист, 2018.

References

1. Alekseev S.S. General Theory of Law: in 2 volumes. Moscow: Legal Literature, 1982. Vol. II. 360 p.
2. Dyachenko E. B., Myslivsky P. P., Neshataeva T. N. Eurasian integration: the role of the Court. Moscow: Statut, 2015. 304 p.
3. Ispolinov AS Execution of decisions of international courts: theory and practice // International justice. 2017. No. 1. P. 45–67.
4. Karasev A. T., Kozhevnikov O. A., Meshcheryagina V. A. Some issues of implementing the norms of the

legislation of the Eurasian Economic Union in the legislation of the Russian Federation // Antimony. 2022. No. 21. P. 81–106.

5. Kozhevnikov O. A., Krysanov A. V. Constitutional reform in 2020: on the issue of the specifics of the execution of decisions of interstate bodies and courts of foreign jurisdiction in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2021. No. 3. S. 77–85.

6. Zorkin V. D. Convention on Human Rights in the Russian Legal System: Problems of Implementation // Journal of Constitutional Justice. 2016. No. 1 (49). pp. 1–9.

7. Bondar N. S. The Constitution of Russia in the Modern Era of Global Changes: From Political Illusions to Legal Realism (Series «Library of Judicial Constitutionalism», Issue 9). Moscow: Jurist, 2018.

Информация об авторах

Гусев Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Савоськин Александр Владимирович – доктор юридических наук, доцент

Галицков Владимир Александрович – кандидат юридических наук

Information about the authors

Gusev Andrey V. – Candidate of Law, Associate Professor

Savoskin Alexander V. – Doctor of Law, Associate Professor

Galitskov Vladimir A. – Candidate of Law

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Гусев А. В. – сбор материала, обработка материала, участие в написании статьи

Савоськин А. В. – идея, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста

Галицков В. А. – сбор материала, обработка материала, участие в написании статьи, оформление, перевод

Author Contributions

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare no conflict of interest.

Gusev Andrey V. – collection of material, processing of the material, participation in writing the article

Savoskin Alexander V. – idea, processing of the material, writing the article, scientific editing of the text

Galitskov Vladimir A. – collection of material, processing of the material, participation in the writing of the article, design, translation

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Конституционализация нормативной основы местного самоуправления: тенденции и неопределенные перспективы

Кожевников Олег Александрович^{1,2}

¹ Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия,
jktu1976@yandex.ru

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Вопросы реализации обновленных в 2020 году положений Конституции РФ все чаще становятся предметом многочисленных дискуссий и публикаций. В рамках настоящей статьи автором производится критическая оценка фактической передачи конституционного регулирования на уровень федерального и регионального закона вопросов организации и деятельности местного самоуправления в РФ. Подобная дискреция федерального законодателя может привести к фактическому «игнорированию» положения ст. 12 Конституции РФ и нормативно-правовому «встраиванию» местного самоуправления в управленческую «вертикаль» единой системы публичной власти как низшего уровня государственного управления в стране.

Ключевые слова: Конституция РФ, единая система публичной власти, местное самоуправление, органы местного самоуправления, вертикаль государственного управления

Для цитирования: Кожевников О.А. Конституционализация нормативной основы местного самоуправления: тенденции и неопределенные перспективы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 112–118.

Original article

Constitutionalization of the regulatory framework of local self-government: trends and uncertain prospects

Kozhevnikov Oleg A.^{1,2}

¹ Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, jktu1976@yandex.ru

² Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The issues of implementing the provisions of the Constitution of the Russian Federation «updated» in 2020 are increasingly becoming the subject of numerous discussions and publications. Within the framework of this article, the author makes a critical assessment of the fact of the actual transfer of constitutional regulation to the level of federal and regional law on the organization and activities of local self-government in the Russian Federation. Such discretion of the federal legislator may lead to the actual «ignoring» of the provision of art. 12 of the Constitution of the Russian Federation and the regulatory and legal «embedding» of local self-government in the managerial «vertical» of the unified system of public power as the lowest level of public administration in the country.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, unified system of public power, local self-government, local self-government bodies, vertical of public administration

For citation: Kozhevnikov O.A. Constitutionalization of the regulatory framework of local self-government: trends and uncertain prospects // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 112–118.

Материалы и методы. Прошедшие в 2020 году дебаты по вопросам изменения в текст Конституции РФ с течением времени видоизменяют направления научных дискуссий с непосредственных положений текста Основного закона страны в сторону научно-практического анализа текста реализующих конституционные положения федеральных законов.

Результаты. За минувшие полтора года с момента появления в РФ обновленного текста Конституции РФ можно сделать вывод о том, что далеко не все новые положения Конституции РФ нашли свое реальное выражение в нормах федеральных законов и иных по форме правовых актов, а некоторые из них только в настоящее время находят свое воплощение в виде законопроектов федерального уровня власти. Одним из направлений подобной конституционализации законодательства можно назвать формирование правовой основы единой системы публичной власти на уровне субъектов РФ и муниципальных образований.

Обсуждение. Следует отметить, что понятие «конституционализация» введено в российский научный оборот, прежде всего, зарубежными исследователями. Тем не менее, в российской науке вопросы конституционализации законодательства в последнее время развиваются в геометрической прогрессии, и им уделяется особо пристальное внимание как исследователей в области конституционного права, так и ученых, специализирующихся на других направлениях и отраслях права. Так, в монографии И.А. Кравца «Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики)» «феномен конституционализации» представляется в широком и узком толковании. В узком толковании автор понимает возведение правовой нормы в ранг конституционного положения; в качестве широкого подхода к названному термину указывается характерное для индустриальных обществ развитие иерархически взаимосвязанных способов и методов юридизации общественных отношений вообще и социальных конфликтов в частности» [1, с. 154]. В дальнейшем в своей статье «Российская Конституция и конституционализация правового порядка (некоторые вопросы теории и практики)» профессор И.А. Кравец выделяет два основных способа конституционализации: нормативно-законодательный, как возведение правовой нормы в ранг конституционной, и нормативно-интерпретационный, как «проникновение норм и принципов Конституции в отраслевое законодательство... при помощи интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ» [2, с. 117].

Другой известный исследователь вопросов конституционализации отраслевого, прежде всего гражданского, законодательства судья Конституционного суда РФ профессор Г.А. Гаджиев, рассматривая конституционализацию применительно к частному праву, отмечает, что «она в широком смысле – это постоянно протекающий процесс воздействия норм и принципов конституционного права на нормы частного права, а в узком смысле – это процесс приведе-

ния норм частного права в соответствие с нормами Конституции» [3, с. 24].

Один из известнейших специалистов в области муниципального права судья Конституционного Суда РФ в отставке профессор Н.С. Бондарь в своей работе «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности» отмечает динамический аспект в понимании категории «конституционализация». Он полагает, что конституционализация – это динамика, правовое развитие социально-экономических процессов на основе и в соответствии с ценностями современного конституционализма [4, с. 8]. И это всего лишь малая часть научных взглядов на феномен «конституционализации» в российской конституционно-правовой и отраслевых науках, поскольку можно назвать еще многих известных ученых-исследователей, в работах которых присутствует анализ термина «конституционализация» применительно к различным видам правоотношений и правовых актов (В.И. Крусс, А.Г. Кузьмин, О.Г. Гусева, А.В. Безруков, И.Н. Плотнокова и др.).

В части такой особой правовой категории, как местное самоуправление, конституционализация ее нормативной основы в современной России происходит уже более 30 лет, при этом направления и содержание конституционных основ местного самоуправления еще не в полной мере нашли свое отражение и осмысление в научной литературе и правоприменительной практике во многом и потому, что в течение указанного временного периода вектора реализации положений Конституции РФ в части местного самоуправления были крайне неустойчивыми и непоследовательными.

Представляется, что на начальном этапе, в начале 1990-х годов, конституционализация законодательства о местном самоуправлении происходила путем «восхождения» духа и смысла текста профильного закона в соответствующие положения Конституции РФ, поскольку на момент принятия текста Основного закона нашего государства в России уже действовал Закон РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации», в котором местное самоуправление рассматривалось как система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических, национально-этнических и иных особенностей, на основе Конституции Российской Федерации и законов Российской Федерации, конституций и законов республик в составе Российской Федерации. В дальнейшем Конституция РФ в своем тексте восприняла и закрепила основополагающие, фундаментальные положения местного самоуправления, ориентируясь также на положения Европейской хартии местного самоуправления, ставшей обязательной для исполнения в РФ в 1998 году.

В период действия вышеобозначенного закона, который, как нам кажется, условно можно обозначить как «период совпадения текста норм Конституции РФ

с буквой и духом местного самоуправления», местное самоуправление воспринималась в законодательной и правоприменительной практике, прежде всего, как способ совместной деятельности граждан и местных властей по решению насущных вопросов территории их проживания и хозяйствования. Именно в 1990-х годах были сформированы фундаментальные позиции Конституционного Суда РФ относительно конституционно-правового понимания категории «местное самоуправление», объема его прав и гарантий в конституционно-правовом смысле. В качестве одного из значимых решений Конституционного Суда РФ по вопросам организации местного самоуправления в РФ следует упомянуть постановление от 24 января 1997 г. № 1-П [5], в котором Конституционный Суд РФ указал на невозможность лишения населения конституционного права на осуществление местного самоуправления, подразумевая под ним право на самостоятельное решение вопросов местного значения, а также на невозможность создания органов представительной и исполнительной государственной власти на уровне муниципальных образований, поскольку на этом уровне публичная власть осуществляется посредством местного самоуправления и его органов, не входящих в систему органов государственной власти.

Значительную роль в обеспечении конституционной основы самостоятельности населения и органов местного самоуправления сыграло и постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П [6], в котором Конституционным Судом РФ были признаны не соответствующими ст. 132 и 133 Конституции РФ положения п. 3, 5 ст. 21 Устава (Основного Закона) Курской области. В указанном решении особо было отмечено, что исходя из прямого предписания статьи 130 (часть 1) Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, вопросы местного значения могут и должны решаться именно органами местного самоуправления или населением непосредственно, а не органами государственной власти. На органы же государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления и оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление.

Однако поистине «золотой» период развития конституционных и отраслевых основ местного самоуправления завершился в начале 2000-х годов, когда все отчетливее проявлялась другая тенденция конституционализации законодательства о местном самоуправлении, выражающаяся в трансформации конституционно-правового содержания понятия местного самоуправления, механизмов его осуществления путем внесения первоначально точечных изменений, а впоследствии и принятия федеральным законодателем сначала Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах ор-

ганизации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором местное самоуправление рассматривалось уже как признаваемая и гарантируемая Конституцией самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций, а впоследствии и Федерально-го закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором местное самоуправление определяется как форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных законодательством РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

При этом важно отметить, что текстуально нормативные основы местного самоуправления, закрепленные в Конституции РФ, оставались неизменными вплоть до лета 2020 года, однако содержание и подходы в организации местного самоуправления существенным образом были трансформированы, оставляя в прошлом «единство» текста Конституции и норм федеральных законов. В рамках весьма динамичной и не всегда в полной мере понятной как для исследователей, так и для правоприменителей законотворческой трансформации федеральный законодатель раз за разом, при непосредственном одобрении Конституционным Судом РФ, снижал уровень конституционных гарантий осуществления местного самоуправления в РФ в пользу одобрения имеющейся, по мнению Конституционного Суда РФ, дискреции федерального законодателя на регулирование нормативных основ местного самоуправления в РФ. В качестве примера можно привести изменения, касающиеся фактического отстранения населения муниципальных образований от самостоятельного формирования структуры органов местного самоуправления, которые в своем постановлении от 1 декабря 2015 г. № 30-П [7] Конституционный Суд РФ обосновал как возможность субъектов Российской Федерации определять порядок формирования органов местного самоуправления, в том числе и путем воспроизведения в законе субъекта Российской Федерации как единственно возможного (обязательного), так и нескольких (альтернативных) из числа предусмотренных Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» способов формирования представительного органа муниципального района, городского округа с внутригородским делением, а также избрания главы муниципального образования, причем как в отношении отдельных (конкретных), так и нескольких или всех муниципальных образований,

расположенных на территории субъекта Российской Федерации.

Другой пример поддержки Конституционным Судом РФ дискреции федерального законодателя, направленной на законодательную трансформацию правовых основ местного самоуправления, – это определение от 29 сентября 2011 г. № 1319-О-О [8], в котором Конституционный Суд РФ отметил, что Конституция Российской Федерации прямо не называет главу муниципального образования в числе избираемых населением напрямую органов и должностных лиц публичной власти и не определяет какой-либо иной конкретный порядок замещения этой должности, что предполагает необходимость законодательного регулирования. При этом ранее, в своем постановлении от 29 ноября 2004 г. № 17-П/2004 [9], Конституционный Суд РФ провозглашал, что «формирование органов местного самоуправления путем свободных выборов – один из признаков демократического правового государства, каковым является Российская Федерация (статья 1 Конституции Российской Федерации). Подлинно свободные демократические выборы, осуществляемые на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, определяют, в частности, право любых лиц, отвечающих установленным избирательным законодательством условиям и выполнивших предусмотренные им требования, участвовать в выборах в качестве кандидатов, и право других лиц свободно выражать свое отношение к ним, голосуя "за" или "против"».

Как результат постепенного «одобрения» органом федерального конституционного контроля почти всех инициатив «федерального законодателя», к началу 2020 года у местного самоуправления практически не осталось никаких гарантий самостоятельности в своем организационном оформлении и реализации вопросов местного значения, в противовес резко усилившемуся влиянию и контролю со стороны государственной власти за процессами управления территориями муниципальных образований.

В этой связи не остается никаких сомнений, что конституционная трансформация законодательной основы местного самоуправления в 2020 году стала очевидным следствием сложившейся на тот момент ситуации в законодательном регулировании и привела к формированию обновленного текста норм главы 8 Конституции РФ. Даже при беглом прочтении норм названной статьи нетрудно заметить тот факт, что абсолютное большинство конституционных поправок в текст главы 8 завершаются фразой «установленные федеральным законом» или производными от нее. И вновь Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования

публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [10] указал, что «главы 1 и 2 Конституции Российской Федерации не определяют конкретных форм и порядка осуществления местного самоуправления, в том числе не исключают возможность в отсылках по вопросам, касающимся организации местного самоуправления, к федеральному закону».

В государстве со стабильным уровнем экономической, социальной, политической основы, возможно, это обоснование и не вызвало бы какого-либо «отторжения», но только не в России, где, как мы уже отмечали ранее, за прошедшие 30 лет при неизменности текста Конституции РФ в части местного самоуправления, вопросы его реализации имели различные варианты законодательного регулирования местного самоуправления. Завершение 2021 года ознаменовалось внесением в федеральный парламент очередных инициатив по трансформации публичной власти на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. Следует отметить, что проекты Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» не проходили широкого экспертного обсуждения в профильной научно-экспертной среде, что, несомненно, вызывает обоснованную дискуссию и критику со стороны специалистов в области конституционного и муниципального права.

В качестве примера можно привести положения ст. 1 уже упомянутого проекта Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в которых органы государственной власти субъекта Российской Федерации участвуют в решении задач местного самоуправления в рамках существующих положений федерального законодательства. При этом система действующего законодательства нигде не содержит указание на такой термин, как «задачи местного самоуправления»; о каких задачах идет речь, в решении которых к тому же принимают участие органы государственной власти, остается неизвестным. Эта же статья упомянутого закона в качестве принципов деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, указывает не установленную Конституцией РФ цель единой системы публичной власти – «взаимодействие в интересах населения», а совершенно иную цель – «создание условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации». Насколько эти цели тождественны, наверное, известно только разработчикам законопроекта. Не лучше обстоят дела и с отдельными положениями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в

единой системе публичной власти». Приведем лишь один пример: статья 32 упомянутого законопроекта имеет название «Полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», однако часть 2 указанной статьи содержит перечень полномочий, которые могут закрепляться за органами местного самоуправления в целях обеспечения жизнедеятельности населения законом субъекта РФ. При этом часть 3 названной статьи законопроекта указывает, что перечисленные в части 2 статьи полномочия, не отнесенные к полномочиям органов местного самоуправления законом субъекта РФ, являются перераспределенными полномочиями и исполняются органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Хочется задать разработчикам законопроекта вопрос: а имеют ли для них силу решения Конституционного Суда РФ, упомянутые в начале нашей статьи, в соответствии с которыми решение вопросов местного значения (а теперь, в соответствии со ст. 1 законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» они именуются вопросами непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения) уполномочены решать только население и органы местного самоуправления. Истории законодательства о местном самоуправлении известен такой инструмент, как перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации (ч. 1.2 ст. 17 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»), но в данном случае перераспределялись (а точнее изымались) вопросы местного значения на уровень субъекта РФ. В представленном разработчиками законопроекта совокупное прочтение ч. 2 и 3 ст. 32 нам с очевидностью говорит о том, что изначально вопросы местного значения относятся к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ, а не органов местного самоуправления, как это следует из смысла обязательных к исполнению упомянутых позиций Конституционного Суда РФ.

И это только самая вершина «айсберга» двух законопроектов, отдельные положения которых нами проанализированы в качестве примера «дефектного» правотворчества. Возвращаясь к обновленным положениям главы 8 Конституции РФ, отметим, что Основной закон передал «пальму первенства» в нормативном регулировании именно на уровень федерального закона. Автором подсчитано, что в пока действующий Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с момента его принятия изменения были внесены 182 раза, из них только в 2021 году – 5 раз. Стоит предположить, что и рассматриваемые сейчас на федеральном уровне законопроекты, с учетом дискуссионности их положений, эту планку «неумной» динамичности пре-

одолеют в гораздо более короткий период. Можно ли с таким подходом федерального законодателя ожидать поступательного развития местного самоуправления и говорить о каких-то конституционных гарантиях местного самоуправления? Представляется, что вопрос не требует даже комментариев.

Выводы. Подводя итоги исследования динамики конституционализации законодательства о местном самоуправлении в РФ, следует отметить ее крайнюю степень многовекторности, отсутствие преемственности, «шатание» в поисках неизвестного результата, которые в условиях обновленного текста главы 8 Конституции РФ, закрепляющей преобладание законодательного регулирования местного самоуправления над конституционным, в условиях крайней неопределенности, динамичности и закрытости для публичного обсуждения российского федерального законодателя, в совокупности с игнорированием уже имеющихся общеизвестных правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам обеспечения и защиты конституционных основ местного самоуправления, по нашему мнению, может привести к крайне печальным последствиям, вплоть до фактической утраты местного самоуправления как самостоятельного уровня власти, при ее номинальном упоминании в Конституции РФ и законодательстве РФ в рамках формирующейся единой системы публичной власти РФ.

Список источников

1. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск: ЮКЭА, 2002. 360 с.
2. Кравец И. А. Российская Конституция и конституционализация правового порядка (некоторые вопросы теории и практики) // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 113–124.
3. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юрист, 2004.
4. Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М.: Викор-Медиа, 2006. 223 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года "О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике"». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24011997-n> (дата обращения: 22.12.2021).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области"». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie->

konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112000-n (дата обращения 22.12.2021).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области "Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899 (дата обращения: 20.12.2021).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1319-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Аверкиева Игоря Валерьевича, Ковина Виталия Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 36 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104221> (дата обращения: 20.12.2021).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области "О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области" в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50493 (дата обращения: 20.12.2021).

10. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z> (дата обращения: 20.12.2021).

References

1. Kravets I.A. Formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice). M.; Novosibirsk: YuKEA, 2002. 360 p.

2. Kravets I.A. The Russian Constitution and constitutionalization of the legal order (some questions of theory and practice) // Journal of Russian law. 2003. No. 11. P. 113–124.

3. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of a market economy (Development of the foundations of civil law in

the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). M.: Jurist, 2004.

4. Bondar N.S. Constitutionalization of the socio-economic development of Russian statehood (in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). M.: Vikor-Media, 2006. 223 p.

5. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 24, 1997 No. 1-P «On the case of checking the constitutionality of the Law of the Udmurt Republic of April 17, 1996 «On the system of state authorities in the Udmurt Republic»». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24011997-n/> (date of access: 12/22/2021).

6. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 30, 2000 No. 15-P «On the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Charter (Basic Law) of the Kursk Region as amended by the Law of the Kursk Region of March 22, 1999 «On Amendments and Additions to the Charter (Fundamental Law) of the Kursk Region»». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112000-n/> (accessed 12/22/2021).

7. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 1, 2015 No. 30-P «On the case of checking the constitutionality of parts 4, 5 and 5.1 of Article 35, parts 2 and 3.1 of Article 36 of the Federal Law «On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation» and Part 1.1 of Article 3 of the Law of the Irkutsk Region «On Certain Issues of the Formation of Local Self-Government Bodies of Municipalities of the Irkutsk Region» in connection with the request of a group of deputies of the State Duma. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/ (date of access: 12/20/2021).

8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2011 No. 1319-О-О «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Averkiev Igor Valerievich, Kovin Vitaly Sergeevich and others on the violation of their constitutional rights by paragraph 1 of part 2 of Article 36 of the Federal Law» On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104221/> (date of access: 12/20/2021).

9. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 29, 2004 No. 17-P «On the case of checking the constitutionality of the first paragraph of paragraph 4 of Article 64 of the Law of the Leningrad Region «On the election of deputies of representative bodies of local self-government and officials of local self-government in the Leningrad Region» in connection with a complaint from citizens V.I. Gnezdilov and S.V. Pashigorov. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50493/ (date of access: 12/20/2021).

10. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1-Z «On compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the

amendment to the Constitution of the Russian Federation "On improving the regulation of certain issues of the organization and the functioning of public authority", as well as on the compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation". URL: <https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/> (date of access: 12/20/2021).

Информация об авторе

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Kozhevnikov Oleg A. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 27.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Об особенностях конституционно-правового статуса федеральной территории: обзор правовых позиций и юридической практики

Морозова Александра Сергеевна
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
morozova_as@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности конституционного статуса федеральной территории, проводится анализ теоретических основ содержания понятия «федеральная территория», в том числе сравнительно-правовой анализ практики зарубежных стран; также на основе исследования Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» обосновывается необходимость разработки отдельного федерального закона о федеральных территориях в целях определения общих подходов к их образованию на основе соблюдения и реализации принципов федерализма, закрепленных в Конституции РФ.

Ключевые слова: федеральная территория, федерализм, территориальное устройство, публичные органы государственной власти

Для цитирования: Морозова А. С. Об особенностях конституционно-правового статуса федеральной территории: обзор правовых позиций и юридической практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 119–123.

Original article

On the peculiarities of the constitutional and legal status of the Federal Territory: a review of legal positions and legal practice

Morozova Alexandra S.
International Law of the Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, morozova_as@mail.ru

Abstract. The article analyzes the features of the constitutional status of the federal territory, analyzes the theoretical foundations of the content of the concept of «federal territory», including a comparative legal analysis of the practice of foreign countries, also based on the study of Federal Law No. 437-FZ of December 22, 2020 «On the federal Territory «Sirius»», justifies the need to develop a separate federal law on federal territories in order to determine common approaches to education based on compliance and implementation of the principles of federalism enshrined in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: federal territory, federalism, territorial structure, public authorities

For citation: Morozova A. S. On the peculiarities of the constitutional and legal status of the Federal Territory: a review of legal positions and legal practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 119–123.

Материалы и методы:

Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»»; Заключение Конституционного Суда

РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3; правовые позиции ученых.

Методологическая основа: общенаучные методы познания (исторический метод, диалектический метод, методы системного анализа, синтеза, восхож-

дения от абстрактного к конкретному, формально-логический, системно-структурный методы, теоретико-прогностический метод) и специальные правовые методы познания (метод сравнительного правоведения, формально-юридический и историко-юридический метод, метод конституционно-правового моделирования).

Результаты:

Концепция конституционно-правового статуса федеральной территории и анализ теоретических основ содержания понятия «федеральная территория», в том числе сравнительно-правовой анализ практики зарубежных стран, анализ Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории "Сириус"» и позиций Конституционного Суда РФ приводит к выводу о необходимости разработки отдельного федерального закона о федеральных территориях в целях определения общих подходов к их образованию на основе соблюдения и реализации принципов федерализма, закрепленных в Конституции РФ.

Обсуждение:

Территория является обязательным признаком государства – условием его существования. Именно территориальное устройство государства во многом определяет его экономические и политические основы. Одной из дискуссионных тем в теории конституционализма и юридической практике является определение конституционно-правового статуса федеральной территории на основе принципов федерализма.

Рассмотрим несколько позиций ученых и существующую юридическую практику. Интересна позиция В.Е. Чиркина [1, с. 154], который определил статус федеральной территории как публично-правовое образование, выделяя основные признаки, характеризующие ее как обособленную территориальную единицу и публично-правовое образование: 1) наличие публичного коллектива (населения, жителей, представителей); 2) обладание организационно-правовым статусом (государственное территориальное образование, муниципальное, автономия и т. п.); 3) наличие публичных органов управления (представительных, исполнительных и специальных органов публичной власти) и институтов народной демократии (федеральные выборы, референдум, право отзыва представительных органов и т. п.) [2]. Также отмечается, что в случаях, когда федеральная территория не имеет в своем составе публичного коллектива [3, с. 50–61] (жителей, народностей, представителей и т. д.) и собственных органов власти, данная территория будет представлять собой квазипубличное образование в качестве экстерриториальной единицы (которая образуется для удобства управления ею органами государственной власти) [4].

Анализируя труды некоторых ученых по вопросу конституционных статусов федеральных территорий некоторых зарубежных стран [5], возможно рассматривать их как публичные территориальные образо-

вания, которые напрямую подчиняются федерации, а уровень их самостоятельности может зависеть от экономических, политических, географических, демографических, национальных и других факторов. В некоторых государствах статусом федеральных территорий наделяются столицы (Австралия) или географически отдаленные регионы, не имеющие возможности быть включенными в состав других субъектов. В некоторых государствах возможно образование особых районов в пределах территории штатов, однако исключительного ведения у такой территории не существует (Индия) [6]. Также примером может служить федеральный округ Колумбия в США, в котором имеются и действуют органы публичной власти федерального и местного значения, однако основные полномочия по управлению федеральной территорией остаются за Конгрессом США [7].

Что касается территориального состава Российской Федерации, в результате конституционных изменений 2020 г. [8] в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. предусмотрена возможность образования федеральной территории. Конституционный Суд РФ определил её особый статус, который по правовой природе не равнозначен статусу субъектов России, и не может восприниматься как противоречащий ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, которая исчерпывающим образом определяет ее субъектный состав, а равно иным положениям гл. 1 и 2 Конституции РФ (абз. 2 п. 3.1) [9].

Возникает вопрос: каков статус федеральной территории, если она занимает реальное географическое место [10], как и субъекты РФ, но при этом отсутствует в перечне части 1 статьи 5 Конституции РФ и перечне территорий, входящих в состав субъекта РФ?

Стоит рассмотреть позиции ученых, характеризующих конституционно-правовой статус федеральной территории. Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас, изучая конституционно-правовой статус федеральной территории и позиции Конституционного Суда РФ, определяют, что наделение федеральных территорий особым конституционным статусом должно обеспечить более продуктивное управление при поддержании нужного баланса между стратегическими интересами страны и возможностями реализации прав людей в полном объеме [11, с. 44]. Ученые сделали акценты на то, что федеральные территории должны создаваться только по взаимному согласию между органами государственной власти федерации и ее субъектов, с утверждением изменения границ только Советом Федерации. Этой же позиции придерживается Дзидзоев Р.М., который определяет федеральные территории в географическом и политическом смыслах. По его мнению, федеральная территория в географическом смысле определена в Конституции РФ (ч. 1 ст. 67) – как и внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними; в политическом – как территориальные внутригосударственные образования с особым конституционным статусом [12, с. 158]. И.В. Зернов придерживается позиции, что «понятие федеральной территории необходимо использовать

в конституционной юридической практике только в политическом смысле, так как внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними, наряду с федеральными территориями и территориями субъектов, являются составляющими понятия "территория Российской Федерации". Положения данной конституционной нормы излагаются в буквальном смысле и не требуют расширительного толкования» [13, с. 154].

Конституция РФ и Федеральный закон «О федеральной территории "Сириус"» определяют способ формирования федеральных территорий – на основании федерального закона, который устанавливает четкие, регламентированные границы «стратегически важных и особо охраняемых территорий». В п. 3 ст. 67 Конституции РФ закрепляется один способ изменения границ – только по взаимному согласию субъектов РФ. Поэтому изменение границ субъекта РФ путем образования федеральных территорий по инициативе Российской Федерации (в том числе не запрещено образовывать федеральные территории на части территорий нескольких субъектов РФ) не будет противоречить нормам Конституции РФ [14, с. 109–111]. Принятие федерального закона является исключительным полномочием Российской Федерации, это также позволяет изменять существующие в настоящее время границы субъектов РФ в одностороннем порядке. Эти механизмы в дальнейшем могут использоваться федеральной властью в регулировании взаимоотношений с субъектами РФ по вопросам уменьшения территории конкретного субъекта или его полного исчезновения.

Также открываются возможности преобразования из федеральной территории нового субъекта, предусмотренного в перечне ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, для этого необходимо лишь внести изменения в Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», предусмотрев образование в составе Российской Федерации нового субъекта в результате не только объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации, но и преобразования федеральной территории в субъект РФ. Поэтому, чтобы не нарушать принципы федерализма, необходимо предусмотреть положения, закрепляющие участие субъектов РФ в образовании федеральных территорий, либо в отдельном федеральном законе, либо Федеральном конституционном законе от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ.

Федеральный закон «О федеральной территории "Сириус"» определяет особый режим правового регулирования и взаимоотношений с органами государственной власти Краснодарского края и органами местного самоуправления муниципального образования – городского округа города-курорта Сочи Краснодарского края. Федеральная территория «Сириус» независима в принятии решений, где акты, принятые органам публичной власти федеральной территории

«Сириус», практически приравниваются к федеральным или региональным. Статьи 4 и 5 указанного федерального закона предусматривают, что органы публичной власти федеральной территории «Сириус» издают обязательные для исполнения на указанной территории нормативные правовые акты во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, а акты Краснодарского края имеют ограниченное действие и применяются в случае, если отдельные полномочия органов государственной власти Краснодарского края переданы для осуществления органам публичной власти федеральной территории «Сириус», с учетом особенностей, устанавливаемых Федеральным законом и нормативными правовыми актами органов публичной власти федеральной территории «Сириус». Использование актов Краснодарского края можно рассматривать как временные меры на период становления и формирования собственной системы государственных органов и правовой системы. Правовые акты муниципального образования «городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края» вообще могут не использоваться, т. к. действуют в федеральной территории «Сириус» в случае передачи указанному муниципальному образованию полномочий органов публичной власти федеральной территории «Сириус».

Поэтому можно увидеть признаки, которые присущи субъекту РФ, а в правовой конструкции взаимоотношений с органами государственной власти Краснодарского края – элементы сложносоставного субъекта (только образованного не на основе договора, а по решению федеральных органов власти). Статьи 8 и 44 указанного федерального закона, предусматривающие особенности осуществления полномочий органами публичной власти федеральной территории «Сириус», практически приравнивают ее к субъектам РФ.

Выводы:

Концепция конституционно-правового статуса федеральной территории, закрепленная в Конституции РФ и Федеральном законе № 437-ФЗ, устанавливающая ее самостоятельность, независимость и нахождение в составе субъекта РФ, а также большое усмотрение и широкие полномочия Российской Федерации могут привести к изменению правового регулирования федеративных отношений и нарушению принципов федерализма, содержащихся в Конституции РФ. Поэтому возникает необходимость закрепить отдельным федеральным законом общие принципы образования и деятельности федеральных территорий, а также порядок их взаимодействия с органами государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ.

Список источников

1. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование / В.Е. Чиркин. – Москва: ИНФРА-М, 2011. – 336 с.
2. Зернов И. В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 21.10.2021).
3. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З // Российская газета. 2020. 17 марта.
4. Зернов И. В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 21.10.2021).
5. Ирхин И. В. Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 30–37.
6. Зернов И. В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 21.10.2021).
7. Конституционное право зарубежных стран: учебник для студентов вузов / под ред. В. О. Лучина, Г. А. Василевича, А. С. Прудникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012. 727 с.
8. Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».
9. Рыков А. Н. Некоторые проблемы территориальной организации публичной власти в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 50–61.
10. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // Российская газета. 2020. 25 нояб.
11. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.
12. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. Москва: ИНФРА-М, 2011. 336 с.
13. Зернов И. В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 21.10.2021).

osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 21.10.2021).

14. Добрыдень Е. А. Проблематика федеральных территорий в поправках к Конституции РФ [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. 2020. № 11 (14). С. 109–111. URL: <https://apni.ru/article/876-problematika-federalnikh-territorij-v-popravk>

References

1. Chirkin V.E. Public legal education / V.E. Chirkin. - Moscow: INFRA-M, 2011. - 336 p.
2. Zernov I. V. Constitutional features of the status of the federal territory: questions of theory and practice [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (Date of access: 10/21/2021).
3. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1-Z // Rossiyskaya Gazeta. March 17, 2020
4. Zernov I. V. Constitutional features of the status of the federal territory: questions of theory and practice [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (Date of access: 10/21/2021).
5. Irkhin I. V. Federal territories and federal districts: a mixture of constitutional and legal models // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. - 2017. - No. 6. - P. 30–37.
6. Zernov I. V. Constitutional features of the status of the federal territory: questions of theory and practice [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (Date of access: 10/21/2021).
7. Constitutional law of foreign countries: a textbook for university students / ed. V. O. Luchin, G. A. Vasilevich, A. S. Prudnikov. 2nd ed., revised. and additional Moscow: UNITY-DANA; Law and Law, 2012. 727 p.
8. Law on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities”.
9. Rykov A. N. Some problems of the territorial organization of public authorities in the constituent entities of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2018. No. 7. P. 50–61.
10. Federal Law of December 22, 2020 No. 437-F3 “On the Federal Territory Sirius” // Rossiyskaya Gazeta. Nov 25, 2020
11. Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority” / T. I. Khabrieva, A.A. Klishas. Moscow: Norma, INFRA-M, 2020. 240 p.

12. Chirkin V. E. Public legal education. Moscow: INFRA-M, 2011. 336 p.

13. Zernov I. V. Constitutional features of the status of the federal territory: questions of theory and practice [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (Date of access: 10/21/2021).

14. Dobryden E. A. Problems of federal territories in amendments to the Constitution of the Russian Federation [Electronic resource] // Actual research. 2020. No. 11 (14). pp. 109–111. URL: <https://apni.ru/article/876-problematika-federalnikh-territorij-v-popravk>

Библиографический список

1. Васильева Н. В., Праскова С. В., Пятковская Ю. В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/pravoprimerenie?i=1086400> (дата обращения: 21.10.2021).

2. Дзидзоев Р. М. Вопросы федеративного устройства в обновленной Конституции России // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 29–41.

3. Праскова С. В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551.

Bibliographic list

1. Vasilyeva N. V., Praskova S. V., Pyatkovskaya Yu. V. Constitutional status of federal territories in Russia: theoretical foundations of legislative regulation [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/pravoprimerenie?i=1086400> (date of access: 10/21/2021).

2. Dzidzoev R. M. Issues of the federal structure in the updated Constitution of Russia // Legal Studies. 2020. No. 7. S. 29–41.

3. Praskova S. V. On federal territorial units // Actual problems of Russian law. 2013. No. 12. S. 1543–1551. Морозова Александра Сергеевна,

Информация об авторе

Морозова Александра Сергеевна – кандидат юридических наук

Information about the author

Morozova Alexandra S. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 29.12.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 29.12.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Административное законодательство в сфере миграции: новые тренды

Столярова Зинаида Николаевна
Академия управления МВД России, Москва, Россия, zina_adyunkt@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется административное законодательство в сфере миграции, исследуются основные тренды, которые целесообразно учесть при разработке новых законопроектов в сфере миграции. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования цифровых технологий, которые благодаря развивающимся процессам цифровизации активно внедряются в миграционную сферу. Внимание автора акцентируется на необходимости модернизации правового регулирования информационного обеспечения деятельности миграционных подразделений с учётом появления новых цифровых разрешительно-визовых документов, а также биометрической идентификации личности иностранного гражданина и лица без гражданства. Автор обосновывает необходимость модернизации административного законодательства в сфере миграции с учётом новых тенденций и трендов реализуемой концепции государственной миграционной политики Российской Федерации. Автором высказаны конкретные идеи и предложения, затрагивающие вопросы систематизации миграционного законодательства в Российской Федерации.

Ключевые слова: административная деятельность органов внутренних дел, иммиграционный контроль, нормотворчество, информационные технологии, биометрическая идентификация, цифровые документы, миграция, иностранные граждане, реализация миграционной политики

Для цитирования: Столярова З. Н. Административное законодательство в сфере миграции: новые тренды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 124–129.

Original article

Administrative legislation in the field of migration: new trends

Stolyarova Zinaida N.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
zina_adyunkt@mail.ru

Abstract. This article analyzes the administrative legislation in the field of migration, examines the main trends that should be taken into account when developing new draft laws in the field of migration. Particular attention is paid to the issues of legal regulation of digital technologies, which are being actively implemented taking into account the developing processes of digitalization in the migration sphere. The author's attention is focused on the need to modernize the legal regulation of information support for the activities of migration units, taking into account the emergence of new digital permits and visa documents, as well as biometric identification of the identity of a foreign citizen and a stateless person. The author substantiates and makes proposals on the need to modernize administrative legislation in the field of migration, taking into account new trends and trends, the implemented concept of the state migration policy of the Russian Federation.

Keywords: administrative activities of internal affairs bodies, immigration control, rule-making, information technology, biometric identification, digital documents, migration, foreign citizens, implementation of migration policy

For citation: Stolyarova Z. N. Administrative legislation in the field of migration: new trends // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 124–129.

Современное российское административное законодательство в сфере миграции является, вероятно, самым динамично развивающимся в силу объективных причин и складывающихся условий в сфере социально-экономического, политического, демографического, пространственного информационного и иного развития нашего государства.

Начиная с 90-х годов XX века и до настоящего времени российское законодательство в сфере миграции прошло уже несколько этапов своего развития, учитывая различные модели государственной миграционной политики и документы стратегического планирования, на которых оно основывалось. На сегодняшний день сфера миграции представлена достаточно мощной, актуальной, с точки зрения рисков и угроз, нормативной правовой базой, регламентирующей миграционные правоотношения.

Современная модель государственной миграционной политики задаёт новый вектор развития административного законодательства в сфере миграции, устанавливая новые миграционные тренды, обосновывая необходимость введения новых правовых статусов мигрантов, административно-правовых режимов, разработки новых административно-правовых механизмов и административных процедур, направленных на формирование гибкой миграционной политики, преимущественно, в сфере внешней трудовой миграции.

Этому способствует, в том числе, и достаточно интенсивная деятельность российского государства на различных международных площадках по заключению с заинтересованными странами договоров и соглашений, результатом подписания которых является предоставление различного рода преференций на въезд и пребывание в нашей стране мигрантам из стран – участников соглашений.

Осложнение эпидемиологической обстановки, вызванной COVID-19, во всем мире также отразилось на миграционном законодательстве, которое предусматривало временные меры путём введения правовых норм в целях легализации и урегулирования административно-правового статуса мигрантов.

Одним из современных миграционных трендов и важным событием для национальной правовой системы является разработка проекта нового комплексного миграционного закона. Законопроект, представляя собой конгломерат миграционных правовых норм, очевидно, должен иметь лаконичное наименование, не перегруженное уточняющими терминами, при этом отражающее в полном объёме его предметное содержание.

В контексте изложенного представляется уместной и целесообразной идея о систематизации административного законодательства в сфере миграции, которая обсуждается на протяжении практически двух десятилетий среди виднейших специалистов в сфере миграции. Эта идея вновь обретает свою актуальность с учётом многогранности и сложности миграционных правоотношений, а также мно-

жественности категорий иностранных граждан, их административно-правовых статусов, правовых механизмов контроля, мер административного воздействия, применяемых к рассматриваемой категории субъектов миграционных правоотношений.

Представляется, что структура и содержание законопроекта будут составлены исходя из ключевого принципа о необходимости правового регулирования в каждой главе законопроекта исключительно одного строго определённого вида миграционных правоотношений.

Современные процессы интеграции задают ещё один новый тренд в миграционном законодательстве, способствуя появлению новых правовых статусов мигрантов, прибывающих в нашу страну из стран – участниц интеграционных процессов (ЕвроАзС, Союзное государство, Таможенный союз и др.) В этой связи актуальным представляется вопрос детальной регламентации новых правовых статусов отдельных категорий иностранных граждан.

Очевидно, что стиль изложения законопроекта должен обладать присущими ему специфическими особенностями, содержать достаточно внушительные по своему содержанию главы.

Модернизация понятийно-категориального аппарата сферы миграции также должна отражать новые тренды в рассматриваемой области, с учётом новых тенденций в нормотворчестве.

Так, например, в целях усовершенствования понятийно-категориального аппарата отраслевого законодательства обязательным должно явиться наличие статьи, содержащей основные определения понятий в сфере миграции, тем более в условиях разработки и внедрения новых цифровых трендов в данной области.

Представляется целесообразным уточнить в законопроекте категории лиц, на которых распространяется действие данного законопроекта, а также дополнить их перечень, к примеру, терминами «лицо без гражданства», «неграждане», «апатриды», «бипатриды», «лица с неурегулированным правовым статусом» и т. д., определив их понятия.

Принимая во внимание возможность разработки нового миграционного закона, представляется, что законопроект не должен содержать противоречий и, в свою очередь, также не должен противоречить системе законодательства в целом. К примеру, определение понятия «иностранец», представленное в двух ныне действующих миграционных законах, регламентирующих правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и гражданство Российской Федерации [1; 2], необходимо привести к единообразному толкованию, установив единое определение указанного понятия. Эту проблему, как и дублирование иных положений и норм в законодательных актах, мог бы решить единый нормативный правовой документ в сфере миграции.

Кроме того, учитывая большое количество различных документов, находящихся в обращении у иностранных граждан, представляется целесообразным определить исчерпывающий перечень документов (помимо цифровой визы, миграционной карты, вида на жительство и др.), подтверждающих законное право иностранного гражданина находиться на территории российского государства, дополнив его такими, как патент, паспорт болельщика и т. д. В этой связи хотелось бы обратить внимание уважаемых разработчиков законопроекта на новые цифровые тренды в области изготовления разрешительно-визовых документов, к примеру таких, как цифровая виза, электронное приглашение, ID-карта иностранного гражданина и др.

Регламентация указанных выше миграционных правоотношений в едином нормативном миграционном акте также могла бы разрешить проблему дублирования подобных правовых норм и положений в различных законодательных актах.

Ещё одним из новых трендов миграционного законодательства, обсуждаемых на международных площадках, становится биометрическая идентификация личности мигранта. Поэтому важнейшим направлением в разработке законопроекта в сфере миграции, безусловно, должны явиться биометрическая идентификация и геномная регистрация иностранных граждан как приоритетные направления учёта рассматриваемой категории граждан для установления личности иностранного гражданина в контексте угроз национальной безопасности и противодействия негативным проявлениям в миграционной сфере, в том числе незаконной миграции.

Таким образом, принимая во внимание основные задачи, изложенные в документах стратегического планирования [3; 4] в сфере миграции и запланированные к реализации, представляется, что в новом миграционном законопроекте, регламентирующем условия въезда и выезда, а также условия пребывания и проживания иностранных граждан на территории Российской Федерации, законодателем, с учётом широкого внедрения информационных технологий и всеобщей цифровизации, будут реализованы самые новые тренды в рассматриваемой сфере, нуждающиеся в урегулировании нормами права.

Очевидно, что административное законодательство, в том числе в сфере миграции, очень динамично развивается. Анализ миграционной ситуации свидетельствует о различных социально-экономических, политических, демографических изменениях, происходящих в нашем государстве, что, в свою очередь, оказывает непосредственное воздействие на положительную динамику миграционных процессов, в том числе и в Российскую Федерацию. В этой связи административно-правовой статус мигрантов, въезжающих на территорию российского государства, часто вызывает вопросы относительно соответствия цели въезда истинным намерениям мигрантов, страны исхода, сроков и оснований пребывания и т. д.

Кроме того, довольно часто в правоприменительной практике миграционных подразделений выявляются так называемые «вновь открывшиеся обстоятельства», в том числе семейные, оказывающие, как правило, решающее воздействие на правовое положение и административно-правовой статус мигрантов в Российской Федерации. Безусловно, все эти факторы необходимо учитывать в перспективе и в административном законодательстве в сфере миграции нашей национальной правовой системы. Так, например, необходимо учитывать, что современная миграционная политика во всем мире ужесточается с каждым днем, и наравне с тем, что работодатель усложняет процесс заработка для трудовых мигрантов, в административном законодательстве появляются новые правовые нормы, затрагивающие их правовое положение и по-новому регламентирующие правоотношения между трудящимися мигрантами и государством.

Систематизация данных правовых норм в едином нормативном документе в сфере миграции способствовала бы большей ясности и прозрачности правового регулирования в сфере миграции.

Современный этап развития правового регулирования миграционной сферы на сегодняшний день, к сожалению, не имеет четко выраженной системы. Так, например, имеющиеся нормативные правовые акты практически не консолидированы и являются достаточно разрозненными, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на стабильность рассматриваемой сферы правового регулирования. Кроме того, имеются вопросы по количеству иностранных граждан, находящихся в нашей стране без наличия законных на то оснований.

Представляется, что потребности правоприменительной практики в исследовании причин миграции, преимущественно незаконной, объясняются необходимостью выработки целого комплекса мер по определению её размеров и характера, а также по её профилактике и предупреждению.

Анализ новых трендов административного законодательства в сфере миграции показывает, что современная российская миграционная политика, с учётом установленного законодателем периода её реализации (до 2025 г.), безусловно, требует корректировки, соответствующей складывающейся обстановке, в том числе и с учётом осложнения эпидемиологической ситуации, как в стране, так и в мире в целом. При этом целесообразно сделать акцент преимущественно на привлечении высококвалифицированных специалистов из числа так называемых «интеллектуальных мигрантов», в том числе соотечественников, их адаптации и интеграции в российское общество, а также разработке и внедрении единой интегральной системы контроля миграционных процессов и противодействия незаконной миграции, направленных, прежде всего, на повышение эффективности межведомственного взаимодействия в сфере

миграции и усиление юридической ответственности за организацию незаконной миграции.

Исследуя новые тренды в административном законодательстве в рассматриваемой сфере, следует учитывать, что его субъектами выступают чаще всего физические лица (мигранты и лица без гражданства), то есть лица, не имеющие гражданства страны пребывания (в данном случае речь идёт об отсутствии гражданства Российской Федерации). Указанные лица могут иметь множество различных административно-правовых статусов (статус временно либо постоянно проживающего, временно пребывающего и др.).

Осуществление трудовой деятельности в нарушение установленных законом миграционных требований, нарушение транзитных правил, использование поддельных миграционных документов, уклонение от исполнения требования на выезд за пределы российского государства по истечении срока пребывания, в том числе нарушение порядка выезда по причине отсутствия необходимых документов, – всё это, как свидетельствует правоприменительная практика, квалифицируется с точки зрения теории административного права в качестве основных административных правонарушений миграционного законодательства, фиксирующихся в отношении вышеуказанных граждан. В этой связи представляется целесообразным внести изменения и дополнения в кодифицированный акт в части установления новых составов административных правонарушений, совершаемых рассматриваемой категорией физических лиц.

Правовое регулирование отдельных механизмов удаления иностранных граждан с территории Российской Федерации также дублируется во многих законодательных актах. Так, например, правовые нормы, изложенные в ст. 3.2, 3.10 КоАП РФ, регламентирующие вопросы административного выдворения иностранного гражданина за пределы территории РФ, также представлены и в содержании Федерального закона № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», имеющего свой предмет правового регулирования. А перенесение остальных процедур удаления (депортации и реадмиссии) в иные нормативные правовые акты, возможно, является стратегически правильным решением, но вместе с тем явно недостаточным.

Систематизация указанных правовых норм в едином нормативном документе в сфере миграции способствовала бы большей эффективности деятельности компетентных органов по применению указанных механизмов удаления мигрантов с территории РФ и повышению государственного управления в реализации миграционной политики.

Безусловно, необходимо продолжать дальнейшее исследование актуальных проблем исполнения административных наказаний в отношении мигрантов, в том числе административного штрафа как самого распространенного в отношении данной категории лиц, с учётом проблемы взыскиваемости администра-

тивных штрафов в условиях пребывания мигрантов за пределами российского государства.

Анализируя правовую норму, изложенную в ст. 3.10 КоАП РФ [5], следует подчеркнуть, что сама по себе административная процедура удаления иностранных граждан за пределы нашего государства всё-таки остаётся несовершенной и нуждается в оптимизации с точки зрения цивилизованного подхода к разрешению данной проблемы. Так, например, прогнозируя в перспективе негативные юридические последствия, связанные с административным выдворением иностранного гражданина за пределы территории российского государства, представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне в качестве обязательного требования правовую норму, которая предполагала бы наличие у иностранца необходимой суммы денежных средств для возвращения в страну исхода, достаточной для приобретения обратного билета для иностранца и членов его семьи, которую он обязан перечислить на специальный счет, к примеру, органа исполнительной власти, чтобы финансовое бремя по его возвращению не возлагалось на бюджет российского государства. Представляется, что специальный счёт должен принадлежать той организации, которая в перспективе будет осуществлять функции по его административному выдворению в случае наступления негативных юридических последствий, связанных с процедурой его удаления с территории России.

В этой связи необходимо разработать и закрепить на законодательном уровне нашей национальной правовой системы правовую норму, которая бы устанавливала административный запрет на въезд в российское государство лицам из числа иностранцев и членов их семей, которые в установленном законом порядке были выдворены за пределы России и не исполнили возложенные на них судом финансовые обязательства.

Принимая во внимание вышесказанное, с учётом развития и модернизации информационного обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов внутренних дел, представляется целесообразным в качестве нового тренда административного законодательства в сфере миграции урегулировать нормами права процесс формирования нового единого информационного ресурса, который должен явиться неким конгломератом сведений регистрационного и миграционного учётов, как российских граждан, так и иностранцев и лиц без гражданства, с учётом обновления государственной информационной системы миграционного учета. Очевидно, что данная деятельность нуждается не только в технической модернизации, но и модернизации правовой регламентации в целях ее успешного функционирования.

Таким образом, новые тренды в административном законодательстве в сфере миграции подчёркивают возникшую потребность в систематизации миграционного законодательства. Эта необходимость

обусловлена также и тем, что в статусные федеральные законы в сфере миграции, с чётко определённым предметом правового регулирования, за время их действия внесено такое количество изменений и дополнений, в том числе правовых норм процедурного характера, которые, должны быть установлены, скорее всего, на уровне подзаконных нормативных актов, с учётом их уточняющего характера.

Вышеперечисленные юридические факты объективно свидетельствуют о необходимости разработки комплексного законодательного акта в сфере миграции. Не обязательно речь должна идти о Миграционном кодексе – идее, высказываемой ранее компетентными учёными и специалистами в рассматриваемой сфере. С учётом большого количества наименований нормативных правовых актов, используемых правовой наукой, подобный единый нормативный законодательный акт в сфере миграции вполне мог бы именоваться, например, «Свод законов в сфере миграции» или «Положение в сфере миграции в Российской Федерации».

«Свод законов в сфере миграции» мог бы явиться комплексным интегрирующим регулятором, устраняющим противоречия между систематизацией миграционного законодательства и процессом правотворчества в миграционной сфере, удобным с точки зрения правоприменения и реализации прав в рассматриваемой области, увеличивающим, таким образом, регулятивную эффективность права.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).
4. Распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2019 г. № 265-р «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 10 января 2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

References

1. Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 01/18/2022).
2. Federal Law of May 31, 2002 No. 62-FZ “On Citizenship in the Russian Federation” [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 01/18/2022).
3. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025” [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 01/18/2022).
4. Decree of the Government of the Russian Federation of February 22, 2019 No. 265-r “On the action plan for the implementation in 2019–2021 of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025” [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 01/18/2022).
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 30, 2021, with amendments and additions, effective from January 10, 2022) [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 01/18/2022).

Библиографический список

1. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М., 2019.
2. Гусев А.В. Совершенствование ведомственной регламентации выполнения международных обязательств Российской Федерации в системе МВД России // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 64–76.
3. Жеребцов А.Н. Кодификация миграционного законодательства как правовая основа формирования миграционной политики Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 2.
4. Солдатов А.П. О необходимости совершенствования института административной ответственности в области обеспечения режима пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48).
5. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: ИЗИСП: Юриспруденция, 2019. 400 с.

Bibliographic list

1. Andrichenko L.V., Plugina I.V. Migration legislation of the Russian Federation: development trends and application practice: monograph. M., 2019.
2. Gusev A.V. Improving departmental regulation of the fulfillment of international obligations of the Russian Federation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Russian Journal of Law. 2017. No. 5. S. 64–76.

3. Stallions A.N. Codification of migration legislation as a legal basis for the formation of the migration policy of the Russian Federation // Russian Justice. 2008. No. 2.

4. Soldatov A.P. On the need to improve the institution of administrative responsibility in the field of ensuring the regime of stay (residence) of foreign citizens on the territory of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (48).

5. Khabrieva T. Ya. Migration law: comparative legal research: monograph. Moscow: IZiSP: Jurisprudence, 2019. 400 p.

Информация об авторе

Столярова Зинаида Николаевна – кандидат юридических наук

Information about the author

Stolyarova Zinaida N. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Трудовые правоотношения в условиях цифровизации правовых и организационных миграционных механизмов

Хлебунова Светлана Александровна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

tvkh1954@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен процесс трудовой миграции в условиях цифровых технологий. Сделан сравнительный анализ различных подходов к определению понятий «миграция населения» и «трудовая миграция», приведены разные точки зрения на взаимосвязь детерминант миграционных процессов, обоснованы их различия. Автором сформулирован новый взгляд на понятие трудовой миграции, а также выделена дистанционная форма трудовой миграции. Рассмотрен переход трудовых отношений в цифровую среду как новый уровень зрелости трудовых отношений.

Ключевые слова: миграция населения, трудовая миграция, цифровые технологии, дистанционная форма трудовой миграции

Для цитирования: Хлебунова С. А. Трудовые правоотношения в условиях цифровизации правовых и организационных миграционных механизмов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 130–134.

Original article

Labor relations in the context of digitalization of legal and organizational migration mechanisms

Khlebunova Svetlana A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

tvkh1954@mail.ru

Abstract. The article considers the process of labor migration in the conditions of digital technologies. A comparative analysis of various approaches to the definition of the concepts of «population migration» and «labor migration» is made, different points of view on the relationship of these determinants of migration processes are given, their differences are substantiated. The author formulates a new view on the concept of «labor migration», and also defines a new remote form of labor migration. The transition of labor relations to the digital environment is considered as a new level of maturity of labor relations.

Keywords: federal territory, federalism, territorial structure, public authorities

For citation: Khlebunova S. A. Labor relations in the context of digitalization of legal and organizational migration mechanisms // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 130–134.

В эпоху стремительного развития информационных технологий наиболее важные сферы общественной жизни трансформируются в цифровую среду. Этому способствует несколько обстоятельств. Во-первых, появились новые технические средства и различные электронные платформы, которые позволили человеку, практически не выходя из дома, решать большую часть жизненно важных вопросов. Требуется только выход в интернет-пространство и

скорость трафика для получения и передачи информации. Появилась возможность взаимодействовать в дистанционном формате с государственными и частными организациями. Во-вторых, использование электронных платформ разных уровней помогает развивать и повышать цифровую грамотность граждан. В-третьих, электронными ресурсами могут поль-

зоваться как граждане, проживающие в стране, так и иностранцы и лица без гражданства внутри страны и за ее пределами. В-четвертых, технические возможности не только кардинально меняют традиционно существующие отношения субъектов (гражданина, организаций, государства) между собой, но и обеспечивают их взаимодействие в виртуальном пространстве с новыми участниками, например такими, как искусственный интеллект.

Особое значение для перехода механизмов трудовой миграции в цифровую среду имеет Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1], который утвердил в качестве одной из национальных целей развитие цифровой трансформации по достижению цифровой зрелости основных экономических и социальных отраслей, государственного управления. Поэтому развитие цифровизации в сфере трудовой миграции не стало неожиданным явлением, скорее это ожидаемая закономерность зрелости трудовых отношений. Трудовые ресурсы остаются одним из важных факторов, влияющих на экономическое и политическое положение страны. Формирование современных трудовых отношений в условиях цифровизации открывает принципиально новый взгляд на понятие трудовой миграции, расширяет горизонты правовых, политических и экономических отношений.

В историческом аспекте миграция населения существует с древнейших времен. На протяжении всей истории люди перемещались от одной территории к другой; условий для этого существовало множество – от географических открытий до локальных и мировых войн. Миграция населения выражается в переходе людей через административно-территориальные границы, переселении из одного места в другое, часто со сменой места жительства на длительное время или навсегда [2]. По мнению Л.Л. Рыбаковского, «миграция населения – это территориальные перемещения, представляющие серии событий, локализованных в пространстве и времени, совершаемые только между разными населенными пунктами, причем эти перемещения фиксируются тем или иным способом» [3, с. 47]. А.В. Павлюк, С.С. Кабакова определяют миграцию как «любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под превалирующим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих» [4, с. 135]. Существует большое количество точек зрения относительно самого понятия «миграция населения». При этом все они сходятся в одном, что население мигрирует не стихийно, а под воздействием череды событий. Вместе с тем эти события изучают разные дисциплины: экономика, социология, философия,

юриспруденция и т. д., поэтому формируются разные взгляды на миграцию, которые порождают широкое и многогранное его толкование. Кроме того, большинство определений миграции населения связаны с соотношением человека и определенной территории. В этой связи миграцию населения подразделяют на внутреннюю (внутри места проживания) и внешнюю, а классифицируют в зависимости от цели миграции: проживание, учеба, трудовая деятельность, лечение и т. д. Следует заметить, что трудовая миграция – всего лишь одна из целей общего понятия «миграция населения», но эти два понятия часто рассматривают как равнозначные.

Между тем в научной среде и юридическом законодательстве однозначной дефиниции понятия «трудовая миграция» не представлено. Данная тенденция прослеживается как в российском, так и в зарубежном праве.

В Международной конвенции ООН «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» от 18 декабря 1990 г. закреплено, что «трудящийся-мигрант – лицо, которое будет заниматься, занимается (или занималось) оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он (или она) не является» [5]. Нет понятия «трудовая миграция» и в Европейской конвенции № 93 «О правовом статусе трудящихся мигрантов» [6].

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года под трудовой миграцией понимается временная миграция с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг) [7]. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 2 июля 2020 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» понятия трудовой миграции не содержит, предложено только определение «трудовой деятельности иностранного гражданина в Российской Федерации на основании трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг)» [8].

Научные подходы к определению понятия трудовой миграции не содержат единого мнения. Взгляды ученых совпадают только в том, что трудовую миграцию связывают с передвижением людей внутри страны либо между странами ради заполнения незанятых рабочих мест [9]. Так, Т.М. Безбородова трактует трудовую миграцию «как социально-экономическое явление, пространственное перемещение трудоспособного населения, вызываемое изменениями в развитии и размещении производства и условиях существования рабочей силы, которое осуществляется индивидом преимущественно добровольно на определенный срок без смены постоянного места жительства с целью получения дохода или заработка» [10, с. 92].

По мнению С.В. Рязанцева, трудовая миграция – временное перемещение населения с целью работы в другой регион или страну с периодическим возвращением к обычному или постоянному месту житель-

ства независимо от способа пересечения границы и трудоустройства, времени и периодичности [11, с. 2].

Поэтому миграцию трудовых ресурсов традиционно подразделяют на внешнюю (экспорт и импорт трудовых ресурсов) и внутреннюю (перемещение рабочего населения внутри страны), как и миграцию населения.

Между тем введение ограничительных санкций, связанных со сдерживанием распространения пандемии коронавируса, позволило сформировать новую разновидность трудовой миграции – дистанционную. При осуществлении трудовой деятельности в дистанционной форме отпадает необходимость работника уезжать из места постоянного проживания, то есть покидать границы административно-территориального образования или страны. Пересечения территориальной границы как внутри страны, так и за её пределы не происходит, но миграция трудового ресурса фактически существует, поскольку работник трудится в виртуальном пространстве на благо другого субъекта или государства. На практике дистанционная форма труда очень востребована в отношении высококлассных специалистов, а лидерами среди стран являются Индия и Китай. В нашей стране дистанционный труд с регионами широко используют крупные города – Москва, Санкт-Петербург. В этой связи неправильно рассматривать трудовую миграцию только с позиции «привязки» к административно-территориальному делению. Кроме того, такая разновидность трудовой деятельности только начинает набирать обороты. Потребуется переосмысление нормативно-правовых документов по регулированию такой формы трудовых отношений, поскольку в этой области проецируются не только внутренние трудовые отношения, но и международные, а сфера законодательства охватывает гражданско-правовые и экономические аспекты.

Обобщая существующие мнения о трудовой миграции и учитывая появление новой дистанционной формы, можно предложить следующее понимание: трудовая миграция – социально-экономическое явление, связанное с получением дохода от трудовой деятельности индивида, при его временном перемещении относительно постоянного места проживания или дистанционно без выезда, при условии, что создаются экономические блага в другом субъекте или иностранном государстве.

В отличие от других миграционных целей трудовую миграцию осуществляют активные граждане трудоспособного возраста, обладающие достаточным физическим и интеллектуальным развитием [12, с. 45]. В результате, кроме компенсирования недостатка трудовых ресурсов в отдельных областях экономики, с помощью трудовой миграции восполняется демографический дефицит, поскольку миграцию с целью работы осуществляют люди репродуктивного возраста. Следует отметить, что полной адаптации у приезжих трудовых мигрантов не происходит. Наблюдается замещение коренной культуры и менталитета

на принципиально новый вид – смешанный. Смешанный тип этнокультуры вносит значительные изменения в уже устоявшиеся отношения между людьми, сложившиеся на определенной территории. На этом фоне возникают негативные настроения местного населения в отношении приезжих трудовых мигрантов. Кроме того, возрастает внутренняя конкуренция на рынке труда, поскольку трудовые мигранты готовы выполнять не привлекательную для местного населения работу за низкую заработную плату.

Следует заметить, что при определении понятия «трудовая миграция» намеренно не использована характеристика «граждан трудоспособного возраста, обладающих физическими данными», поскольку дистанционная форма осуществления трудовой деятельности расширяет возможности, при которых не только не требуется выезд с постоянного места проживания, но и создаются условия для вовлечения в трудовую деятельность лиц с ограниченными возможностями. Это достаточно многочисленные трудовые ресурсы, которые можно задействовать в условиях возросшего дефицита кадров.

Интеграционный процесс трудовой миграции динамично развивается во многих государствах. Нередкой является ситуация, при которой после въезда и окончания трудового договора мигранты остаются на территории иностранного государства нелегально. При этом жесткий контроль для регулирования числа въехавших и оставшихся трудовых мигрантов, по сути, отсутствует, поскольку цель въезда иностранных граждан, прибывающих в «безвизовом порядке», может меняться. По этой причине статистическая отчетность остается относительной, а число въехавших с трудовой целью и выехавших по окончании срока разнится. Поэтому для стабилизации трудовой миграции активно разрабатываются новые средства контроля.

Сегодня все больше стран, включая Россию, внедряют цифровые платформы с целью оптимизации контроля за въезжающими иностранцами, в частности за трудовыми мигрантами. Например, в России создается электронная платформа, после регистрации на которой иностранцы смогут пользоваться ею так же, как российские граждане – порталом «государственные услуги». Информация об иностранце на этой платформе, кроме персональных данных, будет содержать и биометрические. Наличие биометрических данных позволит идентифицировать иностранного гражданина и свести к минимуму практику изменения паспортных данных. Кроме того, благодаря биометрическим данным объединится вся компрометирующая информация в отношении иностранца, которая есть на территории Российской Федерации.

В масштабах электронной платформы планируется обеспечить взаимодействие иностранца как с государственными органами, так и с организациями, к ним не относящимися. Предполагается, что потенциальный трудовой мигрант еще до въезда в страну на этой платформе сможет проверить, не закрыт ли ему

въезд в страну, найти потенциального работодателя и место для проживания. В свою очередь, электронный ресурс, сформированный в отношении конкретного иностранца, позволит контролировать изменение цели его въезда, место пребывания и его перемену, срок выезда. В случае изменения статуса иностранца на временное проживание или постоянное (вид на жительство) путь можно отследить в регистрационном профиле. Информация из государственных органов будет поступать в профиль иностранца и сообщать ему о необходимости продления срока трудового договора, патента, пребывания, оплаты административного штрафа, налогов.

Внедрение электронных ресурсов и объединение существующих баз данных в трудовой сфере способствует созданию принципиально нового подхода к пониманию и регулированию этого вида отношений. Поэтому в условиях цифровизации трудовой миграции должны быть реализованы следующие перспективные меры:

- разработка «Дорожной карты» позволит достичь четких целей по перспективам трудовой миграции в условиях цифровой среды;

- новая дистанционная форма трудовой миграции потребует пересмотра и создания нормативных правовых документов для её регулирования, распознавания и экономического контроля такой трудовой деятельности;

- цифровизация трудовой миграции позволит активнее привлекать к трудовым отношениям людей с ограниченными возможностями, которые в отдельных областях закروют кадровый дефицит;

- автоматизация процесса трудовых отношений позволит четко прогнозировать потребность трудовых ресурсов по направлениям экономики, перераспределения их относительно территории субъектов и выявлять потребность в привлечении квалифицированных иностранных работников;

- электронные платформы, созданные в отношении иностранных работников, ужесточат контроль за количеством въехавших иностранцев, в том числе нелегально прибывающих в страну.

Решение задач трансформации механизмов трудовой миграции в сферу цифровых технологий позволит трудовым отношениям перейти на новый совершенный уровень развития, достичь цифровой зрелости в экономической отрасли, социальной сфере и государственном управлении.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 17.10.2021).

2. Ткаченко А. А. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://bigenc.ru/economics/text/2211349> (дата обращения: 17.10.2021).

3. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения: монография. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты [Электронный ресурс]. URL: <http://rybakovsky.ru/pdf/migration2.pdf> (дата обращения: 27.10.2021).

4. Павлюк А. В., Кабакова С. С. Административно-правовое регулирование внешних трудовых миграционных потоков в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2017. № 5.

5. Международная конвенция ООН «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» от 18 декабря 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.10.2021).

6. Европейская конвенция о правовом статусе трудящихся мигрантов (ETS № 93): заключена в г. Страсбурге 24 ноября 1977 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.10.2021).

7. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.10.2021).

8. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.10.2021).

9. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: <http://migration.academic.ru/106> (дата обращения: 27.10.2021).

10. Безбородова Т. М. К вопросу об определении понятия и административно-правового статуса трудового мигранта // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40).

11. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 572 с.

12. Якшибаев Г. В., Назаров У. А. Сущность трудовой миграции как экономической категории и ее значение для социально-экономического развития региона // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030» [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. (date of access: 10/17/2021).

2. Tkachenko A. A. Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. URL: <http://bigenc.ru/economics/text/2211349> (date of access: 10/17/2021).

3. Rybakovsky L. L. History and theory of population migration: monograph. Book. 2: Population migration: phenomenon, concept, determinants [Electronic resource]. URL: <http://rybakovsky.ru/pdf/migration2.pdf> (date of access: 27.10.2021).

4. Pavlyuk A. V., Kabakova S. S. Administrative and legal regulation of external labor migration flows in

the Russian Federation // Socio-political sciences. 2017. No. 5.

5. UN International Convention «On the protection of the rights of all migrant workers and members of their families» of December 18, 1990 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 27.10.2021).

6. European Convention on the Legal Status of Migrant Workers (ETS No. 93): concluded in Strasbourg on November 24, 1977 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 27.10.2021).

7. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025" [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 27.10.2021).

8. Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 27.10.2021).

9. Yudina T. N. Migration: a dictionary of basic terms: textbook. allowance [Electronic resource]. URL: <http://migration.academic.ru/106> (date of access: 10/27/2021).

10. Bezborodova T. M. On the issue of defining the concept and administrative and legal status of a labor migrant // Problems of the modern economy. 2011. No. 4 (40).

11. Ryazantsev S. V. Labor migration in the CIS and Baltic countries: trends, consequences, regulation. Moscow: Formula of Law, 2007. 572 p.

12. Yakshibaev G. V., Nazarov U. A. Essence of labor migration as an economic category and its significance for the socio-economic development of the region // Living standards of the population of regions of Russia. 2016. No. 3 (201).

Информация об авторе

Хлебунова Светлана Александровна – кандидат юридических наук

Information about the author

Khlebunova Svetlana Alexandrovna – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Всесоюзный спортивный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» и организационно-правовой статус добровольных спортивных организаций в СССР в 1930-е годы

Шурманов Евгений Александрович¹, Овчаренко Павел Андреевич²

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента Российской Федерации
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, shurmanov@bk.ru

² Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия,
pavel2579@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – в ретроспективном анализе организационно-правового статуса добровольных спортивных организаций в СССР показать их роль в физическом воспитании советских граждан в рамках Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) перед началом Великой Отечественной войны и спрогнозировать пути его дальнейшего развития. В работе проведен теоретический анализ и обобщение литературы, мониторинг интернет-сайтов, поиск и анализ информации по вопросам зарождения и дальнейшего развития программы ГТО в Советском Союзе в 1930-е годы. Использовался метод сравнительного правоведения, метод системного анализа, анализа советских и российских нормативных правовых актов. Специальной целью создания добровольных спортивных обществ в 1930-е гг. было объединение граждан для решения задач развития массовой физической культуры и спорта, а также подготовки мобилизационного резерва для нужд обороны СССР в условиях надвигающейся Второй мировой войны. Добровольные спортивные общества обеспечили страну спортивными и военными кадрами через массовую военно-спортивную подготовку советского народа. Предложены пути реформирования действующего законодательства в области регулирования физической культуры и спорта на основе советского опыта для совершенствования системы физического и патриотического воспитания.

Ключевые слова: готов к труду и обороне, добровольные спортивные общества, советское законодательство, спорт, мобилизационный ресурс, Великая Отечественная война

Для цитирования: Шурманов Е. А., Овчаренко П. А. Всесоюзный спортивный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» и организационно-правовой статус добровольных спортивных организаций в СССР в 1930-е годы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 135–139.

Original article

The all-union sports complex «Ready for labor and defense of the USSR» and the organizational and legal status of voluntary sports organizations in the USSR in the 1930s

Shurmanov Eugene A.¹, Ovcharenko Paul A.²

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, shurmanov@bk.ru

² Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, pavel2579@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to show in a retrospective analysis of the organizational and legal status of voluntary sports organizations in the USSR their role in the physical education of Soviet citizens within the framework of the All-Union Physical Culture Complex «Ready for Labor and Defense of the USSR» (TRP) before the start of the Great Patriotic War and to predict the ways of further development. The paper provides a theoretical analysis and

generalization of literature, monitoring of Internet sites, search and analysis of information on the origin and further development of the TRP program in the Soviet Union in the 1930s. The method of comparative law, the method of system analysis, the analysis of Soviet and Russian normative legal acts was used. The special purpose of creating voluntary sports societies in the 1930s was to unite citizens to solve the problems of developing mass physical culture and sports, as well as preparing a mobilization reserve for the needs of the defense of the USSR, in the context of the impending World War II. Voluntary sports societies provided the country with sports and military personnel through mass military sports training of the Soviet people. The ways of reforming the current legislation in the field of regulation of physical culture and sports on the basis of Soviet experience to improve the system of physical and patriotic education are proposed.

Keywords: ready for work and defense, voluntary sports societies, Soviet legislation, sport, mobilization resource, Great Patriotic War

For citation: Shurmanov E. A., Ovcharenko P. A. The all-union sports complex «Ready for labor and defense of the USSR» and the organizational and legal status of voluntary sports organizations in the USSR in the 1930s // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 135–139.

Введение.

Программа физической и культурной подготовки «Готов к труду и обороне» охватывала общеобразовательные, профильные и профессиональные организации Советского Союза и являлась государственной системой программно-оценочных нормативов и требований по физической подготовленности советских граждан. Идеологически программа возникла как ответ на вызовы послереволюционного периода: противостояние идеологии Советского государства остальному миру вовне и гражданская война внутри государства.

В СССР формировалась административно-командная система, шла индустриализация и милитаризация экономики. Спорт в таких условиях стал способом воспитать дисциплину, порядок, обеспечить хорошую физическую подготовку военизированного советского общества. Отметим, что аналоги ГТО есть и за рубежом: например, в Швеции существует «Школьный спортивный значок», в Австрии выдается значок *Das Österreichische Sport – und Turnabzeichen* (дословно «значок Австрии по спорту и гимнастике»), в Германии – немецкий спортивный значок (нагрудный знак Национального спорта *sportabzeichen*) – высшая награда за пределами соревновательного спорта, которая присуждается в качестве подтверждения гармоничного физического развития тестируемого. В США близким к ГТО является «спортивное самосовершенствование» скаутов. И несмотря на аналоги, ГТО – уникальная программа, популярная до конца 20 века. Ее исторический анализ позволяет предложить пути совершенствования сегодняшней системы ГТО в России.

Цель исследования – в ретроспективном анализе организационно-правового статуса добровольных спортивных организаций в СССР показать их роль в физическом воспитании советских граждан в рамках Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) перед началом Великой Отечественной войны и спрогнозировать пути дальнейшего развития комплекса ГТО.

Методика и организация исследования. Нормативная основа.

Нормативно-правовой основой развития системы ГТО и спортивных организаций становится принятый Центральным Комитетом декрет «Об обязательном обучении военному искусству» (1918 г.), предполагавший обучение военному делу. И уже в 1931 году принимается программа ГТО, которая состояла из двух частей: первая была ориентирована на учащихся средней школы («Будь готов к труду и обороне СССР»), вторая – «Готов к труду и обороне» – на учащихся старше 16 лет и обычных граждан. Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) – программа физкультурной подготовки граждан в общеобразовательных, профессиональных и спортивных организациях СССР [1, с. 17]. Комплекс «Готов к труду и обороне СССР» был утверждён постановлением Всесоюзного Совета физической культуры (ВСФК) при ЦИК СССР от 11 марта 1931 года. Он включал I ступень, в которой были 3 возрастные группы, для получения значка надо было сдать зачёты по 21 виду упражнений. В 1932 году ВСФК ввёл II ступень с теми же тремя возрастными группами, но более высокими нормативами и 24 видами упражнений. В 1934 году была введена ступень «Будь готов к труду и обороне СССР» (БГТО) с возрастными группами 13–14 и 15–16 лет [2, с. 65].

Перед Великой Отечественной войной в комплекс ГТО были введены военно-прикладные виды упражнений (например, метание гранаты, переноска патронного ящика), что говорит об усилении милитаризации программы; с 1939 года все большее внимание начинают уделять развитию именно военно-прикладных видов спорта. Согласимся с мнением, что в этот период развитие физической культуры и спорта приобретает все более прагматичный характер по обеспечению Красной Армии боеспособным подготовленным пополнением. Мероприятия ГТО привели к повышению мобилизационной готовности, значительному укреплению физического и морально-нрав-

ственного облика граждан перед началом Великой Отечественной войны.

Результаты исследования и их обсуждение.

В рамках проблематики системы ГТО важно уделить внимание изучению особенностей организационно-правового статуса добровольных спортивных организаций в СССР, показать их роль в системе физического воспитания советских граждан в рамках Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) перед началом Великой Отечественной войны [3]. Добровольные спортивные общества (ДСО) в условиях подготовки спортивных и мобилизационных ресурсов СССР становятся ключевым элементом этой системы. ДСО в силу уникального сочетания организационно-правового статуса, основанного на добровольном членстве советских граждан, и четкого включения спортивных организаций в общесоюзную программу ГТО были в состоянии обеспечить подготовку спортсменов страны и населения, включить их в мобилизационные ресурсы в условиях надвигающейся войны с нацистской Германией.

В нашей стране исследованию организационно-правового статуса добровольных спортивных обществ, их роли в рамках общесоюзной программы ГТО в 1930-е годы посвящены труды Агаркова М.М., Алексеева С.С. Аксельрод С.Л., Братуся С.Н., Генкина Д.М. Степанова С.А., Сергеева С.А., Уварова В.А. и других авторов. Несмотря на это, данная тема до сих пор является малоизученной. Представляется, что урегулирование статуса спортивных организаций в современной России и включение их в общероссийскую программу ГТО позволит готовить не только спортсменов, но и мобилизационные ресурсы страны, укреплять морально-нравственный облик уже российских граждан.

Статья 126 Конституции СССР 1936 года предоставляла гражданам право объединяться в различные, в том числе спортивные, организации: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества...» [4].

Советская власть, заинтересованная в спортивных и оборонных ресурсах, признавала право граждан на объединение в спортивные и военные добровольные общественные организации (неслучайно в Конституции СССР 1936 года данные виды организаций стояли рядом), обеспечивала это право на высшем законодательном уровне, а также решала задачи организационно-правового характера, в том числе через закрепление за ними статуса юридического лица.

Статьи 13 и 14 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года гласили: «Юридическими лицами признаются объединения лиц, учреждения или организации, которые могут, как таковые, приобретать права по иму-

ществу, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде. Юридическое лицо должно иметь утвержденный, а в подлежащих случаях зарегистрированный уполномоченным на то органом устав или положение. Определенные в законе виды товариществ, преследующих хозяйственные цели, могут вместо устава иметь товарищеский договор, зарегистрированный в установленном порядке. Правоспособность юридического лица возникает с момента утверждения устава (положения), а в тех случаях, когда закон требует регистрации юридического лица, – с момента таковой регистрации» [5].

Для спортивной организации как юридического лица были характерны организационное единство; имущественная обособленность; самостоятельная имущественная ответственность; право выступать от своего имени.

При этом, с точки зрения советского гражданского права, решающим признаком служила имущественная обособленность, с которой по общему правилу связывалось самостоятельное участие учреждения, предприятия, общественной организации в гражданских правоотношениях, то есть возможность выступать в качестве субъекта права [6, с. 140].

Общественные организации тех лет можно было подразделить:

- а) на профессиональные союзы;
- б) добровольные общества и союзы;
- в) прочие общества и союзы [7, с. 22].

Спортивные организации формировались в виде добровольных спортивных обществ, которые объединяли трудящихся и молодежь, занимающихся физкультурой, спортом и туризмом. Объединение происходило через первичные организации (трудовые коллективы или спортивные секции). ДСО занимались развитием массовой физической культуры среди населения, спорта и туризма, подготовкой в рамках программы ГТО оборонных резервов, а также спортсменов-разрядников, мастеров спорта, повышением их спортивного мастерства. Добровольные спортивные общества создавались по территориальному (в союзных республиках) или производственно-отраслевому признаку, объединяя коллективы физической культуры района, области, республики; предприятий,строек, одной или нескольких отраслей народного хозяйства, учебных заведений и др.

Деятельность добровольных обществ регулировалась Положением о добровольных обществах и их союзах, утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г. Согласно ст. 1 данного Положения добровольные общества и их союзы являлись организациями общественной самостоятельности трудящихся масс города и деревни, которые ставили своей задачей активное участие в социалистическом строительстве СССР, а также содействие укреплению обороны страны. Поэтому в отношении них особо строго соблюдался принцип специальной правоспособности, им было прямо воспрещено совершение хозяйственных операций, не входивших в круг их уставных задач. Спе-

циальной целью спортивных добровольных обществ являлось активное социалистическое строительство и содействие укреплению обороны страны [8].

Учредителями и членами добровольных спортивных обществ могли быть:

- а) граждане СССР, достигшие 18-летнего возраста;
- б) иностранцы, постоянно проживающие в СССР и пользующиеся активным избирательным правом (т. е. правом избирать в советы депутатов);
- в) государственные учреждения, хозяйственные органы и общественные организации.

Устав спортивной организации предусматривал задачи общества, способы осуществления и район его деятельности; порядок поступления в члены общества и порядок выбытия из них; права и обязанности членов общества; источники финансирования; а также иные вопросы (ликвидация, слияние).

В последующем заявление о регистрации ДСО в зависимости от его масштаба стали подавать в следующие государственные органы:

- а) Народный Комиссариат финансов СССР;
- б) народные комиссариаты финансов союзных и автономных республик;
- в) краевые, областные, городские, окружные и районные финансовые отделы.

Регистрация ДСО производилась по заявлению руководителя [9]. На спортивные организации также распространялись правила, связанные с реорганизацией юридических лиц, где порядок слияния или разделения определялся госорганами, утвердившими устав [10, с. 65].

По советскому законодательству ДСО, например «Спартак» или «Динамо», являлись полноценными юридическими лицами, обладали гражданской правоспособностью, действовали на основании устава, вправе были заключать сделки в интересах деятельности общества, приобретать гражданские права и нести обязанности, быть в суде истцами и ответчиками.

Выводы.

Специальной идеологической целью создания добровольных спортивных обществ в 1930-е гг. было объединение граждан для решения задач развития массовой физической культуры и спорта, а также подготовки мобилизационного резерва для нужд обороны СССР в условиях надвигавшейся Второй мировой войны. ДСО проделали значительную работу, обеспечив страну спортивными и военными кадрами через массовую военно-спортивную подготовку советского народа. В современных условиях кризиса международных отношений необходимо обратиться к прошлому советскому опыту 30-х годов XX века и пересмотреть ряд положений нормативных актов, в частности Федерального закона о физической культуре и спорте в РФ от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ, Постановления Правительства РФ от 11 июня 2014 г. № 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе "Готов к труду и обороне" (ГТО)» [11; 12].

Необходимо на законодательном уровне включить во все спортивные организации программу Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) и соблюдать принцип специальной правоспособности, направленный не только на достижение целей деятельности в области спорта, но также на укрепление обороноспособности РФ, подготовку мобилизационных ресурсов населения.

Сегодня мы можем наблюдать незавершенность нормативно-правового регулирования этих вопросов, в первую очередь на региональном и муниципальном уровнях, что выражается в недостаточном взаимодействии ведомств, участвующих во внедрении Комплекса ГТО (физическая культура и спорт, образование, здравоохранение и др.), на разных уровнях власти; низком уровне материально-технического и спортивно-технологического обеспечения, недостаточном финансировании Комплекса ГТО во многих муниципальных образованиях; отсутствии механизмов организации массового проведения установленного медицинского осмотра (обследования) для допуска к занятиям физической культурой, массовыми видами спорта и выполнению испытаний Комплекса ГТО. Представляется, что через призму советского опыта реализации программы ГТО и деятельности добровольных спортивных организаций обозначенные проблемы могут быть решены путем формирования комплекса мер по мотивации населения к занятиям физической культурой и спортом и выполнению ГТО; усилению межведомственного взаимодействия по вопросам внедрения ВФСК ГТО; привлечения ресурсов волонтерских центров для популяризации Комплекса ГТО в молодежной среде. Это обеспечит преемственность довоенных добровольных спортивных обществ (ДСО) и современных спортивных организаций и физкультурно-спортивных клубов (ФСК), восстановит связи между спортом высших достижений и массовым спортом в целях сохранения здоровья и благополучия нации.

Список источников

1. Аксельрод С. Л. Всесоюзный физкультурный комплекс ГТО. Москва: Союз спортивных обществ и организаций СССР, 1959.
2. Уваров В.А. 50 лет на службе народу // Физическая культура в школе. 1981. № 3.
3. Постановление СНК СССР от 26 ноября 1939 г. № 1955 «О введении нового физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР»» // СП СССР. 1940. № 1. Ст. 8.
4. Конституция (Основной Закон) СССР: утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда СССР от 5 декабря 1936 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданский кодекс РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г. (с изм. от 02.02.1923) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Агарков М. М., Генкин Д. М. Гражданское право. Москва: Изд-во НКЮ СССР, 1944. Т. 1.

7. Юридический словарь / гл. ред. П. И. Кудрявцев. Москва: Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. Т. 2.

8. Положение о добровольных обществах и их союзах: утв. ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г. // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление СНК СССР от 16 апреля 1940 г. № 533 «Об утверждении Положения о государственной регистрации государственных, кооперативных, общественных хозяйственных организаций и предприятий» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Братусь С. Н. Гражданское право / под ред. С. Н. Братуся. Москва: Изд-во Минюста СССР, 1947.

11. Постановление Правительства РФ от 11 июня 2014 г. № 540 (ред. от 29.11.2018) «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Axelrod S. L. All-Union sports complex GTO. Moscow: Union of Sports Societies and Organizations of the USSR, 1959.

2. Uvarov V. A. 50 years in the service of the people // Physical culture at school. 1981. No. 3.

3. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR dated November 26, 1939 No. 1955 «On the introduction of a new sports complex «Ready for labor and defense of the USSR»» // SP USSR. 1940. No. 1. Art. 8.

4. Constitution (Basic Law) of the USSR: approved. Decree of the Extraordinary VIII Congress of the USSR of December 5, 1936 // SPS «Consultant Plus».

5. Civil Code of the RSFSR: approved. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 11, 1922 (as amended on February 2, 1923) // ATP «Consultant Plus».

6. Agarkov M. M., Genkin D. M. Civil law. Moscow: Publishing House of the NKJU USSR, 1944. Vol. 1.

7. Legal Dictionary / ch. ed. P. I. Kudryavtsev. Moscow: State. Publishing House of Law. Literature, 1956. T. 2.

8. Regulations on voluntary societies and their unions: approved. All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR July 10, 1932 // SPS «Consultant Plus».

9. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of April 16, 1940 No. 533 «On approval of the Regulations on state registration of state, cooperative, public economic organizations and enterprises» // ATP «Consultant Plus».

10. Bratus S.N. Civil law / ed. S. N. Bratusya. Moscow: Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1947.

11. Decree of the Government of the Russian Federation of June 11, 2014 No. 540 (as amended on November 29, 2018) «On Approval of the Regulations on the All-Russian Physical Culture and Sports

Complex «Ready for Labor and Defense» (TRP)» // ATP «ConsultantPlus».

12. Federal Law of December 4, 2007 No. 329-FZ «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» // ATP «ConsultantPlus».

Информация об авторах

Шурманов Евгений Александрович – кандидат педагогических наук

Information about the authors

Shurmanov Eugene A. – Candidate of Pedagogical Sciences

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 29.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 24.03.2022.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Научная статья
УДК 340

Общетеоретическая характеристика субъективных элементов состава неправомерного деяния

Кротова Екатерина Николаевна
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
krotova.en@yandex.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает наиболее существенные общетеоретические особенности проявления субъективных элементов состава неправомерного деяния. Раскрываются такие понятия, как «субъект состава неправомерного деяния» и «субъективная сторона состава неправомерного деяния».

Ключевые слова: неправомерные деяния, юридический факт, субъект состава неправомерного деяния, субъективная сторона состава неправомерного деяния

Для цитирования: Кротова Е. Н. Обще­теоретическая характеристика субъективных элементов состава неправомерного деяния // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 140–146.

Original article

General theoretical characteristics of the subjective elements of the unlawful act

Krotova Ekaterina N.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
krotova.en@yandex.ru

Abstract. In the article, the author examines the most significant general theoretical features of the manifestation of subjective elements of the unlawful act. Such concepts as «the subject of the composition of the unlawful act» and «the subjective side of the composition of the unlawful act» are revealed.

Keywords: unlawful acts, legal fact, the subject of the composition of the unlawful act, the subjective side of the composition of the unlawful act

For citation: Krotova E. N. General theoretical characteristics of the subjective elements of the unlawful act // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 140–146.

Под составом неправомерного деяния понимается совокупность необходимых для установления факта совершения неправомерного деяния, накопленных в определенной последовательности субъективных или объективных элементов. Стоит отметить, что в составе неправомерного деяния можно выделить такие же элементы, как и в составе юридического факта,

а именно: субъект, субъективная сторона, объект и объективная сторона, каждый из которых имеет свои особенности проявления. Безусловно, при рассмотрении состава неправомерного деяния указанные элементы будут иметь свои отличительные особенности, которые во многом перекликаются с признаками рассматриваемого явления. При исследовании

неправомерных деяний как юридического факта особое внимание необходимо уделить проблеме определения субъективных элементов состава неправомерного деяния. Значимость исследования данного аспекта обусловлена тем, что именно в ходе установления субъективных элементов можно достоверно определить субъекта, совершившего неправомерное деяние, кроме того, отношение данного лица к своему поступку, наличие вины, мотивов и целей.

Первым элементом состава неправомерного деяния является субъект. Чтобы уяснить роль субъекта неправомерного деяния для формирования четкого представления относительно его состава, необходимо в первую очередь установить, что включает в себя понятие субъекта с точки зрения не только правовой действительности, но и со стороны различных типов правопонимания (позитивистского, естественно-правового и психологического), что позволит отразить неоднозначность такого элемента состава неправомерного деяния, как субъект.

Так, в психологической концепции правопонимания сложилось мнение, что физические лица как субъекты права на деле предстают субъектами, способными не только к рационально закрепленным в норме права деяниям: «Физические лица – люди могут обладать и обладают особенностями психоэмоциональной сферы, склада характера, типа темперамента, совокупностью, а в некоторых случаях – системой представлений о праве, морали, эстетическими предпочтениями и т.п.» [1]. При помощи исследования субъекта неправомерного деяния с позиции психологической концепции правопонимания можно проследить его взаимосвязь с волей лица, что в совокупности с психологическими особенностями личности способствует приближению к истинной сущности субъекта.

Сторонники естественно-правовой концепции правопонимания полагают, что понятие субъекта права должно основываться не только на социально-юридических, но и на естественных правах граждан. По мнению Е. Н. Трубецкого, «субъектом права называется всякий, кто способен иметь права независимо от того, пользуется ли он ими в действительности или нет» [2, с. 160]. Однако по отношению к субъекту неправомерного деяния возможность применения данной концепции ставится под сомнение, поскольку большое влияние оказывает не только наличие данных от рождения естественных прав, но и наличие мотивов и внутренних побуждений при принятии решения совершении неправомерного поступка. Нет никаких сомнений, что при установлении такого элемента состава неправомерного деяния, как субъект, необходимо обращать свое внимание на указанную взаимосвязь.

В соответствии с позитивистским типом правопонимания субъектом права является не что иное, как всё, что признается таковым объективными нормами, выраженными в писаном законе. Сторонники позитивистской школы считают, что недееспособные лица не

могут выступать в качестве субъектов права, поскольку человек становится субъектом, когда происходит признание его определенных юридических свойств, которые служат необходимым условием участия лица в правовых отношениях. Без вышеперечисленных качеств, получаемых индивидом от общества и государства, нет субъекта права. Из чего следует, что субъектом может быть только человек (или коллектив людей), мыслящее существо, наделенное способностью принимать решения и обладающее свободой воли [3, с. 21-25]. Стоит отметить, что данная концепция представляется наиболее сопоставимой применительно к пониманию субъекта неправомерного деяния. Однако другие концепции типов правопонимания также нельзя оставлять без внимания, поскольку последние способствуют анализу рассматриваемого явления со всех сторон, что немаловажно для уяснения сущности субъекта.

Что касается характеристики субъекта неправомерного деяния с точки зрения правовых норм, то при его описании необходимо помнить, что такая характеристика включает в себя несколько элементов: кем совершено неправомерное деяние – физическим или юридическим лицом, если физическим, то возраст субъекта и его психологические характеристики, в частности вменяемость. На первый взгляд, субъект неправомерного деяния ничем не отличается от субъекта совершения преступления, однако между собой указанные элементы имеют ряд отличий. Во-первых, это «самостоятельная ответственность» за вред, причиненный неправомерным действием или бездействием субъекта, что отличается от деликтоспособности главным образом тем, что критерий «самостоятельной ответственности» в данном случае трактуется более расширенно и включает в себя не только юридические компоненты в виде вменяемости и возраста субъекта, но и психологические, эмоциональные и моральные компоненты, которые состоят в основном из оценки своих действий или бездействия с точки зрения добра и зла, в совокупности с эмоциональным окрасом деяния субъекта и специфическими особенностями его психики. Во-вторых, субъект неправомерного деяния – гораздо более широкая категория по причине того, что включает в себя субъектов совершения не только преступления, но и других неправомерных деяний злоупотребления правом, объективно противоправных деяний, а также проступков в различных отраслях права. Данный аспект усложняет процесс описания субъекта неправомерного деяния, поскольку у каждой разновидности он будет иметь свои отличительные особенности, однако некоторые характеристики все же будут оставаться неизменными, и каждую из них следует описать более подробно.

Так, субъектом неправомерного деяния могут быть как физические, так и юридические лица. При описании юридических лиц в качестве субъектов неправомерных деяний необходимо помнить, что правосубъектность организаций отличается от таковой у

физических лиц. По мнению И. Б. Новицкого, для того чтобы юридическое лицо было признано субъектом каких-либо правоотношений, в том числе возникающих в связи с фактом совершения правонарушений, все требования закона, установленные для возникновения юридического лица, должны быть выполнены [4, с. 33] (то есть правильное оформление и регистрация юридического лица в качестве такового), о чем необходимо помнить при описании юридического лица как субъекта состава правонарушения. При этом следует отметить, что в составах правонарушений, где в качестве субъекта выделено юридическое лицо, можно наблюдать множество сложностей, связанных как с определением учредителей и долей их вложений в юридическое лицо, так и видов и форм вины последнего при совершении правонарушений, что, в свою очередь, относится к субъективной стороне состава правонарушения.

Однако не все виды правонарушений могут быть совершены юридическими лицами, к таким, к примеру, относятся преступления (в УК РФ уголовная ответственность применяется только к физическим лицам) и, как правило, объективно-противоправные деяния (совершаются физическими лицами при условии отсутствия признака вины субъекта). Что касается других разновидностей правонарушений – правонарушений в различных отраслях права (гражданские, административные, налоговые) и злоупотреблений правом, в их составе в качестве субъекта может быть выделено юридическое лицо.

При описании физического лица в качестве субъекта правонарушения следует выделить несколько существенных моментов, на которые необходимо обратить внимание для установления всех элементов состава правонарушения, в частности, его субъекта. Во-первых, при установлении субъекта правонарушения необходимо помнить, что таковыми не могут быть малолетние лица, которые не достигли определенного возраста (до 14 лет). Стоит отметить, что данное правило распространяется не на все разновидности правонарушений, в отдельных случаях есть исключения (для некоторых составов преступления уголовная ответственность наступает с 18 лет), что касается остальных разновидностей правонарушений, их субъектом могут выступать только лица не младше 14 лет. Указанное ограничение для признания лица субъектом совершения правонарушения связано с тем, что до 14 лет лица обладают ограниченной дееспособностью, поскольку в силу своего возраста не способны отдавать отчет в совершаемых ими действиях, а также руководить ими, в этот период от имени ребенка действуют его законные представители: оба родителя, один из них, опекуны или усыновители. Данный факт не позволяет признать малолетнее лицо субъектом правонарушения, в противном случае за него будут нести ответственность его законные представители.

Во-вторых, субъектом правонарушения деяния не могут быть невменяемые, то есть лица, находящиеся в таком психическом состоянии, которое заключается в неспособности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. О важности данного ограничения для признания лица субъектом правонарушения писал в своей работе О.С. Иоффе, по мнению которого, «...только вменяемые могут совершать противоправные действия или, наоборот, допускать противоправное бездействие, что касается причинной связи, то причинить, конечно, может и невменяемый. Но такая причинность не приобретает значение элемента состава совершенного им правонарушения – не только потому, что она не охватывается предвидением невменяемого, ибо вина не всегда является условием ответственности, а ввиду неспособности невменяемого к совершению правонарушения вообще» [5, с. 61].

При определении, является ли то или иное лицо субъектом правонарушения, необходимо учитывать вышеописанные факторы, которые способствуют точному установлению рассматриваемого элемента состава правонарушения. Важность субъекта связана с тем, что именно с этого элемента состава следует начать анализ совершаемых правонарушений или бездействия по причине того, что без правильного определения субъекта правонарушения дальнейшее установление объективных элементов состава будет довольно проблематичным. Здесь большое значение играет, в частности, то, насколько конкретно в нормах права указаны возможные субъекты правонарушений, на чем делал акцент С. С. Алексеев: «Круг возможных субъектов общим образом определяется в юридических нормах. При наличии же известных жизненных обстоятельств (рождение человека, достижение им установленного возраста и т.д., а в отношении организации – образование организации, ее регистрация и др.) круг лиц, обладающих способностью участвовать в правоотношениях, определяется и конкретно» [6, с. 278]. Норма права позволяет облегчить установление субъекта правонарушения – будь то сложно-организованное юридическое лицо или физическое лицо со своими ограничениями в виде возраста и вменяемости, – что приблизит правоприменителя к определению других элементов состава правонарушения, наиболее взаимосвязанных с субъектом, которым в первую очередь выступает субъективная сторона правонарушения.

Такой элемент состава правонарушения, как субъективная сторона, вбирает в себя несколько ключевых характеристик, которые позволяют проанализировать поведение субъекта с точки зрения преследуемых им целей и наличия мотивов, а также виновности лица и его эмоционального отношения к совершению правонарушения. Субъективная сторона как элемент состава правонарушения является обязательной составляющей при опи-

сании особенностей совершения того или иного вида неправомерных деяний. При этом, чтобы всесторонне рассмотреть указанный элемент состава неправомерного деяния, необходимо изучить каждую его составляющую (а именно: вину, мотив, цель и субъективную связь между волей субъекта и деянием) более подробно не только с точки зрения норм права, но и с позиции психологии и философии, что позволит досконально исследовать субъективную сторону состава неправомерного деяния.

Одним из важнейших составных элементов субъективной стороны неправомерного деяния выступает наличие вины субъекта. Упоминание вины в большинстве своем ассоциируется с такой разновидностью неправомерных деяний, как правонарушение, однако вина субъекта присутствует и в других видах неправомерных деяний (за исключением объективно противоправного поведения). При раскрытии в субъективной стороне состава неправомерного деяния элемента наличия вины лица стоит отметить, что данная характеристика будет трактоваться более широко, а не только как общепринятая в уголовном праве вина в форме умысла или неосторожности. В данном аспекте обширному толкованию вины субъекта способствует тот факт, что любая разновидность неправомерных деяний всегда негативно оценивается со стороны государственной власти и общества в целом, что позволяет рассматривать вину субъекта не только как психическое отношение лица к совершенному деянию в рамках возлагаемой на него юридической ответственности, но и как отрицание и несоблюдение лицом установленных в обществе ценностей и норм поведения, что может быть включено в нарушение норм морали.

Из этого следует, что субъект неправомерного деяния может обладать различными видами вины, о чем упоминал в своих работах О.А. Красавчиков: «Иные виды вины – вина моральная и т. п. – также составляют психическое отношение лица к своим действиям, образующим нарушения неюридических норм общественного поведения, и по форме совпадают с юридическим умыслом и неосторожностью. Эти виды вины также нельзя назвать положительным субъективным отношением лица к обществу и его интересам» [7, с. 143]. При этом автор отмечал важность вины как психического отношения лица к своему конкретному внешнему поведению и его последствиям, а не как состоянию психики данного лица вообще, что, безусловно, относится к субъективной стороне состава неправомерного деяния. Что касается толкования вины с точки зрения норм морали, данный подход вполне можно применять к такой разновидности неправомерных деяний, как злоупотребление правом, поскольку в данном случае лицо не несет юридической ответственности и довольно проблематично установить вину лица в рамках норм права, однако указанный факт не говорит о том, что субъект в принципе не имеет вины в совершенном деянии, и здесь вполне целесообразным была бы оценка поведения

лица с точки зрения моральной вины, что показывает многогранность вины как элемента субъективной стороны состава неправомерного деяния.

О двойственной природе вины писали в своих работах известные немецкие философы И. Кант и Г. Гегель. Так, И. Кант обоснование вины основывал на разуме, который прямым образом связан с умопостигаемым характером лица. По мнению И. Канта, «когда человек совершает преступление, вина целиком ложится на него, ибо, несмотря на все эмпирические условия поступка, разум был вполне свободен» [8, с. 37]. Двойственность вины, с точки зрения И. Канта, заключается в ее оценивании одновременно как эмпирической стороны, выраженной во внешнем проявлении поступка, и как умопостигаемого элемента деятельности, являющейся результатом свободной воли, основанной на самостоятельном трансцендентальном начале [9, с. 196–200]. Г. Гегель, в свою очередь, придерживался другого мнения относительно сущности виновности субъекта. По мнению философа, необходимо разграничивать внутреннее и внешнее проявление вины (первое прямым образом связано с намерениями лица, второе – с оценкой его поведения на основании проявления моральных и нравственных установок человека) [10, с. 335].

Рассмотрение вины с точки зрения ее двойственной природы можно наблюдать не только в воззрениях известных философов. В юридической науке также сложилось неоднородное мнение относительно двойственной природы вины, что проявляется при разделении права на публичное и частное. Так, для публичного права первостепенной целью является охрана правопорядка и обеспечение стабильности реализации защиты нарушенных прав. Из чего следует, что в публичном праве вина характеризуется именно психическим отношением субъекта к совершенному неправомерному деянию, где одну из ключевых позиций занимает персонификация самой личности. Что касается частного права, регулируемые им общественные отношения направлены на защиту интересов отдельных частных лиц, следовательно, понятие вины в первую очередь связано с её поведенческим элементом, а не характеристикой личности, совершившей неправомерное деяние, поскольку главная цель в частном праве – восстановление нарушенных прав вне зависимости от характеристики субъекта, причинившего вред [11, с. 506–510]. Вышеописанные закономерности также следует брать во внимание при описании вины лица как элемента субъективной стороны состава неправомерного деяния, поскольку именно двойственную природу вины можно рассматривать как универсальную категорию, описывающую субъективное отношение лица к совершенному деянию и возникшим последствиям в зависимости от сферы, в которой был причинен вред – публичное или частное право.

При рассмотрении в составе неправомерного деяния субъективной стороны необходимо отметить важность такой составляющей, как субъективная

связь между намерениями, волей субъекта (которые выражают глубинные мыслительные процессы лица, а также его психическую и эмоциональную составляющую) и непосредственно совершаемыми действиями субъекта (которые имеют внешнее выражение). Указанный элемент субъективной стороны состава неправомерного деяния прежде всего связан с проблемой наличия у субъекта необходимой степени осознанности поведения и признания его в качестве неправомерного. При этом необходимо учитывать, что восприятие лицом своего поведения как неправомерного деяния никоим образом не связано с уровнем правовой грамотности или наличием специального юридического образования, поскольку субъект в первую очередь должен быть вменяемым и дееспособным, что автоматически подразумевает под собой его способность понимать, какие негативные последствия могут повлечь совершаемые им действия или бездействие неправомерного характера.

Сущность субъективной связи можно также описать посредством рассмотрения взаимодействия части и целого с дальнейшим переносом выявленной закономерности на субъективную сторону состава неправомерного деяния. Традиционно в философии под взаимодействием части и целого (причинностью) понимают то, что «...между частями органичного целого (а также между частями и целым) существует не простая функциональная зависимость, а значительно более сложная система разнокачественных связей – структурных, генетических, связей субординации, управления и т.п., в рамках которой причина одновременно выступает как следствие, полагаемое как предпосылка. Взаимозависимость частей здесь такова, что она выступает не в виде линейного причинного ряда, а в виде своеобразного замкнутого круга, внутри которого каждый элемент связи является условием другого и обусловлен им» [12, с. 769].

Из вышесказанного следует, что субъективная связь между деянием и волей лица, которая в итоге выражается вовне путем совершения субъектом неправомерных деяний, выступает в виде взаимосвязи части и целого, а именно в виде сложных разнокачественных намерений лица, которые напрямую зависят от его потребностей в конкретный промежуток времени. Что касается определения субъективной связи в праве, в большинстве своем правоведы связывают взаимообусловленность воли субъекта с его действиями, отмечая при этом важность психологических особенностей личности и эмоций. Так, А.И. Рагог придерживается мнения, что «виновный своими волевыми действиями вызывает определенную цепь событий и сознательно, то есть намеренно, допускает такое развитие причинно-следственной цепи, которое приводит к наступлению общественно опасных последствий. В этом проявляется определенное содержание воли, довольно близкое по своей психологической сущности к желанию» [13, с. 81].

Здесь как раз прослеживается зависимость субъективной связи от желаний, намерений и потребно-

стей лица, которые в совокупности способствуют постановке определённой цели – конечного результата, к достижению которого стремится субъект неправомерного деяния. Выбор основного и главного из многочисленных желаний и побуждений происходит посредством волевого акта. Лицо, совершающее юридический акт, должно представлять, к чему приведет его действие. При этом нет необходимости, чтобы субъект представлял юридический эффект действия во всех его деталях. Требуется лишь осознание основных очертаний указанного результата [14, с. 115].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что так же как в составе правомерного деяния, в неправомерном деянии определяющая роль в числе элементов субъективной стороны отводится сознательному волевому усилию [15, с. 19]. Однако, в отличие от правомерных деяний, в некоторых разновидностях неправомерных деяний не так очевидны преследуемые цели субъекта, а его волевые усилия зачастую ставятся под вопрос. Так, в объективно противоправном поведении ввиду отсутствия признака виновности субъекта может создаться ложное впечатление о том, что лицо действовало неосознанно и бесцельно. Между тем указанное суждение является ошибочным, поскольку субъект объективно-противоправного поведения (как и субъект любого другого неправомерного деяния) не может совершать какие-либо действия или, наоборот, бездействовать, не преследуя при этом конкретную цель, которая заранее отражена в сознании лица. При этом отсутствие вины субъекта никаким образом не влияет на вопрос установления волевых усилий и наличия целей при совершении неправомерного деяния по причине того, что лицо преследовало цели и прилагало усилия для их достижения, и они, по его мнению, носили правомерный или нейтральный характер, но по не зависящим от субъекта причинам приняли неправомерный вид. Указанный факт свидетельствует о том, что субъект совершения неправомерного деяния предпринимает волевые усилия и преследует цели, которые воспринимаются им в искаженном виде, однако это не говорит об отсутствии субъективной связи в составе неправомерного деяния, а выражает сложную структурную организацию указанного элемента.

Кроме наличия определенных целей, которые преследует субъект неправомерного деяния, в субъективной стороне состава неправомерного деяния отдельно целесообразно выделить мотивы совершения рассматриваемого действия или бездействия. Необходимость отражения в субъективной стороне данного аспекта обусловлена тем, что, как отмечалось ранее, поведение и действия людей не безмотивны, не бесцельны. Однако если они являются только «внутренними импульсами, внутренними пружинами, побуждающими лицо к совершению определенных поступков, мотивы поведения как самые благородные, так и аморальные, поскольку они остались лишь в сознании того или другого лица и не получили своего объективного выражения в действиях послед-

него, безразличны для норм права» [16, с. 15], о чем не стоит забывать при установлении роли мотива как элемента субъективной стороны состава неправомерного деяния.

При описании такого важнейшего аспекта, как мотив, следует подчеркнуть, что есть множество подходов к сущности данной категории, которые между собой сильно отличаются в зависимости от направления исследований той или иной юридической школы. «Одни ученые обращают внимание в основном на детерминистическую сторону мотива и, по сути, видят в нем субъективную причину преступного деяния. Другие считают, что значение мотива, прежде всего, в том, что он выступает тем лакмусом, который показывает качество потребностей и интересов, нашедших отражение в сознании преступника и определивших характер его поведения. По мнению третьих, мотивы показывают отношение лица к объективной действительности. Четвертые полагают, что основное значение мотива в определении направленности действий» [17, с. 173]. Любой из вышеперечисленных подходов в полной мере отражает сущность мотива, который преследует субъект неправомерного деяния, что способствует более четкому установлению причин его совершения, а в дальнейшем в совокупности с другими элементами (вина, цель, субъективная связь, эмоциональное состояние лица) благоприятствует комплексному формированию субъективной стороны состава неправомерного деяния.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что исследование субъективных элементов состава неправомерного деяния, как и непосредственно самого состава неправомерного деяния, обладает большой общетеоретической значимостью в контексте изучения такого феномена, как «неправомерные деяния» в системе юридических фактов. Субъективные элементы в данном случае имеют свои отличительные особенности, которые позволяют разграничить данное явление правовой действительности с такими схожими понятиями, как «состав юридического факта» и «состав правового поведения».

Список источников

1. Философия права: учебное пособие / Головина А. А., Залоило М. В., Пашенцев Д. А. и др.; отв. ред. Черногогор Н. Н., Рыбаков О. Ю. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Статут, 2018.
2. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1999.
3. Дякина Л. П. Определение понятия «Субъект права» в контексте основных типов правопонимания // Современная наука, 2011. № 1 (4). С. 21–25.
4. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.
5. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955.

6. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1
7. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958.
8. Кант И. Сочинения: в 6-ти томах. М.: Мысль, 1965. Т. 4.
9. Хужин А. М. Философские основания понятий вины и невиновности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Тамбов: Грамота. 2011. № 2 (8) Ч. II. С. 196–200.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа. М.: Мысль, 1977. Т. 1.
11. Хужин А. М. О проблемах преемственности положений о невиновном поведении в публичном и частном праве // Юридическая техника. 2011. №5. С. 506–510.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
13. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015.
14. Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 115.
15. Тюрина Н. И. Правомерное поведение как объект юридического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
16. Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 15.
17. Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998.

References

1. Philosophy of law: textbook / Golovina A. A., Zaloilo M. V., Pashentsev D. A. and others; resp. ed. Chernogor NN, Rybakov O. Yu. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: Statut, 2018.
2. Trubetskoy E. N. Encyclopedia of Law. St. Petersburg: Lan, 1999.
3. Dyabkina L. P. Definition of the concept of "Subject of law" in the context of the main types of legal understanding // Modern Science, 2011. No. 1 (4). pp. 21–25.
4. Novitsky I. B. Transactions. Limitation of actions. M.: State publishing house of legal literature, 1954.
5. Ioffe O. S. Responsibility under Soviet civil law. L.: Publishing house of the Leningrad University, 1955.
6. Alekseev S. S. Problems of the theory of law. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1
7. Krasavchikov OA Legal facts in Soviet civil law. Moscow: Gosjurizdat, 1958.
8. Kant I. Works: in 6 volumes. M.: Thought, 1965. T. 4.
9. Huzhin A. M. Philosophical foundations of the concepts of guilt and innocence // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice: in 3 hours. Tambov: Diploma. 2011. No. 2 (8) Part II. C. 196–200.
10. Hegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Philosophy of spirit. M.: Thought, 1977. T. 1.

11. Huzhin A. M. On the problems of the continuity of provisions on innocent behavior in public and private law // Legal Technique. 2011. No. 5. pp. 506–510.

12. Philosophical encyclopedic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1983.

13. Rarog A. I. Problems of qualification of crimes on subjective grounds: monograph. M.: Prospekt, 2015.

14. Krasavchikov O. A. Decree. op. S. 115.

15. Tyurina N. I. Lawful behavior as an object of legal research: author. dis. ... cand. legal Sciences. Saratov, 2003.

16. Krasavchikov O. A. Decree. op. S. 15.

17. Yakushin V. A. Subjective imputation and its significance in criminal law. Togliatti: TolPI, 1998.

Статья поступила в редакцию 27.01.2021; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 27.01.2021; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Приоритетная юридическая обязанность личности: исторический аспект

Хрони Наталья Николаевна

Академия управления МВД России, Москва, Россия, N.Khroni@bk.ru

Аннотация. В статье автором предпринята попытка рассмотреть ретроспективу возникновения, становления и развития приоритетной юридической обязанности личности с историко-правовой точки зрения. На основе анализа исторической и правовой литературы автором предлагается определение данного понятия в ракурсе родовой категории юридической обязанности, уточняются исторические характеристики, присущие приоритетной обязанности, значение для дальнейшего развития демократических процессов в обществе.

Ключевые слова: юридическая обязанность, правовой приоритет, приоритетная обязанность, специальный правовой статус

Для цитирования: Хрони Н. Н. Приоритетная юридическая обязанность личности: исторический аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 147–153.

Original article

Priority legal duties of the individual: historical aspect

Khroni Natalya N.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, N.Khroni@bk.ru

Abstract. In the article, the author attempts to consider the retrospective of the emergence, formation and development of a priority legal obligation from a historical and legal point of view. Based on the analysis of historical and legal literature, the author proposes a definition of this concept in the perspective of the generic category of legal duty, clarifies the historical characteristics inherent in the priority duty, the importance for the further development of democratic processes in society.

Keywords: legal duty, legal priority, priority duty, legal state, special legal status

For citation: Khroni N. N. Priority legal duties of the individual: historical aspect // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 147–153.

Парадигма гуманистических ценностей при развитии демократического общества как открытой системы диктует необходимость проведения широких мероприятий по модернизации, урегулированию и стандартизации вопросов, связанных с интересами общества и государства. Данные масштабные процессы неизменно связаны с выполнением определенных обязанностей как государством и обществом, так и конкретно каждым гражданином.

История развития общества и правовых учений свидетельствует о сложности и многообразии такого государственно-правового явления, как «обязанность». Следует согласиться с А.Г. Репьевым, что «юридическая обязанность» является одной из фундаментальных категорий правоведения, поскольку:

- «выступает основополагающим элементом правового статуса субъекта;
- составляет ядро механизма правового регулирования;
- посредством себя раскрывает содержание правомерного поведения и правонарушения;
- включена в конструкцию юридической ответственности;
- является инструментом процесса реализации права» [1, с. 35].

В исследованиях ученых-правоведов юридическая обязанность рассматривается весьма многоаспектно:

а) в рамках изучения юридической ответственности (Б.Т. Базылев, С.Н. Братусь, А.А. Гогин, Д.А. Липинский, П.Е. Недбайло, Р.Л. Хачатуров);

б) как аксиологическая составляющая (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Соловьев);

в) с субъективной стороны, на которой делали акцент русские ученые так называемого дореволюционного периода (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич);

г) как элемент правового статуса личности (В.Н. Бутылин, М.Н. Марченко, А.С. Мордовец, Т.Н. Радько, А.Г. Репьев, М.Ю. Тихомиров, К.Б. Толкачев, В.А. Толстик);

д) с точки зрения корреляции прав и обязанностей (С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, А.И. Денисов, Н.И. Матузов и др.).

Рассматривая юридическую обязанность личности в историческом ракурсе, мы можем заметить, что в различные эпохи не существовало буквального равенства в обязанностях. Некоторые из них выдвигаются на первый план, считаются наиболее важными, приоритетными; за их неисполнение предусматриваются более серьезные наказания (санкции), чем за другие.

Ещё Цицерон задавался вопросом: «Все ли обязанности "совершенны", может ли одна обязанность быть значительнее другой и какие обязанности одинаково важны?». В своих работах он говорит о предпочтении обязанностей, «имеющих целью пользу людей, дорожке которой для человека не должно быть ничего» [2, с. 240, 347].

Отталкиваясь от языкового значения термина «приоритет», определяемого в словарях как первоначальность, преобладание, важность, значимость [3, с. 466; 4, с. 483; 5, с. 789], предложим следующий вариант дефиниции приоритетной обязанности: это разновидность юридической обязанности, предусматривающая первоочередные действия субъекта, наделенного специальным правовым статусом, по реализации и обеспечению высших ценностей (жизни, прав человека и др.).

Полагаем, что «правовой статус личности» – сложная юридическая конструкция, включающая в себя взаимосвязанные самостоятельные правовые явления, отражающие положение личности в правовом пространстве, обеспечиваемое и гарантируемое со стороны государства, зафиксированное в законодательстве. При этом предлагаем дополнить состав конструкции правового статуса личности, предложенный профессором А.Г. Репьевым [6, с. 133–134], включив в конструкцию приоритетную обязанность. Таким образом, она будет содержать следующие элементы: права, законные интересы, обязанности (в том числе приоритетные), ограничения, запреты, ответственность, правовые преимущества.

Предпримем попытку провести исторический анализ становления и развития приоритетной обязанности личности с опорой на родовое понятие – юридическую обязанность, с учетом специального правового статуса.

Определяя приоритетные юридические обязанности личности в различные исторические периоды, полагаем возможным опираться на присущие им следующие характеристики и свойства:

– непреложность, что подразумевает невозможность добровольного отказа от выполнения либо передачи другому исполнителю, делегирования иному лицу;

– двойная значимость, как для государства, с целью обеспечения гарантий стабильности и сохранения власти во взаимодействии с обществом, так и для личности, обеспечивающей исполнением приоритетных обязанностей сохранение своего специального правового статуса и исключение санкций (наказаний);

– социальная чувствительность, так как уровень исполнения «приоритетных обязанностей» является показателем удовлетворения потребностей и интересов общества;

– аксиологическая направленность, с учетом изменения ценностных ориентиров, как на государственном, так и личностном уровнях в различные исторические периоды.

Со времени возникновения человека и формирования первобытного общества начинается отсчет становления и развития такого явления, как обязанность (на примере разделения членов общины на занятых собирательством и занятых охотой).

В первобытном обществе правила поведения были изначально направлены на выполнение первоочередной задачи – выжить и обеспечить выживание и развитие своему потомству (виду), семье, общине, роду, племени. Соответственно, с этим связаны приоритетные обязанности членов первобытных объединений. Общественный порядок поддерживался общеобязательными нормами, устоявшимися непрекаемыми обычаями. На данном этапе можно выделить следующие коллективные обязанности: безоговорочная поддержка своих родных и близких, членов своей общины и рода, авторитета и власти старшего; соблюдение и следование традициям, обычаям, обрядам и ритуалам; поддержание мира и порядка в семье, общине или роде. Кроме того, в поддержании единства и стабильности значительную роль играют обязанности воздерживаться от определенных действий – это многообразные табу. Обязанности членов семьи, общины, рода и племени определяются естественным путём посредством разделения первобытных людей на мужчин и женщин, по возрасту, по выполняемой работе, профессиональной специализации, по поведению, характеру, физической силе, интеллектуальным способностям и т. д. Отклонения или нарушения установленных норм воспринимались категорично и требовали безусловной необходимости наказания. Первые идеи справедливости воспринимались как равное возмездие и нашли воплощение, в том числе, в обычае кровной мести (талион), выражающейся в формуле «жизнь за жизнь, око за око» [7, с. 134–144].

В зависимости от государственного устройства и разделения общества на определенные слои в эпоху античности происходит дальнейшее расширение и распределение обязанностей по их иерархичности, приоритету одной перед другими. У Аристотеля в «Афинской политике» перечисляются обязанности граждан и государственных мужей по голосованию, участию в военных действиях в период смут, исполнению обязанностей в соответствии с занимаемой должностью [8].

Марк Тулий Цицерон в трактате «Об обязанностях» проводит разделение обязанностей между магистрантами, частными лицами и чужеземцами; рассуждает о частных и общественных обязанностях, в том числе связанных с войной, со справедливостью (отношение к низостоящим); дифференцирует обязанности по возрасту и обстоятельствам [2, с. 323].

Позволим себе сделать вывод, что с дальнейшим разделением общества в экономической, политической, социальной и иных сферах, появлением новых видов деятельности для человека, закреплением преимуществ одних над другими обуславливается нарастание взаимозависимости положения человека в обществе от правового статуса личности. Соответственно, наделение обязанностями и определение в их числе приоритетных зависит от специального правового статуса личности. Подчеркнем, что исторически в первоочередном порядке формируется специальный правовой статус, а не общий, в связи с отсутствием основных законов (Конституций) вплоть до XVIII, а в некоторых странах – и до XX века. В то время как специальным правовым статусом обладают отдельные категории субъектов в зависимости от гендерных, возрастных, национальных признаков, уровня образования, социального положения, правовых преимуществ (дополнительных прав, льгот, иммунитетов), правовых запретов, ограничений и обязанностей [9, с. 24–29].

Идеи античных авторов получают свое дальнейшее развитие во времена Средневековья, которые характеризуются господством феодализма в социальных и политических отношениях. Феодализм означал не только особую форму социально-экономических отношений, связанную с вотчинным хозяйством, но и существование особой, подчиняющей себе многие другие стороны жизни лично-служебных отношений, пронизывающих все общество. Мерсенским капитулярием 847 г. Карл Лысый предписал, чтобы «каждый свободный человек выбрал себе сеньора»; возникает и юридически закрепляется общественный институт личной зависимости и покровительства, в результате практика вассалитета становится всеобщей, а ответственность сеньоров за своих «людей» – официально признанной. Приоритетные обязанности вассала перечисляются в письме епископа Шартрского Фульберта герцогу Аквитании Гильому (1020 год): «Кто клянется в верности своему сеньору, неизменно должен помнить о следующих шести [обязательствах]: невре-

димность, безопасность, почитание, польза, легкая доступность, прямая возможность» [10].

Неизменным спутником феодализма и присущих ему правовых связей стало сословное разделение на слои, различающиеся по отношению к государственной власти, по правовым преимуществам. Данная категория позволяет целно рассмотреть существовавшие в определенный исторический период преимущества (привилегии, льготы, иммунитеты и др.). В работах А.Г. Репьева правовые преимущества характеризуются правомерной возможностью субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражаются как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям [11, с. 16]. Соответственно, и распределение обязанностей носит ярко выраженный сословный характер.

На территории Древней Руси обязательства, вытекавшие из факта причинения вреда, нормы наследственного права перечислялись в «Русской правде», где возможно проследить сословное деление на примере трансформации закона кровной мести и появления возможности заплатить выкуп за убитого. При этом указывалась разная величина выплаты в зависимости от занимаемого положения (специального правового статуса). Если никто не будет за него мстить, то назначить 80 гривен за убитого, если он княжий муж или княжеский тиун, или купец, или боярский тиун, или мечник, то назначить за него 40 гривен. Также и за убийство княжеского мужа 80 гривен, простого свободного человека 40 гривен [12, с. 28].

В 1550 году в Московском государстве был принят новый, более обширный судебник. Его содержание было разбито на 100 статей. В числе источников права Московского государства (XIV–XIX вв.) можно выделить следующие документы: губные грамоты, «жалованные грамоты», земские уставные грамоты, которые закрепляли за теми или иными лицами правовые преимущества, указывая на специальный правовой статус. Подобного рода грамоты являлись по своей первоначальной природе актами частного характера. Однако вследствие того, что содержание многих из них было одинаковым, исключения превращались в правила – частные привилегии и иммунитеты становились общесословными [13, с. 259–287].

В Европе позднего Средневековья получают развитие идеи естественного права. Так, юрист и историк С. Пуфендорф в своем учении об обязанностях, которые он выводит из разумной природы человека, разделяет их на обязанности к себе (самосохранение и развитие своих способностей), к другим (абсолютные и гипотетические), к Богу. К абсолютным обязанностям он причисляет следующие: 1) никого не оскорблять, а кому нанесен вред, то давать вознаграждение; 2) считать всех по природе себе равными; 3) делать по возможности добро другим; 4) соблюдать верность в договорах [14]. Предполагаем, что выдвинутую систему вполне можно считать началом зарождения при-

оритетных обязанностей в силу их абсолютного, т. е. непреложного для выполнения характера.

В Новое время правовые идеи развивались в русле достижений предшествующей политико-правовой мысли и в том числе естественно-правовых представлений. Европейские просветители (Ш. Монтескье, Дж. Локк, Т. Гобс, Г. Мабли) вносят значительный вклад в разработку правовых идей, положенных в основу государственности будущего политического устройства континентальной Европы. Это и либеральная доктрина прав и свобод индивида в условиях правовой государственности, и идеи деления власти на три ветви с целью предотвращения злоупотреблений.

Важной вехой в истории развития исследуемой категории является принятая во Франции в 1795 году Конституция, где перечисляются не только права, но и обязанности, включая приоритетные, например такие, как защита общества, подчинение закону и его служителям.

На территории России заметные изменения в законодательстве происходят в эпоху Петра I. Знание законов вменяется в обязанность всем должностным лицам государственного управления, чтобы «всякий чин знал свою должность и обязан был своим знанием, и неведением не отговаривался» [15, с. 85–90]. С учетом становления абсолютной монархии, приоритетной обязанностью для всех сословий выступает служение монарху. «Монархова власть есть власть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает» [16]. Законодательство того времени определяло действия против царя и государства самими тяжкими преступлениями и устанавливало самые жесткие санкции. Всякий, «кто какое зло умышлять будет», и те, которые «вспомогали или совет подавали или, ведая, не известили», наказывались смертной казнью, вырыванием ноздрей или высылкой на галеры [17].

XVIII век – время так называемого «просвещенного абсолютизма» на территории России. Одним из значимых памятников русского законодательства указанной эпохи стал Устав Благочиния, иначе Полицейский. В нем особо оговаривались требования к начальствующему составу полиции (обер-полицмейстеры в столицах, полицмейстеры в губернских центрах, городничие или коменданты в прочих городах, а также приставы уголовных и гражданских дел): здравый рассудок, добрая воля в отправлении порученного, человеколюбие, верность в службе императору, усердие к общему добру, радение должности, честность и бескорыстие. Предписывалось творить «правый и равный суд всякому состоянию», «дать покровительство повинному и скорбящему», воздерживаться от взяток, ибо «взятки ослепляют глаза и развращают ум и сердце, устам же налагают узду». Интересно, что сначала выделены такие качества, как человеколюбие, здравый рассудок, добросовестность, а уж затем – «верность службе Императорского величества» [18, с. 132–142]. Полагаем, этому способствовало опреде-

ленное влияние французского просвещения (Вольтер, Дидро и др.).

В первой половине XIX века общественно-политические, экономические изменения способствуют росту законодательской деятельности, в этой связи возникает необходимость определенной систематизации законов (указов, уставов). В 1832 году сформирован «Свод законов Российской Империи» [19], где в восьми разделах указывались как права, так и обязанности различных категорий населения. Исследователи обращают внимание, что правовые нормы, которые возникали в начале XIX столетия, были призваны укреплять отношения феодального и крепостного строя, при отсутствии соответствия законов реально развивающимся буржуазным отношениям [20, с. 100–104].

Рассмотренные периоды свидетельствуют о сохранении вплоть до событий 1917 года в Российской империи приоритетной обязанности служения государю-императору и далее, в соответствии с сословным делением по иерархии, вплоть до служения крестьян своему барину.

Трансформацию приоритетной обязанности в советский период можно рассмотреть на примере изменений, вносимых в основной закон государства. Анализ конституций позволяет определить, что приоритетные обязанности претерпевали изменения и были направлены:

- на борьбу с капитализмом, установление диктатуры пролетариата, защиту социалистической собственности (ст. 18–19 Конституции 1918 г.) [21];
- исполнение общественного долга, соблюдение правил социалистического общежития, защиту Отечества и социалистической собственности (ст. 130–133 Конституции 1936 г.) [22];
- развертывание социалистической демократии, усиление социальной однородности общества, уважение личности, охрану прав и свобод граждан (Конституция 1977 г.) [23, с. 26];
- признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Человек, его права и свободы объявляются высшей ценностью (Конституция 1993 г.) [24].

Необходимо отметить, что XX век в международном масштабе был ознаменован принятием Всеобщей декларации прав человека, которая и на современном этапе остается фундаментальным документом, определяющим основы современной международной системы по защите гражданских, политических, экономических, социальных, культурных прав человека. При этом в ст. 29 Декларации также обозначено, что каждый человек должен нести обязанности перед обществом [25].

Воспользовавшись историко-правовым методом, с учетом проведенного исследования, перечислим пространственно-временные характеристики приоритетных обязанностей:

– вариабельность, когда происходит смена идеологической системы, установок, господствующих в обществе и поддерживаемых государством;

– обусловленность, в соответствии с социальным мнением, сложившимися тенденциями, устоями;

– трансформационность, изменения ценностных ориентиров, как на государственном, так и личностном уровнях;

– созависимость от развития государственно-правовых институтов;

– непрерывность, существование на протяжении всей истории человечества.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет утверждать, что приоритетные обязанности определяются на всех исторических этапах развития человечества, несмотря на изменения в содержании. В определенной степени приоритетная обязанность есть меняющееся постоянство.

Выделяя три основных периода в истории, обозначим базовые направления и цели приоритетных обязанностей в каждом из них:

– первый период охватывает первобытный уклад жизни общества, определяется приоритетными обязанностями, направленными на выживание человека и сохранение рода, племени, племенного союза;

– второй обуславливается делением общества на сословия, классы и т. д., а также господством схоластики, указывает, что приоритетными являются обязанности, направленные на исполнение воли, служение вышестоящему господину, сюзеру, правителю, Богу;

– третий период характеризуется становлением новой парадигмы – антропогуманизма; в складывающейся картине мира центральное место занимает человек, утверждаются и законодательно закрепляются принципы гуманизма, соответственно, приоритетные обязанности направлены на обеспечение высших ценностей (жизни человека, его прав и др.).

Убеждены, что в рамках научной статьи невозможно охватить все исторические периоды, рассмотреть максимальное количество государств и подробно указать приоритетные обязанности каждого субъекта со специальным правовым статусом. Эта задача, думается, невыполнима и в рамках научно-квалификационной работы. Предпринятая нами попытка преследовала цель – обозначить основные вехи генезиса и эволюции приоритетной обязанности личности и предложить основные характеристики, а также пробудить дальнейший интерес к исследованию феномена «приоритетная обязанность».

Рассмотрение приоритетной обязанности, в том числе в историческом ракурсе, позволяет более полно, разносторонне понять данную проблематику в динамике развития общественных отношений, а также принимать меры по совершенствованию законодательной и правоприменительной практики на современном этапе.

Список источников

1. Репьев А. Г. Идеология воспитания несовершеннолетних, основанная на преимущественной обязанности родителей: теория и практика // Сборник науч. ст. международ. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. В.М. Курицына (22–23 декабря 2020 г.). Москва, 2021. С. 35–40.

2. Цицерон Марк Туллий. Моральные размышления о старости, о дружбе, об обязанностях. Готовому перейти Рубикон / пер. с лат. В. Петуховой, В. Горенштейна. Москва: РИПОЛ классик, 2018. 512 с.

3. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. Москва, 2008.

4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Москва, 2008.

5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва, 2017.

6. Репьев А. Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. Н. Сенякина. Москва: Юрлитинформ, 2020. 392 с.

7. Медведев В. Г. Становление и развитие обычая кровной мести как правоохранительного фактора в жизни первобытного общества и основы зарождения уголовного права // Право и образование. 2012. № 9. С. 134–144.

8. Аристотель. Афинская полиция [Электронный ресурс]. URL: https://filosoff.org/aristotli/wp-content/uploads/sites/63/2015/10/aristotel-afinskaja-politija-filosoff.org_.pdf (дата обращения: 16.10.2021).

9. Репьев А. Г., Репьева А. М. Правовые преимущества как элемент специального правового статуса женщины-осужденной / А.Г. Репьев, // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 24–29.

10. Филиппов Б. Европейский мир X–XV вв. [Электронный ресурс] / Б. Филиппов, А. Ястребицкая. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Filipp/09.php (дата обращения: 26.10.2021).

11. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2019.

12. Материалы к изучению истории государства и права России. «Русская Правда». Москва: Гос. публич. ист. б-ка России, 2002. 131 с.

13. Томсинов В. А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Проблемы истории государства и права: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Томсинов. Москва: Зерцало-М, 2009.

14. Взгляды С. Пуфендорфа относительно источника власти, права и обязанностей в гражданском обществе [Электронный ресурс]. URL: https://ozlib.com/993288/iskusstvo/vzglyady_pufendorfa_pufendorf_1632_1694_otnositelno_istochnika_vlasti_prava_obyazannostey_grazhdanskom_ (дата обращения: 16.10.2021).

15. Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII века. Статья вторая // Законодательство. 2006. № 3. С. 85–90.

16. Духовный регламент Петра I 1721 года [Электронный ресурс]. URL: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl/ (дата обращения: 24.10.2021).

17. История России. Всемирная, мировая история – Государственные реформы Петра I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istorya.ru/referat/6002/1.php#:~:text=Законодательство%20того%20времени%20определяло%20действия,-%20в%20зависимости%20от%20преступления> (дата обращения: 24.10.2021).

18. Сердюк Н. В. Нравственный смысл полицейской службы: историко-педагогический контекст // Российская полиция: три века служения Отечеству: сб. ст. Юбилейной международной науч. конф. / под ред. В. Л. Кубышко. Москва, 2019. Ч. 2. С. 134–142.

19. Свод законов Российской Империи повелением Государя императора Николая Первого составленный. Т. III: Устав о службе по определению от правительства. Санкт-Петербург: Государственная тип., 1896.

20. Самарский А. Н., Жуланов А. В. Совершенствование законодательства Российской Империи в первой половине XIX века: Свод законов Российской Империи // Философия права. 2020. № 1. С. 100–104.

21. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 29.09.2021).

22. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 29.09.2021).

23. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. Москва: Юрид. лит., 1978. 576 с.

24. Конституция Российской Федерации с поправками 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 29.09.2021).

25. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Repiev A. G. Ideology of education of minors, based on the primary responsibility of parents: theory and practice // Collection of scientific. Art. international scientific-practical. Conf. dedicated to the memory of prof. V.M. Kuritsyn (December 22–23, 2020). Moscow, 2021, pp. 35–40.

2. Cicero Mark Tullius. Moral reflections on old age, on friendship, on duties. Ready to cross the Rubicon / per. from lat. V. Petukhova, V. Gorenstein. Moscow: RIPOL classic, 2018. 512 p.

3. Bulyko A. N. Big Dictionary of Foreign Words. Moscow, 2008.

4. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow, 2008.

5. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2017.

6. Repiev A. G. Advantages in law and legislation: monograph / ed. Dr. jurid. sciences, prof. I. N. Senyakina. Moscow: Yurlitinform, 2020. 392 p.

7. Medvedev VG Formation and development of the custom of blood feud as a law enforcement factor in the life of primitive society and the basis for the emergence of criminal law // Law and education. 2012. No. 9. P. 134–144.

8. Aristotle. Athenian polity [Electronic resource]. URL: https://filosoff.org/aristotli/wp-content/uploads/sites/63/2015/10/aristotel-afinskaja-politija-filosoff.org_.pdf (accessed 10/16/2021).

9. Repiev A. G., Repeva A. M. Legal advantages as an element of the special legal status of a convict woman / A.G. Repiev, // Criminal Executive Law. 2015. No. 4 (22). pp. 24–29.

10. Filippov B. European world X-XV centuries. [Electronic resource] / B. Filippov, A. Yastrebitskaya. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Filipp/09.php (accessed 10/26/2021).

11. Repiev A. G. Advantages in Russian law: theory, methodology, technique: dis. ... Dr. jurid. Sciences. Saratov, 2019.

12. Materials for the study of the history of the state and law of Russia. «Russian Truth». Moscow: State. public ist. Library of Russia, 2002. 131 p.

13. Tomsinov V. A. Sudebniks of 1497 and 1550 as monuments of the jurisprudence of the Moscow state // Problems of the history of state and law: coll. scientific tr. / resp. ed. V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo-M, 2009.

14. Views of S. Pufendorf regarding the source of power, rights and obligations in civil society [Electronic resource]. URL: https://ozlib.com/993288/iskusstvo/vzglyady_pufendorfa_pufendorf_1632_1694_otnositelno_istochnika_vlasti_prava_obyazannostey_grazhdanskom_ (accessed 10/16/2021).

15. Tomsinov V. A. Development of Russian jurisprudence in the first quarter of the 18th century. Article two // Legislation. 2006. No. 3. C. 85–90.

16. Spiritual regulations of Peter I of 1721 [Electronic resource]. URL: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl/ (date of access: 10/24/2021).

17. History of Russia. World, world history - State reforms of Peter I [Electronic resource]. URL: <http://www.istorya.ru/referat/6002/1.php#:~:text=Legislation%20%20of%20time%20determined%20actions,-%20%20depending%20%20of%20crimes> (date of access: 24.10.2021).

18. Serdyuk N. V. The moral meaning of the police service: historical and pedagogical context // Russian police: three centuries of service to the Fatherland: coll.

Art. Anniversary international scientific. conf. / ed. V. L. Kubyshko. Moscow, 2019, part 2, pp. 134–142.

19. Code of Laws of the Russian Empire compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas I. T. III: Charter on the service by definition from the government. St. Petersburg: State type, 1896.

20. Samarsky A. N., Zhulanov A. V. Improving the legislation of the Russian Empire in the first half of the 19th century: Code of Laws of the Russian Empire // Philosophy of Law. 2020. No. 1. P. 100–104.

21. The Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic of July 10, 1918 [Electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (date of access: 09/29/2021).

22. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936 [Electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (date of access: 09/29/2021).

23. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics // Constitutions (Basic Laws) of the Union Soviet Socialist Republics. Moscow: Yurid. lit., 1978. 576 p.

24. The Constitution of the Russian Federation as amended in 2020 [Electronic resource]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (date of access: 09/29/2021).

25. Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948 // SPS «Consultant Plus».

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 24.03.2022.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 343.3/.7

К вопросу об объекте незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции

Агеев Александр Сергеевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
sasha_ageev02@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию объекта незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. На основании существующих точек зрения и собственного видения автора определяются виды общественных отношений, которым причиняется вред в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 171⁴ УК РФ, определяется значимость верного установления признаков анализируемого состава преступления.

Ключевые слова: алкогольная продукция, спиртосодержащая пищевая продукция, объект преступления, розничная продажа

Для цитирования: Агеев А. С. К вопросу об объекте незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 154–159.

Original article

To the question about the object of illegal retail of alcoholic and alcohol-containing food products

Ageev Alexander S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
sasha_ageev02@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the object of illegal retail sale of alcoholic and alcohol-containing food products. Based on existing points of view and the author's own vision, the types of social relations that are harmed as a result of a crime under Art. 171⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation, the importance of correctly establishing the signs of the analyzed corpus delicti is determined.

Keywords: alcoholic products, alcohol-containing food products, object of crime

For citation: Ageev A. S. To the question about the object of illegal retail of alcoholic and alcohol-containing food products // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 154–159.

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в последнее время актуализировалась деятельность по борьбе с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции. В 2010 году была на-

чата акцизная реформа, которая повлекла увеличение стоимости алкоголя практически в 3 раза. Так, по

© Агеев А. С., 2022

информации Росстата, средняя потребительская цена за одну бутылку водки в 2010 году составляла 230,22 руб., а в 2020 году – 631,08 руб. [1].

Повышение цен на алкогольную продукцию вызвало отток потребителей, что в последствии привело к сокращению законных розничных точек продаж алкоголя. Потребитель сделал выбор в пользу дешевого нелегального алкоголя, что неминуемо привело к увеличению объема его оборота.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность по производству и обороту алкогольной продукции в России, является Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [2]. Целями данного Федерального закона обозначены защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, экономических интересов Российской Федерации, обеспечение безопасности указанной продукции, нужд потребителей в ней, контроль за соблюдением законодательства, норм и правил в регулируемой области.

Такой широкий круг охраняемых общественных отношений, безусловно, подчёркивает важность государственного регулирования указанной деятельности, в том числе в рамках уголовно-правового противодействия незаконным явлениям в указанной сфере.

В 2017 году Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ [3] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была введена статья 174¹ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», целью введения которой, согласно пояснительной записке к проекту закона, было сокращение объема нелегального оборота алкогольной продукции [4].

Анализ судебной практики свидетельствует, что данная норма активно применяется, что демонстрирует ее востребованность. Так, с июля 2017 года по декабрь 2021 года по данной статье судами первой инстанции вынесено более 2000 приговоров [5].

Основанием уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 171⁴ УК РФ, является совершение деяния, содержащего все признаки указанного состава преступления. Одним из его обязательных элементов является объект преступления. Верное определение объекта преступления имеет важное значение: его специфика учитывается при установлении характера общественной опасности преступления; при решении вопросов, связанных с квалификацией преступления по совокупности и разграничением смежных составов; в зависимости от объекта определяется место нормы в структуре Особенной части уголовного права.

Для определения понятия объекта преступления возьмем за основу одну из традиционных теорий, выдвинутую А. А. Пионтковским, который под объектом

любого преступления рассматривал общественные отношения [6, с. 129–130].

Возникновение объекта преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, обусловлено в первую очередь появлением общественной необходимости в его защите. Исходя из такой необходимости, законодатель криминализировал деяние, устанавливая за него уголовную ответственность, а исходя из характера охраняемых общественных отношений, – определяет место соответствующей нормы в системе уголовного права, а конкретно – ее размещение в соответствующих разделе и главе Особенной части УК РФ. Традиционно классификацию объектов преступления принято проводить по вертикали (родовой, видовой, непосредственный объекты) и по горизонтали (основной непосредственный, дополнительный непосредственный, факультативный непосредственный объекты).

В настоящее время большинство ученых-теоретиков придерживаются позиции, что родовым объектом преступления выступают общественные отношения, охраняемые конкретным разделом Особенной части УК РФ, а видовым – общественные отношения, охраняемые конкретной главой Особенной части УК РФ.

Так, родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование экономики России, что обусловлено помещением нормы в раздел VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». основополагающие элементы экономики России нашли отражение в статье 8 Конституции РФ [7] и обозначены как «единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности». Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова, экономика понимается как «совокупность производственных отношений соответствующих данной ступени развития производительных сил общества, господствующий способ производства в обществе» или как «организация, структура и состояние хозяйственной жизни или какой-нибудь отрасли хозяйственной деятельности» [8].

Видовой объект указанного деяния представлен как совокупность общественных отношений, направленных на охрану сферы экономической деятельности, ввиду помещения нормы в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Для уяснения сущности экономической деятельности необходимо обращаться к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности [9], согласно которому «экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (предоставление услуг). Экономическая деятельность характеризуется затратами на произ-

водство продукции (товаров или услуг), процессом производства и выпуском продукции (предоставлением услуг)». Говоря о розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, следует констатировать, что такая деятельность является одним из составных элементов экономической деятельности в сфере оборота алкоголя, который включает в себя действия от начала производства алкоголя и до его реализации потребителям.

Рассмотрим основной непосредственный объект деяния. Под основным непосредственным объектом, исходя из содержания диспозиции статьи, следует понимать общественные отношения, направленные на охрану законной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. Незаконность такой продажи применительно к составу указанного преступления выражается в нарушении установленного порядка розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции. Такого же мнения придерживаются и большинство исследователей, например, А. А. Артамонова [10, с. 10], С. Д. Бражник [11, с. 223], Е. А. Попова [12, с. 348]. Нарушение установленного порядка розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, исходя из примечания 1 к ст. 171⁴ УК РФ, может выражаться в следующих вариациях: 1) продажа физическим лицом; 2) продажа лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (за исключением пива, напитков, изготавливаемых на основе пива, сидра, пуаре и медовухи, или розничной продажи вина, игристого вина, осуществляемой сельскохозяйственными товаропроизводителями). Данные ограничения спроецированы в УК РФ из ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Тем не менее, при решении вопроса о наличии или отсутствии основания привлечения к уголовной ответственности следует иметь в виду, что сами по себе такие деяния преступлением не являются, за их совершение установлена административная ответственность. Криминообразующим признаком перечисленных действий является их неоднократность.

Следующим видом непосредственного объекта является дополнительный непосредственный объект. Для уяснения признаков такого объекта обратимся к имеющимся научным точкам зрения.

Некоторые исследователи относительно дополнительного непосредственного объекта говорят, что «бывают преступления, одновременно посягающие на два непосредственных объекта, где один объект является главным (основным), а другой – дополнительным. Вопрос о том, какой объект является основным, а какой дополнительным решается в зависимости от его связи с родовым объектом» [13, с. 91].

Другие ученые отмечают, что дополнительный объект лежит в плоскости иного родового объекта, чем основной, и при создании нормы имелся в виду законодателем не в первую очередь, а ставился под защиту уголовного закона лишь попутно с основным объектом [14, с. 119].

Еще одна точка зрения определяет дополнительный непосредственный объект как «общественное отношение, которое заслуживает самостоятельной охраны, а в рассматриваемой норме защищается уголовным законом постольку, поскольку оно неизбежно ставится в опасность причинения вреда при совершении посягательства на основной непосредственный объект» [15, с. 25].

Исходя из вышеназванных точек зрения, можно сделать следующие выводы относительно дополнительного непосредственного объекта:

- 1) дополнительный непосредственный объект подлежит самостоятельной охране в рамках уголовного законодательства;
- 2) дополнительному непосредственному объекту всегда причиняется вред наряду с основным непосредственным объектом;
- 3) разграничение основного и дополнительного непосредственных объектов происходит при сопоставлении их с родовым объектом.

Рассуждая о наличии дополнительного непосредственного объекта в рассматриваемом преступлении, следует провести анализ общественных отношений, которые неминуемо претерпевают негативное влияние, порожденное указанным деянием.

Очевидно, что деятельность по незаконной розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции во избежание ответственности скрыта от контроля государства. Такая деятельность, безусловно, связана с извлечением прибыли, что подразумевает при законном ее осуществлении взимание в счет государства обязательных платежей, например, налогов, акцизов, государственной пошлины на получение лицензии.

Кроме того, не соблюдается установленный законом порядок [16] учета объема оборота алкогольной продукции посредством Единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Нелегальные продавцы алкоголя, как правило, продают алкогольную и спиртосодержащую пищевую продукцию по ценам, значительно ниже среднерыночных цен легальных продавцов. В рамках исследования мы провели сравнение цены литра самой дешевой водки в одном из популярных магазинов алкогольной продукции «Красное&Белое» и одного литра самогона, произведенного в домашних условиях и реализуемого по принципу «из рук в руки». Так, по информации из каталога мобильного приложения «Красное&Белое» [17], цена самой дешевой бутылки водки объемом 1 литр составила 496,99 рублей, а

цена 0,988 литра самогона, согласно одному из приговоров суда [18], составила 200 рублей, что дешевле водки из магазина в 2,5 раза. Впоследствии потребитель делает выбор в пользу нелегального алкоголя, что влечет упущение выгоды законных продавцов.

Несмотря на довольно обширный круг общественных отношений, которым причиняется вред указанным деянием, их, тем не менее, нельзя выделять в качестве дополнительных непосредственных объектов, так как они не отвечают ряду признаков, присущих дополнительному непосредственному объекту преступления. Некоторые из них не являются самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны, а если и являются, то ответственность за них должна наступать при наличии определенных условий, которых в указанном составе нет (например, ответственность за неуплату налогов может наступать только при осуществлении законной деятельности, каковой деяние, предусмотренное ст. 171⁴, УК РФ не является). Таким образом, по нашему мнению, дополнительные непосредственные объекты указанного преступления отсутствуют.

Несмотря на это, рядом исследователей были предприняты попытки выделения дополнительного непосредственного объекта указанного деяния. Так, Ф. Н. Кадников отмечает, что в качестве дополнительного объекта может выступать здоровье граждан [19, с. 76], при этом, к сожалению, не аргументируя свою позицию. Аналогичного мнения придерживаются Р. Л. Габдрахманов, М. В. Денисенко, В. Н. Кужиков [20]. Мы вынуждены не согласиться с указанной точкой зрения ввиду специфики предмета анализируемого преступления, в качестве которого выступает алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция. Исходя из используемых в ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», а также в ст. 1 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [21] формулировок, очевидно, что «алкогольная» и «спиртосодержащая пищевая» продукция по своему качеству не должна представлять опасность для жизни или здоровья при ее умеренном употреблении и ввиду ее предназначения для употребления в пищу.

Также, по нашему мнению, весьма опрометчивой является точка зрения А. А. Лихолетова, который считает, что дополнительным объектом могут быть общественные отношения, связанные с поступлением налогов, сборов и других обязательных отчислений в казну [22]. Комментарий по этому поводу был дан нами выше, подчеркнем еще раз, что незаконная деятельность не может облагаться налогами. В подтверждение своей позиции приведем мнение С. Ю. Захаряна [23, с. 25], который, рассуждая о факультативном непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст. 171³ УК РФ, отметил, что «в ка-

честве факультативного объекта ст. 171³ УК РФ могут выступать фискальные отношения в рамках составов налоговых преступлений, хотя вопрос о совокупности преступлений остается открытым, так как деятельность является изначально незаконной», исходя из этого приходим к выводу, что в данном случае сфера налогообложения не затрагивается деянием, соответственно, и дополнительный непосредственный объект будет отсутствовать. Тем не менее, можно сделать однозначный вывод о том, что экономическим интересам государства данным деянием причиняется определенный вред в виде непоступления финансовых средств в счет государства за указанную деятельность, но эти отношения не являются объектом уголовно-правовой охраны.

В завершение характеристики непосредственного объекта необходимо решить вопрос о наличии в указанном составе факультативного непосредственного объекта. Определение факультативного непосредственного объекта является достаточно дискуссионным вопросом в научных кругах. Рассмотрим имеющиеся точки зрения по данному вопросу.

А. В. Бриллиантов отмечал, что иногда объект преступления указывается в диспозиции статьи Особенной части УК РФ в альтернативной форме. В науке уголовного права такие объекты называются факультативными непосредственными [24, с. 112].

Некоторые авторы, выделяя факультативный непосредственный объект как подвид дополнительного непосредственного объекта, в частности, отмечают, что дополнительный объект может быть как необходимым, так и факультативным. Необходимый (обязательный) дополнительный объект всегда связан с причинением ему того или иного вреда соответствующим преступным посягательством (либо с угрозой причинения такого вреда). Факультативному же объекту вред может и не причиняться (либо он может быть не поставлен под угрозу причинения вреда) [25, с. 56].

Более конкретным представляется определение факультативного непосредственного объекта как общественного отношения, причинение вреда которому не является обязательным признаком основного состава преступления. Иными словами, факультативный непосредственный объект может появиться только в квалифицированном (особо квалифицированном) составе преступления, ему может быть причинен вред или нет [26, с. 25].

Опираясь на последнюю точку зрения, приходим к выводу, что факультативный непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 171⁴ УК РФ, отсутствует. Также подтверждением нашего вывода является отсутствие такого объекта в исследованиях других ученых. При анализе учебной и научной литературы мы не смогли найти ни одного примера выделения факультативного непосредственного объекта указанного деяния.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что в качестве объектов преступления, пред-

усмотренного ст. 171⁴ УК РФ, выделяются родовой, видовой и непосредственный объекты. Говоря о непосредственном объекте указанного преступления, следует выделять лишь основной непосредственный объект в виде общественных отношений, направленных на охрану законной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции.

Список источников

1. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MaZGpzzY/cen-god.xls>.
2. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
4. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/50030-7>.
5. URL: <https://sudrf.ru/>.
6. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. Москва: ГИЗ, 1924. 235 с.
7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
8. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36131>.
9. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: утв. Приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
10. Артамонова А. А. Уголовно-правовая характеристика незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции и ее значение для процесса доказывания // Наука и образование: сб. тр. участников XII Региональн. науч. конф. студентов и молодых ученых (Белово, 27 ноября 2020 г.). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2021. С. 8–13.
11. Бражник С. Д. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ): основания криминализации и анализ признаков состава преступления // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 2–4 (60). С. 222–225.
12. Попова Е. А. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции: основания криминализации и уголовно-правовая характеристика состава преступления // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы IV международ. науч.-практ. конф. (Тамбов, 22–23 мая 2020 г.): в 2 т. Тамбов: ИД «Державинский», 2020. С. 347–350.
13. Рагог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рагога. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2020. 613 с.
14. Подройкина И. А. Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв. ред. И. А. Подройкина. Москва: Проспект, 2015. 560 с.
15. Практикум по особенностям квалификации отдельных видов преступлений: учебник. Москва: ДГСК МВД России, 2019. 392 с.
16. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2466 «О ведении и функционировании единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
17. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/>.
18. Приговор Унчского районного суда Брянской области по делу № 1-78/2021 от 23 июля 2021 г. [Электронный ресурс] // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru>.
19. Кадников Ф. Н. О новеллах Уголовного кодекса РФ в части ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции // Союз криминалистов и кримиологов. 2018. № 2. С. 75–78. DOI 10.31085/2310-8681-2018-2-75-78.
20. Габдрахманов Р. Л., Денисенко М. В., Кужинов В. Н. Квалификация преступлений, посягающих на законный оборот алкогольной продукции // Российский следователь. 2019. № 11. С. 45–49. URL: <http://www.consultant.ru>.
21. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
22. Лихолетов А. А. Уголовная ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2020. № 3. С. 31–35. DOI 10.18572/1812-3783-2020-3-31-35. URL: <http://www.consultant.ru>.
23. Захарян С. Ю. Критерии общественной опасности незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 3(78). С. 22–26. DOI 10.24411/1999-625X-2020-13004.
24. Бриллиантов А. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. 1184 с.
25. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник [Электронный ресурс] / М. П. Журавлев и др.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Рагога. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2018. 944 с. URL: <http://www.garant.ru>.
26. Практикум по особенностям квалификации отдельных видов преступлений: учебник. Москва: ДГСК МВД России, 2019. 392 с.

References

1. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MaZGpzzY/cen-god.xls>.

2. Federal Law of November 22, 1995 No. 171-FZ "On state regulation of the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on limiting the consumption (drinking) of alcoholic products" [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru>
3. Federal Law of July 26, 2017 No. 203-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru>
4. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/50030-7>.
5. URL: <https://sudrf.ru/>.
6. Piontkovsky A. A. Criminal law of the RSFSR. Part General. Moscow: GIZ, 1924. 235 p.
7. The Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru>
8. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36131>.
9. OK 029-2014 (NACE Rev. 2). All-Russian classifier of types of economic activity: approved. Order of Rosstandart dated January 31, 2014 No. 14-st [Electronic resource]. – URL: <http://www.consultant.ru>.
10. Artamonova A. A. Criminal-legal characteristics of the illegal retail sale of alcoholic and alcohol-containing food products and its significance for the process of proof // Science and education: collection of articles. tr. participants of the XII Regional. scientific conf. students and young scientists (Belovo, November 27, 2020). Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center, 2021, pp. 8–13.
11. Brazhnik S. D. Illegal retail sale of alcoholic and alcohol-containing food products (Article 171.4 of the Criminal Code of the Russian Federation): grounds for criminalization and analysis of the elements of a crime // Eurasian Scientific Association. 2020. No. 2–4 (60). pp. 222–225.
12. Popova E. A. Illegal retail sale of alcoholic and alcohol-containing food products: grounds for criminalization and criminal law characteristics of the offense // Tambov legal readings named after F. N. Plevako: materials of the IV international. scientific-practical. conf. (Tambov, May 22–23, 2020): in 2 volumes. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2020, pp. 347–350.
13. Rarog A. I. Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook / ed. A. I. Raroga. 10th ed., revised. and additional Moscow: Prospekt, 2020. 613 p.
14. Podroikina I. A. Actual problems of criminal law: a textbook for undergraduates / otv. ed. I. A. Podroikina. Moscow: Prospekt, 2015. 560 p.
15. Workshop on the specifics of the qualification of certain types of crimes: a textbook. Moscow: DGSK MIA of Russia, 2019. 392 p.
16. Decree of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020 No. 2466 "On the maintenance and operation of a unified state automated information system for recording the volume of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products" [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru>
17. URL: <https://apps.apple.com/ru/app/>.
18. The verdict of the Unchsky District Court of the Bryansk Region in case No. 1-78/2021 dated July 23, 2021 [Electronic resource] // GAS "Pravosudie". URL: <https://sudrf.ru>.
19. Kadnikov FN On the novelties of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of liability for illegal circulation of alcoholic and alcohol-containing products // Union of criminalists and criminologists. 2018. No. 2. P. 75–78. DOI 10.31085/2310-8681-2018-2-75-78.
20. Gabdrakhmanov R. L., Denisenko M. V., Kuzhikov V. N. Qualification of crimes encroaching on the legal circulation of alcoholic products // Russian investigator. 2019. No. 11. P. 45–49. URL: <http://www.consultant.ru>
21. Federal Law of January 2, 2000 No. 29-FZ "On the Quality and Safety of Food Products" [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru>
22. Likholetov A. A. Criminal liability for illegal retail sale of alcoholic and alcohol-containing food products [Electronic resource] // Russian investigator. 2020. No. 3. P. 31–35. DOI 10.18572/1812-3783-2020-3-31-35. URL: <http://www.consultant.ru>
23. Zakharyan S. Yu. Criteria for the public danger of illicit trafficking in ethyl alcohol, alcohol and alcohol-containing products // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. V. 26. No. 3(78). pp. 22–26. DOI 10.24411/1999-625X-2020-13004.
24. Diamonds A. V. Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook / ed. A. V. Brilliantova. 2nd ed., revised. and additional Moscow: Prospekt, 2017. 1184 p.
25. Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook [Electronic resource] / MP Zhuravlev and others; ed. Dr. jurid. sciences, prof. A.I. Raroga. 10th ed., revised. and additional Moscow: Prospekt, 2018. 944 p. URL: <http://www.garant.ru>.
26. Workshop on the specifics of the qualification of certain types of crimes: a textbook. Moscow: DGSK MIA of Russia, 2019. 392 p.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Недостатки законодательной регламентации деяния и признаков потерпевшего в преступлениях против половой свободы и неприкосновенности

Ермакова Ольга Владимировна

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,

ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. В представленной статье анализируются недостатки регламентации преступлений, закрепленных в главе 18 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором подчеркивается необоснованность введения примечания к статье 131 УК РФ, связывающего понятие беспомощности с возрастной границей в 12 лет. Кроме того, в работе указывается на расплывчатый характер формулировки деяния в рамках статьи 132 УК РФ. В результате автором предлагается ограничить содержание действий сексуального характера исключительно неестественными формами полового акта, по своей общественной опасности сопоставимыми с мужеложством и лесбиянством.

Ключевые слова: беспомощное состояние, действия сексуального характера, преступления против половой неприкосновенности

Для цитирования: Ермакова О. В. Недостатки законодательной регламентации деяния и признаков потерпевшего в преступлениях против половой свободы и неприкосновенности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 160–163.

Original article

Shortcomings of the legislative regulation of the act and signs of the victim in crimes against sexual freedom and inviolability

Ermakova Olga V.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

ermakova_alt@mail.ru

Abstract. The present article analyzes the shortcomings of the regulation of crimes enshrined in Ch. 18 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author emphasizes the groundlessness of introducing a note to Art. 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, which links the concept of helplessness with the age limit of 12 years. In addition, the paper points out the vague nature of the wording of the act under Art. 132 of the Criminal Code of the Russian Federation. As a result, the author proposes to limit the content of sexual acts to exclusively unnatural forms of sexual intercourse, comparable in their social danger to sodomy and lesbianism.

Keywords: helpless state, acts of a sexual nature, crimes against sexual integrity

For citation: Ermakova O. V. Shortcomings of the legislative regulation of the act and signs of the victim in crimes against sexual freedom and inviolability // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 160–163.

В последние годы наблюдается повышенное внимание законодателя к регламентации преступлений против половой неприкосновенности. В результате чего существенно изменились санкции данных статей (вплоть до пожизненного лишения свободы), закреплены новые квалифицированные составы и примечания.

При этом произведенные трансформации уголовного закона вызывают множество проблем в правоприменительной деятельности, большинство из которых относятся к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Так, новое направление квалификации половых преступлений появилось в связи с введением примечания к ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) о признании беспомощными лиц, не достигших 12 лет. Уравнивание данной категории с беспомощными лицами означает необходимость квалификации совершенных в отношении них сексуальных действий по ст. 132 УК РФ.

До закрепления примечания подобные ситуации квалифицировались по ст. 132 УК РФ только в тех случаях, когда потерпевшее лицо не осознавало совершаемые в отношении него действия (т. е. не понимало сущность полового акта или иных сексуальных действий).

Представители науки уголовного права поддерживали такое направление практики. Например, В. В. Романова указывает, что беспомощное состояние по признаку неосознанности со стороны потерпевшего(ей) половых действий должно подтверждаться заключением психолого-психиатрической экспертизы [1, с. 27].

Введение примечания с указанием возрастной границы потерпевших лиц нивелирует не только значение факта осознанности полового действия, но и целесообразность проведения самой экспертизы.

Интересные примеры с точки зрения квалификации половых преступлений возникают при одновременном осуществлении развратных действий в присутствии лица старше 12 лет и не достигшего данной возрастной планки. Так, если виновный совершает одно действие (например, обнажение полового органа), но оно направлено на нескольких лиц, одно из которых достигло возраста 12 лет, а другое нет, правоприменительная практика предлагает квалифицировать деяние по совокупности преступлений – п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, ч. 2 ст. 135 УК РФ.

Полагаем, применение правил совокупности преступлений значительно ухудшает положение виновного лица и не соответствует принципу справедливости.

Получается, законодатель в примечании к ст. 131 УК РФ сформулировал презумпцию однозначной беспомощности лиц до 12 лет в силу их неспособности понимать характер и значение совершаемых действий. Подобная презумпция беспомощности вызывает недоумение, поскольку способность осознавать значение сексуальных отношений имеет индивиду-

альный характер и должна устанавливаться только на основании проведения психолого-психиатрической экспертизы. В связи с чем полагаем необходимым признавать беспомощными только тех лиц, которые в силу возраста не способны осознавать характер совершаемых с ними действий. При этом возрастная граница не должна иметь приоритетного значения, а акцент следует перенести на психологическую составляющую.

Необходимо указать на то обстоятельство, что законодатель и до введения примечания к ст. 131 УК РФ предпринимал попытки ограничить сферу действия ст. 134 УК РФ. Так Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ в диспозицию ст. 134 УК РФ был введен такой признак потерпевшего, как недостижение половой зрелости. Однако вследствие значительных сложностей в толковании он был исключен, а характеристика потерпевшего стала связываться только с возрастными особенностями.

Следует обратить внимание на существующие недостатки законодательной регламентации состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. В частности, в конструкции данного состава при отражении деяния не предусмотрены иные действия сексуального характера [2, с. 121]. Такое решение нельзя признать удачным по следующим основаниям: во-первых, название статьи содержит указание на иные действия, т. е. фактически нарушено технико-юридическое оформление преступного деяния; во-вторых, в общественной жизни добровольные половые отношения между достигшим 18 лет и не достигшим 16 лет лицом могут выражаться не только в естественном акте, но и в иных формах сексуального поведения. А учитывая, что создаваемые конкретные составы преступлений должны отражать особенности реально совершаемых в обществе деяний, соответственно, включение данного преступного поведения в конструкцию социально обоснованно.

Анализ судебной практики показывает, что в случаях совершения иных сексуальных действий в отношении несовершеннолетнего без насилия, ст. 134 УК РФ не применяется. Судебные органы, вынужденные искать варианты решения обозначенной проблемы, вменяют ст. 132 или ст. 135 УК РФ.

Основанием для применения п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ при отсутствии насилия (физического или психического) выступают:

- невозможность несовершеннолетнего осознавать характер совершаемых с ним действий. В этом случае конкретизация возраста несовершеннолетнего значения не имеет, поскольку такое состояние должно признаваться беспомощным в силу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ;

- если потерпевший не достиг 12 лет независимо от фактической осознанности происходящих сексуальных действий в силу примечания к ст. 131 УК РФ он признается находящимся в беспомощном состоянии. То есть в последнем варианте осознание (неосозна-

ние) потерпевшим действий не влияет на квалификацию.

Когда же потерпевшее лицо достигло 12, но не достигло 16 лет, осознает сексуальные действия и отсутствует насилие в его адрес, виновный привлекается к уголовной ответственности по ст. 135 УК РФ.

В этой части необходимо отметить требование относительно осознания виновным возраста потерпевшей (его). Полагаем, внешние различия у несовершеннолетних, не достигших и достигших 12 лет, незначительные, соответственно, возникают проблемы в доказывании и установлении факта осознанности.

Однозначному вменению данные составы подлежат только в том случае, когда умысел виновного направлен на совершение действий именно в отношении лиц определенной возрастной категории. Например, действия совершаются по сети «Интернет», где в соответствующих социальных страницах указан возраст либо лица ранее знакомые. В остальных случаях, руководствуясь принципом вины (ст. 5 УК РФ), при отсутствии осознанности возраста потерпевшего (ей) уголовная ответственность по соответствующим преступлениям невозможна. Считаем, что именно в преступлениях против половой неприкосновенности следование субъективному вменению существенно ограничивает рамки применения уголовного закона и негативно сказывается на предупреждении данной категории деяний, поскольку большинство виновных будут утверждать неосведомленность о возрасте с целью уклонения от ответственности.

Кроме того, квалификация одних и тех же действий сексуального характера по различным статьям уголовного закона, предусматривающим ответственность за преступления, существенно отличающиеся по своей общественной опасности и как следствие влекущие несопоставимые между собой наказания, противоречит основным принципам. Проанализированная практика свидетельствует о том, что выбор в применении ст. 132 либо ст. 135 УК РФ фактически не регламентирован законом, а зависит исключительно от усмотрения правоприменителей.

На основании изложенного считаем необходимым предусмотреть в ст. 134 УК РФ все возможные формы сексуальных деяний, а также исключить из примечания к ст. 131 УК РФ презумпцию возрастной беспомощности лиц, не достигших 12 лет.

Еще одной проблемой выступает определение границ иных действий сексуального характера в рамках ст. 132 УК РФ, актуальность которого возникла в связи с квалификацией по ст. 132 УК РФ развратных действий в отношении лиц, не достигших 12 лет.

Необходимо констатировать, что понятийный аппарат, употребляемый в ст. 132 УК РФ, не имеет четких границ определения запрещенного поведения, в силу чего возникают сложности в квалификации.

В научной литературе и судебной практике высказываются различные позиции расширительного или ограничительного содержания таких действий.

Если исходить из расширительного толкования, к иным действиям сексуального характера могут относиться любые формы насильственного сексуального поведения. Например, следуя представленной логике, правоприменитель должен квалифицировать по ст. 132 УК РФ любые формы превышения границ допустимости по отношению к потерпевшей (совершение поцелуя против воли потерпевшей или прикосновения к частям тела). Так, в научной литературе приводится в качестве разновидности иных действий ощупывание рукой груди. А в обосновании вывода учеными приводятся следующие доводы: «указанные действия предполагают контакт половых органов и способны привести к половому удовлетворению» [3, с. 47].

Полагаем, что подобный подход достаточно сомнителен, поскольку состав преступления в этом случае получается «безграничным». В свою очередь, предписания закона должны иметь четкие пределы своего действия.

Согласно еще одной трактовке содержание таких действий необходимо ограничивать возможностью наступления негативных последствий, сопоставимых с мужеложством и лесбиянством. В этой части не ясно, о каких последствиях идет речь, учитывая, что состав по конструкции формальный.

Представители узкой трактовки ограничивают содержание иных действий физическим контактом с потерпевшим в виде сексуального проникновения в полость тела жертвы [4, с. 18–24].

Таким образом, в доктрине уголовного права отсутствует единый подход в определении иных действий сексуального характера. Расширение толкования данного термина ставит бесконтактные действия в один ряд с контактными, и неверно назначать за них равные наказания.

В данной разновидности преступного деяния законодатель использует формулировку с неопределенным содержанием. Следует указать на двоякое отношение к такому способу отражения деяния, поскольку, с одной стороны, это позволяет правоприменителям значительно расширить сферу реализации уголовно-правового запрета, включая в содержание нормы многочисленные проявления действий сексуального характера; с другой стороны, неоднозначность толкования понятий с «открытым содержанием» приводит к проблемам квалификации преступлений и сложностям в отграничении от смежных составов.

Например, несовершеннолетний А. (16 лет), придя домой к ранее знакомому несовершеннолетнему К. (13 лет), вставил медицинский инструмент «клизма» в его анальное отверстие, объяснив это интересом к профессии врача. К., в свою очередь, испытывал физическую боль и психические страдания. Органы предварительного расследования указали на отсутствие состава преступления, поскольку подобная процедура не относится к сексуальным действиям [5].

Проблема уяснения понятия «иные действия сексуального характера» (как и иных терминов, используемых в главе 18 УК РФ) заключается также в том, что требуется использование знаний иных, неюридических наук (медицины, сексологии, анатомии и т. д.) и их интерпретация для целей уголовного закона [4, с. 18–24].

Однозначно, следует отметить, что трактовка понятия «иные действия сексуального характера» не должна иметь безграничный характер. Иначе говоря, нельзя любые формы сексуальной активности, совершаемые с насилием либо с использованием беспомощного состояния, квалифицировать по ст. 132 УК РФ.

Е. В. Хромов утверждает, что к толкованию данного термина нельзя подходить по остаточному принципу – что не входит в мужеложство и лесбиянство, образует иные действия [6, с. 40–44].

Полагая, установление содержания иных действий сексуального характера следует осуществлять учитывая то обстоятельство, что в диспозиции ст. 132 УК РФ рассматриваемое альтернативное действие указано наряду с мужеложством и лесбиянством. Иначе говоря, общественная опасность «иных действий» должна быть сопоставима с иными альтернативными вариантами. Такая схожесть действий, указанных в ст. ч. 1 ст. 132 УК РФ, проявляется в форме выражения возможных негативных последствий, разрушающем воздействии на объект посягательства. Исходя из этого, иные действия сексуального характера следует понимать как насильственные суррогатные (неестественные) формы полового акта.

Сложившаяся в последние годы правоприменительную практику квалификации по ст. 132 УК РФ безнасилованных развратных действий (показ органов, в том числе в сети «Интернет» и т. д.), совершенных в отношении не достигших 12 лет, следует оценить как негативную, поскольку имеет место искусственное уравнивание общественной опасности данного поведения с реальными формами проявления неестественных половых актов.

Принимая во внимание неопределенный характер представленного в диспозиции ст. 132 УК РФ законодательного предписания, необходимо уточнить в самом законе общественно опасное деяние, обозначив его признаки и характеристику. Только в результате подобной корректировки уголовного закона будет возможно проведение квалификации преступного поведения и назначение справедливого наказания.

Список источников

1. Романова В. В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Криминалист. 2010. № 3 (7). С. 25–29.
2. Коняхин В. П., Сяткин Н. Н. Законодательное описание объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, и возможные пути его оптимизации // Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 119–123.

3. Кругликов Л. Л., Иванчин А. В. Спорные проблемы трактовки и квалификации иных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 4 (50). С. 44–48.

4. Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 18–24.

5. Уголовное дело № 17802 // Следственное управление следственного комитета РФ по Алтайскому краю.

6. Хромов Е. В. Границы иных действий сексуального характера // Законность. 2021. № 1. С. 40–44.

References

1. Romanova V.V. Features of the crime under Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminalist. 2010. No. 3 (7). pp. 25–29.
2. Konyakhin V.P., Syatkin N.N. Legislative description of the objective side of the crime under Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, and possible ways of its optimization // Society and Law. 2012. No. 1 (38). pp. 119–123.
3. Kruglikov L.L., Ivanchin A.V. Controversial problems of interpretation and qualification of other acts of a sexual nature (Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Yaroslavl State University. P.G. Demidov. Series Humanities. 2019. No. 4 (50). pp. 44–48.
4. Bezverkhov A. On some issues of qualification of violent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual // Criminal law. 2014. No. 5. P. 18–24.
5. Criminal case No. 17802 // Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Altai Territory.
6. Khromov E.V. Limits of other acts of a sexual nature // Legitimacy. 2021. No. 1. P. 40–44.

Информация об авторе

Ермакова Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Ermakova Olga V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Научная статья
УДК 343.34

Уголовно-правовая характеристика действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств

Ефарова Марина Николаевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
solovyova11557@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются вопросы уголовно-правовой оценки действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Автором рассматриваются особенности толкования отдельных признаков состава преступления, приводятся критерии разграничения от смежных норм.

Ключевые слова: уголовно-правовая характеристика, состав преступления, безопасность эксплуатации, транспортное средство

Благодарности: выражаю благодарность своему научному руководителю доценту кафедры уголовного права УрЮИ МВД России кандидату юридических наук, доценту Щетининой Наталье Валерьевне, а также профессорско-преподавательскому составу кафедры уголовного права УрЮИ МВД России в подготовке научной статьи.

Для цитирования: Ефарова М. Н. Уголовно-правовая характеристика действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 164–167.

Original article

Criminal law characteristics of actions that threaten the safe operation of vehicles

Efarova Marina N.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
solovyova11557@gmail.com

Abstract. The article analyzes the issues of criminal legal assessment of actions that threaten the safe operation of vehicles. The author examines the peculiarities of the interpretation of individual elements of the corpus delicti, provides criteria for distinguishing from related norms.

Keywords: criminal-legal characteristics, corpus delicti, operational safety, vehicle

Acknowledgments: I would like to express my gratitude to my supervisor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia Candidate of Law, Associate Professor Natalya Valerievna Shchetinina, as well as the teaching staff of the Department of Criminal Law of the Ural Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the preparation of a scientific article.

For citation: Efarova M. N. Criminal law characteristics of actions that threaten the safe operation of vehicles // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 164–167.

С момента криминализации действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств [1], норма, содержащаяся в ст. 267¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), стала предметом исследования многих научных работ. Однако они не внесли полной ясности в характеристику признаков анализируемого состава. Кроме того, представители правоохранительных органов до сих пор считают ст. 267¹ УК РФ не эффективной. Такая ситуация обусловлена непониманием содержания отдельных признаков данного состава преступления, несовершенством используемых формулировок и понятийного аппарата, отсутствием четкой корреляции между смежными нормами, а также нормами уголовного и административного законодательства.

Данные проблемы предопределяют необходимость уголовно-правового анализа признаков состава преступления, предусматривающего ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, являются общественные отношения, направленные на обеспечение безопасной эксплуатации транспортных средств, под которой необходимо понимать состояние, характеризующееся отсутствием факторов, представляющих опасность процессу использования транспортного средства. При этом под эксплуатацией подразумевается использование транспортного средства как во время движения, так и вне его.

Весьма убедительны по этому поводу высказывания А. И. Чучаева и А. Ю. Пожарского. Авторы полагают, что совершенно логично считать, что в ст. 267¹ УК РФ, принятой для реализации целей гл. 27 УК РФ (защита общественных отношений, связанных с безопасностью движения и эксплуатации транспорта), термин «эксплуатация транспортных средств» используется в широком смысле, подразумевая и безопасность их движения [2, с. 146].

В качестве факультативного объекта анализируемого преступления выступают общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье, собственность и окружающую природную среду. Такой вывод можно сделать на основании законодательного термина «безопасность на транспорте». Под последней понимается состояние транспортной системы, позволяющее предотвращать (минимизировать) вред здоровью и (или) жизни людей, ущерб имуществу и окружающей среде [3]. При определении данного вида объекта необходимо учесть также позиции специалистов, которые склоняются к тому, что составы преступлений, помещенные в гл. 27 УК РФ, введены главным образом для охраны жизни, здоровья, собственности, природной среды в процессе движения и эксплуатации транспорта [4, с. 50; 5, с. 93; 6, с. 82]. Кроме того, анализ материалов судебной практики свидетельствует, что суды, оценивая характер и степень действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, указывают, что такие

действия создают угрозу жизни и здоровья граждан [7, 8, 9], причинения имущественного вреда [8, 10], загрязнения окружающей среды [10], кораблекрушения [10], схода пассажирского поезда [9] и т. д.

Обязательным признаком объекта ст. 267¹ УК РФ является предмет преступления – транспортное средство, к которому в соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [11] относятся транспортные средства автомобильного транспорта, транспортные средства городского наземного электрического транспорта, воздушные суда гражданской авиации, используемые в целях обеспечения потребностей граждан и экономики, суда внутреннего водного плавания и торгового мореплавания, эксплуатация которых непосредственно связана с присутствием на таких судах людей и материального имущества, железнодорожные транспортные средства, а также транспортные средства внеуличного транспорта (метрополитена).

Воздействие на предмет преступления может быть как непосредственным, когда виновное лицо направляет свои действия напрямую на части и механизмы транспортного средства (отключение топливного насоса генераторного автомата морского судна в целях невозможности дальнейшего его эксплуатации), так и опосредованным – влияние на предмет преступления осуществляется через иные материальные ориентиры (например, ослепление пилота самолета во время полета, опасное вождение, при котором водители транспортных средств, безопасная эксплуатация которых ставится под угрозу, прибегают к экстренному торможению и др.).

Объективная сторона анализируемого состава преступления выражена действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств. Под угрожающими следует считать такие действия, которые ставят в опасность жизнь, здоровье людей и сохранность имущества в процессе эксплуатации транспортных средств. Угроза (опасность) должна быть реальной, то есть характеризоваться возникновением обстановки, которая повлекла бы предусмотренные уголовным законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица. Например, на оживленной трассе агрессивный водитель совершает резкое торможение и перестроение перед попутно движущимися транспортными средствами, однако столкновения не происходит из-за своевременной реакции водителей иных транспортных средств, применивших экстренное торможение.

Несмотря на отсутствие в диспозиции ст. 267¹ УК РФ указания на нарушение норм позитивного права, действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, могут выражаться в неисполнении требований нормативных правовых актов (например, Правил дорожного движения Российской Федерации, правил эксплуатации транспортных

средств). В частности, приговором мирового судьи судебного участка г. Усолье-Сибирское Усольского района Иркутской области признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, гражданин Т. Он, двигаясь на своем транспортном средстве в нарушение п. 1.1, 1.3, 1.5, 2.4, 2.7, 3.2, 10.1 Правил дорожного движения РФ, столкнулся с автомобилем сотрудников ДПС ГИБДД РФ, вследствие чего автомобиль сотрудников откинуло в сторону встречно движущегося транспортного средства.

В результате дорожно-транспортного происшествия пострадавшие получили телесные повреждения, не приравняющиеся к вреду здоровью [12].

Место совершения преступления не имеет уголовно-правового значения для рассматриваемого состава, поэтому действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, могут быть совершены как на транспортном средстве, безопасность эксплуатации которого ставится под угрозу, так и вне него. Не исключается совершение действий, угрожающих безопасной эксплуатации, и на ином транспортном средстве.

По конструкции объективной стороны комментируемый состав является так называемым составом поставления в опасность, при котором уголовная ответственность предусматривается за сам факт создания опасной для общественно важных интересов ситуации. Преступление является оконченным с момента совершения действий, которые ставят в опасность жизнь, здоровье, сохранность имущества в процессе эксплуатации транспортного средства.

Следует отличать действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, совершаемые на том транспортном средстве, безопасность эксплуатации которого ставится под угрозу, от хулиганства на железнодорожном, водном, воздушном и ином транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Критерием разграничения является характер совершаемых виновным действий. Так, если пассажир на борту самолета начинает приставать к гражданам, высказываться нецензурной бранью в отношении других пассажиров и экипажа самолета, пытаться открыть эвакуационную дверь, демонстративно показывая свое «Я», тем самым грубо нарушать общественный порядок, выражая явное неуважение к присутствующим, содеянное следует квалифицировать по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, т. к. вред причиняется отношениям по охране общественного порядка на транспорте общего пользования. Если же пассажир проникает в кабину пилота, начинает хватать его за одежду и руки, пытается вырвать штурвал, нажимает на датчики управления самолетом, что ставит под угрозу состояние защищенности полета воздушного судна, его действия содержат признаки состава преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, т. к. страдают отношения безопасной эксплуатации транспортных средств.

Между тем следует отличать действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств,

от разрушения, повреждения или приведения иным образом транспортное средство в негодное для эксплуатации, если эти деяния создали угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан либо угрозу уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц (ч. 1 ст. 267 УК РФ), как представляется, по временному промежутку совершаемых действий. Так, если лицо повреждает двигатель автомобиля, не подвергающегося эксплуатации в данный момент (стоит на стоянке), то такие действия необходимо оценивать как приведение в негодное для эксплуатации состояние транспортного средства и квалифицировать по ч. 1 ст. 267 УК РФ. В частности, приговором Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) по ч. 1 ст. 267 УК РФ назначено наказание гражданину Б., который, находясь на поле аэродрома и управляя спецтранспортом для погрузки багажа, осуществляя движение задним ходом в сторону багажного отсека, совершил столкновение с воздушным судном, находящимся на стоянке. В результате чего повредил его обшивку и внутренний силовой набор фюзеляжа, приведя указанное транспортное средство в негодное для эксплуатации состояние [13].

В случае когда виновный повреждает, например, тормозной диск автомобиля в процессе его эксплуатации иными лицами (при передвижении по дороге), такое поведение следует расценивать как действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортного средства.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Не имеет юридического значения для квалификации действий виновного по анализируемой норме его должностное положение. Им может быть как лицо, на котором не лежит обязанность соблюдения правил безопасности и иных требований, так и лицо, обязанное соблюдать соответствующие нормативные предписания. В частности, приговором Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края признан виновным в совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, механик морского буксира 3., который в силу занимаемой должности обязан обеспечивать и поддерживать нормальное функционирование электрооборудования морского судна [10].

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла и хулиганскими побуждениями. Лицо должно осознавать общественную опасность действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, и желать их совершения.

Хулиганские побуждения как обязательный признак необходимо рассматривать с учетом специфики охраняемых анализируемой статьей интересов, которые подвергаются угрозе. Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, необходимо считать совершенными из хулиганских по-

буждений в том случае, когда поведение лица было обусловлено явным неуважением к обществу, желанием противопоставить себя участникам отношений безопасной эксплуатации транспортных средств, продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к ним.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: моногр. М.: Проспект, 2018. 256 с.
3. Модельный закон о безопасности на транспорте [Электронный ресурс]: постановление на 29-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 31 октября 2007 г. № 29-9 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бохан А. П. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 211 с.
5. Авдальян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 199 с.
6. Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 206 с.
7. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Новолялинского судебного района Свердловской области от 12 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru>.
8. Приговор мирового судьи судебного участка № 4 Нижегородского судебного района города Нижнего Новгорода Нижегородской области от 10 января 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru>.
9. Приговор мирового судьи Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области от 16 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru>.
10. Приговор Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 9 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru>.
11. О транспортной безопасности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приговор мирового судьи судебного участка г. Усолье-Сибирское Усольского района Иркутской области от 10 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru>.
13. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 25 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru>.

References

1. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of April 3, 2017 No. 60-FZ // Consultant Plus SPS.
2. Chuchaev A. I., Pozharsky A. Yu. Transport crimes: concept, types, characteristics: monograph. M.: Prospekt, 2018. 256 p.
3. Model law on transport security [Electronic resource]: resolution at the 29th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated October 31, 2007 No. 29-9 // ATP "ConsultantPlus".
4. Bokhan A.P. Criminal liability for violation of the rules of the road and the operation of vehicles: dis. ... cand. legal Sciences. Rostov-on-Don, 2002. 211 p.
5. Avdalyan M.E. The basis of criminalization and crime-forming signs of violation of the rules of the road and the operation of vehicles: dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2015. 199 p.
6. Isaev N. I. Criminal liability for violation of the rules of the road and the operation of vehicles: dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2009. 206 p.
7. The verdict of the justice of the peace of the judicial district No. 2 of the Novolyalinsky judicial district of the Sverdlovsk region of April 12, 2019 [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru>.
8. The verdict of the magistrate of the court district No. 4 of the Nizhny Novgorod judicial district of the city of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region of January 10, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru>.
9. The verdict of the justice of the peace of the Sol-Iletsk district court of the Orenburg region of April 16, 2019 [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru>.
10. Sentence of the Sovetsko-Gavansky City Court of the Khabarovsk Territory of June 9, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru>.
11. On transport security [Electronic resource]: Federal Law of February 9, 2007 No. 16-FZ // SPS "Consultant Plus".
12. The verdict of the justice of the peace of the judicial district of the city of Usolye-Sibirskoye, Usolsky district of the Irkutsk region of September 10, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://bsr.sudrf.ru>.
13. The verdict of the Yakut City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated October 25, 2016 [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru>.

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for publication 24.03.2022.

Некоторые вопросы законодательной регламентации норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности

Малышев Константин Сергеевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

k.malyshev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и развития норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности. Поднимаются проблемы уголовно-правовой регламентации, предлагаются пути их решения. На основе системного анализа и соотношения норм уголовного и административного законодательства, исследования статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ автор аргументирует целесообразность декриминализации ст. 207¹ УК РФ и необходимость внесения изменений в ст. 207² УК РФ с условием корреляции смежных норм административного законодательства.

Ключевые слова: законодательная регламентация, общественная безопасность, общественно значимая информация, ложная информация, недостоверная информация, COVID-19

Для цитирования: Малышев К. С. Некоторые вопросы законодательной регламентации норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 168–173.

Original article

Some issues of legislative regulation of the norms on responsibility for the dissemination of information that does not correspond to the activity that poses a threat to public safety

Malyshev Konstantin S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

k.malyshev@mail.ru

Abstract. The article deals with the formation and development of norms on responsibility for the dissemination of information that does not correspond to the activity that poses a threat to public safety. The problems of criminal law regulation are raised, ways of their solution are proposed. Based on a systematic analysis and correlation of the norms of criminal and administrative legislation, research of statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, the author argues the expediency of decriminalization of Article 207¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and the need to amend Article 207² of the Criminal Code of the Russian Federation with the condition of correlation of related norms of administrative legislation.

Keywords: legislative regulation, public safety, socially significant information, false information, questionable information, COVID-19

For citation: Malyshev K. S. Some issues of legislative regulation of the norms on responsibility for the dissemination of information that does not correspond to the activity that poses a threat to public safety // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 168–173.

В современную эпоху цифровой трансформации политической, экономической, социальной, культурной и иных сфер общественной жизни мир столкнулся с серьезными вызовами безопасности личности, общества и государства.

К числу таких вызовов следует отнести доступность и высокую степень интенсивности публичного распространения информации в информационно-телекоммуникационной среде.

Кроме того, опасность может представлять не регламентированное законодательством использование в информационно-телекоммуникационных сетях простых для освоения технологий, таких как «дипфейк», не требующих при подготовке контента серьезных специальных познаний. Дипфейк – это технология обучения искусственного интеллекта, которая позволяет пользователю синтезировать речь любого человека на аудиоконтенте либо изображение любого человека на видеоконтенте.

Следует отметить, что сама технология не является общественно опасной и может положительно использоваться в киноиндустрии, при общении с глухими, путем онлайн-преобразования аудиоинформации в текстовую, при онлайн-переводе текста с одного языка на другой и в иных общественно полезных целях. Однако правовой вакуум многих государств по защите населения от злоупотреблений данным инструментом и в целом от публичного распространения ложной информации создает благодатную почву для деяний злоумышленников, которые могут как причинить вред репутации отдельного человека, так и посеять панику среди населения, вызвать массовые беспорядки и прочие общественно опасные явления.

В мире уже предпринимаются первые шаги правовой защиты от угрозы общественной безопасности в информационно-телекоммуникационной среде, связанной с ложным информированием населения. Так, например, в октябре 2019 года в штате Калифорния США введена ответственность за изготовление и распространение дипфейков в пределах 60 дней до выборов [1].

С января 2020 года в Китае за распространение дипфейков и иной ложной информации в информационно-телекоммуникационных сетях в нарушение установленных правил, предусматривающих обязательную специальную маркировку такого контента, предусмотрена уголовная ответственность [2]. Следует отметить, что к ответственности могут быть привлечены не только пользователи, но и хостинг-сервисы.

В нашем государстве также приняты федеральные законы, которые регламентируют юридическую ответственность за распространение информации, заведомо не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности.

В марте 2019 года в ст. 13.15 КоАП РФ были введены части 9, 10 и 11. Анализ санкций данных норм позволяет прийти к выводу о том, что степень вреда общественным отношениям возрастает от ч. 9 к ч. 11. Так, например, наказание для физических лиц в виде штрафа по ч. 9 установлено от тридцати тысяч до ста тысяч рублей, по ч. 10 – от ста тысяч до трехсот тысяч рублей, по ч. 11 – от трехсот тысяч до четырехсот тысяч рублей.

Часть 9 ст. 13.15 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния.

Данный состав сконструирован как формальный, с особенностью наступления угрозы, которая характеризует деяние. Части 10 и 11 ст. 13.15 КоАП РФ отличаются от ч. 9 анализируемой нормы конструкцией состава – они материальные. По ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ в результате деяния должны наступить последствия в виде помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. По ч. 11 ст. 13.15 КоАП РФ в качестве последствий (в редакции КоАП РФ от 2019 года) выступали смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Социальная обусловленность введения юридической ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, на наш взгляд, была связана с резонансными событиями в нашей стране.

В частности к таким событиям следует отнести информационный «вброс» в информационно-телекоммуникационные сети после пожара в торговом-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» в марте 2018 года в городе Кемерово. Буквально через сутки

после страшной трагедии по информационно-телекоммуникационным сетям разлетелась ложная, как выяснилось позже, аудиозапись якобы переговоров неких анонимных сотрудников МЧС России. В этой записи сообщались ложные сведения об обнаружении на четвертом этаже сгоревшего торгового центра нескольких сотен трупов. Кроме того, сообщалось, что лжесотрудникам МЧС России якобы поручили скрывать правду от общественности, и тела тайно вывозили по ночам в разные морги.

Эта новость вызвала широкий общественный резонанс, люди вышли на митинги, и местным властям большими усилиями удалось убедить людей не прибегать к массовым беспорядкам.

Многочисленные журналистские расследования не выявили ни одного человека, который бы искал погибших в тот день родственников, помимо тех жертв, которые были внесены в официальные опубликованные органами государственной власти списки.

Позднее Следственным комитетом Российской Федерации было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, в отношении гражданина Украины Никиты Кувикова, который оказался автором ложной информации, распространенной в сети [3]. Безусловно, «возбуждение ненависти или вражды» относится к признакам вмененного состава преступления. При этом, по разъяснению Генеральной прокуратуры РФ, под действиями, направленными на возбуждение ненависти или вражды, в рамках диспозиции ст. 282 УК РФ следует рассматривать «любой целенаправленный акт внешней практической деятельности, включая речевое изложение мысли и иные формы передачи информации языковыми или изобразительными средствами» [4].

Однако, к сожалению, попытка привлечения к уголовной ответственности лица, распространившего заведомо ложную информацию, когда это деяние повлекло реальную угрозу массовых беспорядков, в 2018 году, на наш взгляд, наткнулась на пробел законодательства. Это обусловлено тем, что возбуждающей ненависть либо вражду в рамках признаков ст. 282 УК РФ может быть лишь такая информация, которая формирует негативный образ отдельных социальных групп, в том числе по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии [5, с. 30]. Вопрос об отнесении «государственной власти» к социальной группе до сих пор остается дискуссионным как в теории уголовного права, так и на практике [6; 7].

Более того, восполнение указанного пробела законодательства в 2019 году путем введения норм исключительно об административной ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности, создающее угрозу общественной безопасности, по нашему мнению, не было не завершено, так как исследуемые деяния со всей очевидностью могут причинять существенный вред общественным отношениям, охраняемым, в том числе, нормами уголовного законодательства.

Следует также отметить, что, установив в качестве признака анализируемого административного правонарушения «угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры» и прочее, законодатель почему-то нормативно закрепил данное деяние в главе 13 КоАП РФ «Административные правонарушения в области связи и информации», а не в главе 20 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность».

Логичным развитием законодательной регламентации норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, создающее угрозу общественной безопасности, на наш взгляд, стало введение в апреле 2020 года уголовной ответственности за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в рамках ст. 207¹ УК РФ.

Кроме того, этим же законом была введена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 207² УК РФ за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека; в ч. 2 этой же статьи уголовного законодательства ответственность установлена за то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Катализатором указанных законодательных новелл стала глобальная проблема борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Уроки истории о массовых волнениях в России в XIX веке, когда по стране прокатились холерные бунты после ложных слухов о якобы намеренных действиях властей по отравлению колодцев с питьевой водой, а также существенно завышенных цифрах погибших от болезни, не прошли даром.

Безусловно, данные нормы уголовного законодательства были введены не только для борьбы с COVID-19, а в целом для защиты общественной безопасности от ложной информации, распространение которой представляет серьезную угрозу для состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Анализ становления и развития норм отечественного административного и уголовного законодательства, направленных на защиту общественных отношений от негативного явления, в качестве которого выступает распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности, позволил нам сделать

вывод о наличии ряда проблем в законодательной регламентации указанных норм.

Одной из проблем, относящихся к действующей редакции анализируемых норм уголовного законодательства, по нашему мнению, является вопрос о целесообразности законодательного разграничения предмета в ст. 207¹ и ст. 207² УК РФ. Кроме того, считаем дискуссионным вопрос о верном соотношении общественной опасности ст. 207¹ УК РФ с характером деяний смежных административных правонарушений.

Вопрос о целесообразности законодательного разграничения предмета в ст. 207¹ и ст. 207² УК РФ вытекает из разъяснений Президиума Верховного Суда РФ и результатов анализа сопоставления норм административного, уголовного законодательства и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В Обзоре Президиума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 разъясняется, что информация, выступающая предметом ст. 207¹ УК РФ, может относиться к информации, выступающей предметом ст. 207² УК РФ [8]. Там же указано, что при конкуренции данных норм достаточной является квалификация по ст. 207² УК РФ. Следовательно, ст. 207¹ УК РФ является специальной по отношению к общей норме, которой является ст. 207² УК РФ.

Однако и ст. 207¹ УК РФ, и ч. 1 ст. 207² УК РФ относятся к категории преступлений небольшой тяжести. Более того, содержание информации, выступающей предметом в ст. 207¹ УК РФ, не обладает спецификой, требующей вынесения деяния в отдельную норму. Этот вывод вытекает из определения «общественно значимой информации», регламентированного ч. 11 ст. 153 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в которой устанавливается, что недостоверной общественно значимой информацией является информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. Другими словами, предметом преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, может выступать любая информация, которая представляет угрозу обозначенным выше объектам. В этой связи представляется целесообразным декриминализировать деяние, предусмотренное ст. 207¹ УК РФ, а также внести изменения в действующую редакцию ст. 207² УК РФ.

Данный тезис отчасти подтверждается статистическими данными. По ст. 207¹ УК РФ за 2020 год привлечено к ответственности два человека, по ст. 207² УК РФ – ни одного [9].

При внесении изменений в редакцию ст. 207² УК РФ следует учитывать, что законодатель изначально не проводил разграничения по последствию в виде неосторожного причинения вреда здоровью, смерти и иных тяжких последствий. Этот вывод основан на анализе ч. 11 ст. 13.15 КоАП РФ в редакции Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», где административная ответственность наступала за «распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

Следует также учесть, что административная ответственность наступает за распространение недостоверной информации, а уголовная ответственность – за распространение ложной информации. Оба вида информации должны быть максимально реалистичными, именно это может обеспечить существенное воздействие на других людей и вызвать общественный резонанс, со всеми вытекающими последствиями. Вместе с тем, на наш взгляд, характер недостоверной и ложной информации нельзя оценивать одинаково. К сожалению, в настоящее время в России пока нет правовой обязанности у населения и возможности официальной проверки общественно значимой информации перед ее перенаправлением (так называемым «репостом»). Отсутствует в том числе сам реестр общественно значимой информации, который следовало бы создать по аналогии, например, с персональными данными. Однако в качестве недостоверной информации как предмета административного правонарушения по ст. 13.15 КоАП РФ, на наш взгляд, по характеру общественного вреда следует считать именно непроверенную перенаправляемую общественно значимую информацию. В данном случае административная ответственность будет обоснованной, если такое перенаправление по неосторожности повлечет последствия, указанные в ч. 11 ст. 153 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данное деяние в таком случае будет регламентировать защиту общественных отношений именно в области связи и информации и соответствовать структуре норм административного законодательства.

К уголовной ответственности по характеру и степени общественной опасности, на наш взгляд, следует привлекать лиц, создавших и распространивших заведомо ложную общественно значимую информацию. В таком случае изменения в редакцию ст. 2072 УК РФ (при условии декриминализации ст. 2071 УК РФ) должны в основном составе предусматривать ответственность за создание и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, создавшее угрозу наступления последствий в виде причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Соответственно, квалифицированный состав должен предусматривать ответственность за неосторожное наступление хотя бы одного из указанных в основном составе (в качестве угрозы) реальных последствий. Если же лицо умышленно стремилось достичь таких последствий, то деяние следует квалифицировать по соответствующим статьям уголовного законодательства против общественных отношений, которым причинен вред либо возникла угроза причинения такого вреда.

Цифровизация общественных отношений предъявляет высокие требования к эффективности форм и методов борьбы с новыми общественно опасными явлениями, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности, поднимает ряд проблем как на уровне законотворческой деятельности, так и на уровне правоприменения. Следовательно, теоретическая разработка указанного направления высоко востребована обществом и государством.

Список источников

1. Фальшивое будущее: международный опыт (не) регулирования дипфейков [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/falshivoe-budushee-i-pornografiya-mezhdunaro-dnyi-opyt-ne-regulirovaniya-dipfeikov> (дата обращения: 27.09.2021).
2. В Китае запретили публиковать дипфейки и фейковые новости без пояснений о подделке [Электронный ресурс]. URL: <https://tjournal.ru/tech/128886-v-kitae-zapretili-publikovat-dipfeyki-i-feykovye-novosti-bez-poyasneniy-o-poddelke> (дата обращения: 27.09.2021).
3. Возбуждено еще одно уголовное дело о пожаре в Кемерово [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1213375/> (дата обращения: 28.09.2021).
4. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 июня 1999 г.

№ 27-19-19 «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30002688#pos=3;-106 (дата обращения: 29.09.2021).

5. Макеева И. С., Харламова А. А. Преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасности государства: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2018.

6. Эксперты признали чиновников социальной группой [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/user/4296757178/content/eksperty-priznali-chinovnikov-sotsialnoi-gruppoi/4222401> (дата обращения: 29.09.2021).

7. Депутатов Госдумы РФ, прокуроров и полицейских не стали признавать социальной группой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2012/01/16/3963441.shtml?updated> (дата обращения: 29.09.2021).

8. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsr.ru/files/28856> (дата обращения: 29.09.2021).

9. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам [Электронный ресурс] // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 29.09.2021).

References

1. False future: international experience of (un) regulation deepfakes [Electronic resource]. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/falshivoe-budushee-i-pornografiya-mezhdunaro-dnyi-opyt-ne-regulirovaniya-dipfeikov> (date of access: 09/27/2021).
2. China banned the publication of deepfakes and fake news without explanation about the fake [Electronic resource]. URL: <https://tjournal.ru/tech/128886-v-kitae-zapretili-publikovat-dipfeyki-i-feykovye-novosti-bez-poyasneniy-o-poddelke> (date of access: 09/27/2021).
3. Another criminal case has been opened about the fire in Kemerovo. News. Official site of the Investigative Committee of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1213375/> (date of access: 09/28/2021).
4. Methodological recommendations of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated June 29, 1999 No. 27-19-19 «On the use of special knowledge in cases and materials on inciting national, racial or religious hatred» [Electronic resource].

ce]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30002688#pos=3;-106 (date of access: 09/29/2021).

5. Makeeva I.S., Kharlamova A.A. Crimes of an extremist orientation, encroaching on the foundations of the constitutional system and state security: a study guide / I.S. Makeeva, A.A. Kharlamov. - Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018.

6. Experts recognized officials as a social group [Electronic resource]. URL: <https://newsland.com/user/4296757178/content/eksperty-priznali-chinovnikov-sotsialnoi-gruppoi/4222401> (date of access: 09/29/2021).

7. Deputies of the State Duma of the Russian Federation, prosecutors and policemen were not recognized as a social group [Electronic resource]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2012/01/16/3963441.shtml?updated> (date of access: 09/29/2021).

8. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation No. 1. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/> (date of access: 09/29/2021).

9. Report on the number of convicts for all offenses of the criminal code of the Russian Federation and other persons in respect of whom judicial acts in criminal cases have been issued. Judicial statistics. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (date of access: 09/29/2021).

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication 24.03.2022.